КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVII.

1899 г.

ДЕКАБРЬ

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (*Продолженіе*). **П. Житецкаго** . . . . . 277—300

II. ПИКИНЕРІЯ. **Д. Миллера** . . . . 301—322

III. МАРУСЯ БОГУСЛАВКА. Побытово-исторычня драма въ пяты одминахъ. (*Окончаніе*). **М. Старицкаго** . . . . . 323—380

IV. КЪ ИСТОРІИ ТОРГОВЛИ КОЛЬЦАМИ СВ. ВАРВАРЫ ВЪ КІЕВѢ. **Л. Орельскаго** . . . . 381—389

V. ВЗГЛЯДЪ НА РЕМЕСЛО ПАЛАЧА ВЪ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. **Ор. Левицкаго** . . . . 390—398

VI. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. (*Окончаніе*). **Н. Бѣляшевскаго** . . . . 399—412

VII. КЪ ПОРТРЕТУ И. Ѳ. ТИМКОВСКАГО. **Н. Ш.** . . . . . 413—415

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Памяти Алексѣя Петровича Стороженка. (По поводу 25-лѣтія со дня его смерти). **В. Н.**; б) Письмо къ редактору Кіевской Старины о стих. „Славянамъ“ профес. **Н. Стороженка**; в) Гетманскій рецептъ отъ кашля; г) Варіантъ пѣсни про дурня; д) Дополненіе къ тексту интермедіи «Замыслъ на попа»; е) Заботы о брачныхъ союзахъ юношей духовнаго званія . 121—130

Текущія извѣстія . . . . 131—137

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Записки Наукового товариства імени Шевченка. **А. М.**; б) «Этнографічний збірник». **В. Доманицкаго**; в) Обзоръ украинско-русской литературы за 1898-й годъ. **В. Д**; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 138—167

Археологическая лѣтопись . . . . 168—182

III. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Разсказы М. Т. Симонова. (Номиса).
2) Портретъ И. Ѳ. Тимковскаго.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 28 ноября 1899 года.

Просимъ исправить слѣдующую опечатку въ статьѣ П. И. Житецкаго.

Въ заглавіи 8-й главы напечатано: „для изученія произношенія и правописанія *малорусскаго*“, а нужно читать: „для изученія произношенія и правописаніи *великорусскаго*“.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

и

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

(Продолженіе [1]).

VIII.

Языкъ лѣтописей малорусскихъ первой половины XVIII вѣка. „Діаріушъ“ Н. Д. Ханенка и „Дневникъ“ его же. Руководства для изученія произношенія и правописанія малорусскаго. Паденіе книжной малорусской рѣчи въ лѣвобережной Украинѣ.

Въ XVII в. книжная малорусская рѣчь употреблялась не въ однихъ сочиненіяхъ церковно-религіознаго содержанія. Не мало дошло до насъ отъ того времени лѣтописей, хронографовъ и козацкихъ хроникъ, написанныхъ этою рѣчью. Повидимому, ей суждено было сдѣлаться тѣмъ, что называется языкомъ образованнаго общества. По крайней мѣрѣ, она составляетъ обычное явленіе въ частной перепискѣ образованныхъ людей XVIII в. Точно такъ же до половины прошлаго вѣка мы встрѣчаемъ ее въ оффиціальныхъ бумагахъ, выходившихъ изъ мѣстныхъ канцелярій, и въ литературныхъ произведеніяхъ историческаго содержанія.

[1]) См. Кіевск. Стар., 1899 г., ноябрь.

Въ 1702 г. окончена была лѣтопись Самовидца. Но такъ какъ авторъ ея началъ службу свою въ войсковой канцеляріи еще при Богданѣ Хмельницкомъ, то можно полагать, что и лѣтопись его начата была не въ XVIII в. На это указываетъ, между прочимъ, и языкъ лѣтописи, представляющій обычный типъ книжной малорусской рѣчи въ томъ видѣ, какъ сложилась она въ XVII вѣкѣ.

Собственно говоря, въ XVIII в. эта рѣчь усвоила нѣкоторыя такія особенности, которыя чужды были ей въ XVII в.

Къ числу этихъ особенностей мы относимъ прежде всего слова, звуки и формы славяно-русской рѣчи, появившіяся въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, написанныхъ въ первой четверти XVIII в. книжною малорусскою рѣчью. Въ ряду этихъ произведеній выдающееся мѣсто занимаетъ извѣстная лѣтопись Самуила Величка (1720 г.)[1].

Величко былъ писатель трудолюбивый и добросовѣстный. Почерпалъ онъ свѣдѣнія свои изъ разныхъ источниковъ рукописныхъ и печатныхъ. Къ послѣднимъ обращался онъ потому, что, за оскудѣніемъ козацкихъ лѣтописцевъ, трудно было, какъ онъ говоритъ, „домацатися совершеннаго о всемъ видѣнія и правды“, поэтому онъ простодушно обращается къ читателю: „если покажется тебѣ въ семъ дѣлѣ моемъ що подзорное и неправедное, то може и такъ есть. Ты убо аще достанеши совершеннѣйшихъ козацкихъ или иныхъ якихъ лѣтописцевъ, воленъ... не уничтожая и моего подлаго труда, отъ Бога ти даннымъ разумомъ исправити“[2]. На трудъ литературный онъ смотрѣлъ,

[1]) Лѣтопись Самуила Величка издана Временною коммиссіей для разбора древнихъ актовъ въ Кіевѣ—въ 1848 г. первые два тома, въ 1855 г. третій томъ, а въ 1864 г. четвертый. Можно полагать, что лѣтопись издана по рукописи, принадлежавшей самому автору: тѣмъ болѣе пожалѣть можно, что издатели раскрыли титла, поставили ѣ и ь, и и і по современному употребленію этихъ буквъ въ правописаніи.

[2]) Томъ I, стр. 7.

какъ на „медикаментъ отъ всякихъ печалей и злоключеній". [1]) Потерявъ зрѣніе, онъ „не безъ жалю докучалъ людямъ о чтеніе книжное, слушающи, що мога" [2]). Мало того: онъ приказалъ „отрокомъ, въ писаніи при немъ навижавшимъ", переписать космографію, извиняясь при этомъ предъ читателемъ, что они „за свои въ писаніи помилки, достойной уходячи эпитеміи, закрилися отъ неи лжею и неправдивою коригктурою, его, невѣдущаго, обманувши" [3]). Привлекалъ его также литературный трудъ своимъ общественнымъ значеніемъ, какъ памятникъ „рыцарской отваги и богатырскихъ подвиговъ нашихъ сармато-козацкихъ продковъ" [4]). Народъ малорусскій низываетъ онъ козако-русскимъ [5]). Знаетъ онъ его достоинства и не скрываетъ недостатковъ: по его мнѣнію, это народъ „истинній, простодушній и правосердечній, мало що о прошлихъ, настоящихъ и пришлихъ рѣчахъ и поведеніяхъ разсуждати хотящій, толко до внутрной между собою незгоди, а найпаче за древніи волности свои, яко народъ мужественній и рицерскій, древнимъ продкомъ своимъ скиѳо-славянамъ подобящійся, завше до брани и кровопролитія склонній" [6]). Героемъ козако-русскаго народа онъ считаетъ, какъ и Грабянка, Богдана Хмельницкаго, котораго называетъ вторымъ Моисеемъ за то, что онъ освободилъ Украину „отъ тяжкаго ига лядскаго" [7]). Таковъ былъ этотъ „истинній Малыя Россіи сынъ", какъ онъ самъ обыкновенно подписывался подъ всѣми своими „предмовами до чительника". Страстно любилъ онъ Малую Россію, называя ее „милою отчизною", „маткою нашею" [8]). И вотъ во славу ея, матки своей, онъ „понудился" разсказать исторію ея, „простимъ стилемъ и нарѣчіемъ козац-

[1]) Ibidem, стр. 1.
[2]) Предисл. къ IV т., стр. 3.
[3]) Ibidem, стр. 4.
[4]) Томъ I, стр. 1.
[5]) Томъ II, стр. 8.
[6]) Ibidem.
[7]) Томъ I, стр. 31.
[8]) Томъ II, 13, 32, 34, 36.

кимъ“ [1]). Но восторженный авторъ былъ человѣкъ слишкомъ „письменный“. Самъ онъ о себѣ говоритъ, что „въ дѣлахъ писарскихъ“ былъ онъ „не послѣдній“, поэтому стиль у него не простой и нарѣчіе не совсѣмъ козацкое. Дѣйствительно, въ основѣ своей рѣчь Величка малорусская книжная, повторяющая всѣ особенности народной рѣчи, указанныя нами въ обзорѣ книжной малорусской рѣчи XVII в. [2]). Но не даромъ служилъ Величко въ малорусскихъ канцеляріяхъ: съ 1790 года былъ онъ писаремъ „въ поважномъ дому его милости пана Василія Леонтієвича Кочубія“, а съ 1705 года „вправленъ былъ до канцеляріи войсковой енеральной“, гдѣ тоже прослужилъ четыре года, пока не постигла Кочубея печальная участь: тогда и ему „недоля“, какъ говоритъ онъ, „за долговременную службу заплатила крайнимъ несчастемъ“ [3]). Вотъ эта долговременная служба и отразилась на литературныхъ пріемахъ нашего автора. Стиль у него канцелярскій съ доброю долею полонизмовъ, которыми изобиловалъ канцелярскій языкъ того времени. Величко охотно употребляетъ не только польскія слова, особенно союзы (*же*, *кгды*, *лечъ*, *подлугъ*, *теди* и т. п.), но даже польскія формы, особенно глагольныя, и притомъ часто неправильно (напр: *воленъ естесми* II, 224), примѣшивая къ нимъ то галицкія (*мусилисмо* II, 34; *жалѣли бысмо* II, 107), то церковно-славянскія (*не потеряли есте* II, 113; *прилѣжахъ*, *вѣдѣхъ* I, 3.; *наричаху*, *провозглашаху* I, 57 и т. п.). Эти послѣднія формы служатъ часто признакомъ поднятаго тона, напр.: „паде, паде красная козацкая украина тогобочная“ [4]), или же входятъ въ описаніе какого-нибудь религіознаго предмета [5]),—но иногда являются безъ всякой надобности

---

1) Томъ I, стр. 6.

2) Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в., стр. 116—136.

3) Томъ I, стр. 6.

4) Т. II, 8. См. также прекрасныя строки въ предмовѣ къ тому I, гдѣ Величко изображаетъ впечатлѣніе, произведенное на него руиной правобережной Украины.

5) См. т. II, стр. 23, гдѣ рѣчь идетъ о чудѣ отъ иконы Богоматери Ильинской черниговской.

въ рѣчи дѣловой, обыкновенной, напр.: „зоставшу Самойловичу зъ худопахолства на высокой власти и начешу убогацатися, начатъ и добронравіе его перемѣнятися" (т. II, 329). Такъ же часто, какъ и у Грабянки, встрѣчаются у него ошибки въ употребленіи краткихъ причастій и натяжки въ образованіи славянскихъ формъ и оборотовъ рѣчи, напр.: *воевождовъ* (род. множ. I. 4.), *мертвоя плоти* (ibid.), *нѣсть мощно* (ibid). Вообще же рѣчь у Величка пестрая, хотя нельзя отказать ему въ природномъ чувствѣ рѣчи, которое было подавлено канцелярской рутиной и раздутымъ представленіемъ о „козацкомъ" нарѣчіи [1]).

---

[1]) Тотъ же типъ рѣчи встрѣчаемъ въ двухъ современныхъ Величку путешествіяхъ въ святую землю.

Одно изъ нихъ носитъ такое заглавіе: «Пелгримація или Путешественникъ честного іеромонаха Ипполита Витѣнскаго постриженца святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба катедры Архіепископской Черниговской во святый градъ Іерусалимъ». (Изд. Обществомъ исторіи и древностей при московскомъ университетѣ въ 1877 г. по списку 1727 года, сдѣланному въ с. Кривцахъ новозыбковс. у. черниговс. г. Іоанномъ Аршукомъ, пресвитеромъ св. Тройцы). О личности автора «Пелгримаціи» можно судить по заключительнымъ словамъ ея: «а еже писахъ, все по истинѣ писахъ, ничто же приложихъ, яже азъ въ путшествіи семъ видѣхъ: тако ми Богъ свидѣтель, ему же честь, слава и хвала во вѣки вѣковъ. Аминь».

Другое называется: «Путникъ до святого града Іеросалима иеромонаху Макарію и Сильвестру идущимъ з великаго монастыря Всемилостиваго Спаса Новгородка сѣверскаго поклонитися гробу Христову року 1704». (Рукопись въ редакціи «Кіевской Старины»). Сравнительно съ «Пелгримаціей» «Путникъ» представляетъ гораздо меньше славянизмовъ и полонизмовъ: прошедшія простыя встрѣчаются рѣдко, изъ польскихъ союзовъ встрѣчается одинъ только союзъ *же*. По изобилію самыхъ характеристическихъ малорусскихъ звуковъ и формъ можно причислить рѣчь «Путника» къ образцамъ книжной малорусской рѣчи, но такъ же непослѣдовательной и невыдержанной, какъ и въ лѣтописи Величка.

Начиная съ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка появляется въ книжной малорусской рѣчи болѣе или менѣе замѣтная примѣсь словъ, звуковъ и формъ великорусскихъ. Въ произведеніяхъ, написанныхъ этою рѣчью, почти незамѣтно славянизмовъ, почти нѣтъ въ ней и полонизмовъ, даже союзовъ польскихъ, которые были обычны въ книжной малорусской рѣчи XVII в. Образцемъ этой рѣчи мы считаемъ лѣтопись подъ заглавіемъ: „Лѣтописецъ или описаніе краткое знатнѣйшихъ дѣйствъ и случаевъ, что въ которомъ году дѣлалося въ Украини малороссійской обѣихъ сторонъ Днѣпра, и кто именно когда гетманомъ былъ козацкимъ“ [1]).

Написанъ этотъ „Лѣтописецъ“ въ 1742 году, какъ видно изъ замѣтки подъ 1710 годомъ: „после шведчины... мало не по всякъ часъ падежъ (на скотѣ) проявлялся даже по 742 годъ, въ которомъ я писалъ сію гисторійку“ [2]). Авторъ принадлежалъ, повидимому, къ составу той старшины козацкой, которая всплыла на верхъ въ эпоху Петра Великаго. Онъ не питалъ симпатіи къ Мазепѣ и его приверженцамъ: „пропалъ“, говоритъ онъ, „Мазепа въ Бендерахъ... далеко за девяносто лѣтъ пагубнаго житія своего“, а память Орлика „згасла, яко измѣнника клятвопреступнаго“ [3]). Тѣмъ не менѣе проглядываетъ въ словахъ его сочувствіе къ разоренному Батурину. Не нравились ему новые порядки, заведенные въ Малороссіи Петромъ Великимъ, а именно извѣстная Коллегія малороссійская, о которой онъ вспоминаетъ съ негодованіемъ: „Коллегія сія была ажъ до 1728 года: много людей значнихъ помордовано, здѣрства всякимъ образомъ вымышляно, кабалы, будьто въ нуждѣ позичалъ кто деньги, взымано, а тое дѣлано, чтобъ помочь въ дѣлѣ чіимъ; такого фортелю употребляли члены коллегійскіе, а что готовизною доилы, тое не въ числѣ—выдоилы добре Малороссію“ [4]). Это едва ли не самое

---

[1]) Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси, изданный коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, волынскомъ и подольскомъ генералъ-губернаторѣ. 1888 г.

[2]) Сборникъ лѣтописей, 1888 г., стр. 50.

[3]) Ibidem, 49—50.

[4]) Ibidem 55.

рѣзкое мѣсто во всей лѣтописи. Авторъ не любитъ распространяться о предметахъ щекотливаго свойства: глухо, напримѣръ, упоминаетъ онъ о вызовѣ въ Петербургъ митрополита кіевскаго Іоасафа Кроковскаго, такъ же сдержанно и кратко говоритъ о судьбѣ Полуботка и его соучастниковъ. Между тѣмъ, въ 1742 г., когда составлена была лѣтопись, всѣ эти дѣла недавно минувшихъ дней, безъ сомнѣнія, извѣстны были грамотнымъ людямъ съ поясненіями и подробностями, которыя распространяла стоустая молва. Однимъ словомъ, это не Пименъ Пушкина... Онъ не проронилъ ни одного лишняго слова тамъ, гдѣ это было неудобно по обстоятельствамъ времени, хотя въ другихъ мѣстахъ лѣтописи онъ склоненъ былъ сопровождать извѣстія о тѣхъ или другихъ событіяхъ всякаго рода размышленіями и соображеніями. Такъ, по поводу грабежей, которые чинили запорожцы „за поблажкою Брюховецкаго", онъ говоритъ: „обезчестило себе людославне низовее войско запорожское, христіанское, не меншъ татаръ знущаяся всячески, глумили честь дѣвичую и жоночую, и бѣдніе мужи и отци не смѣли перечити ихъ безчинству бусурментскому: а когда которіи хотя ласково упрошали о пощадѣ женъ или дѣтей, то такимъ доставалось якъ отъ ненавистныхъ ляховъ къ православію. Но запорожци—своя родная кровь малороссійска, одной вѣры православнои, благочестивои, а сколько забили они людей, застоючихъ честь семейную, страшно и вспомъянуть!" [1]) Выписанныя нами строки достаточно характеризуютъ малорусскаго лѣтописца, какъ писателя. Рѣчь у него большею частію простая и ясная, какъ и въ лѣтописи Самовидца, которою онъ пользовался, какъ источникомъ, для своего труда. Читалъ онъ, повидимому, и латинскія книги историческаго содержанія—или же, говоря языкомъ того времени, „по латынѣ былъ изученъ", но школьная ученость не подавила въ немъ живаго чувства рѣчи, которое выразилось, между прочимъ, въ изобиліи малорусскихъ словъ, звуковъ и формъ, которыя составляютъ громадную, преобладающую массу надъ элементами иноязычнаго происхож-

---

1) Ibidem, 21—22.

денія. Такъ, славянскія глагольныя формы встрѣчаются во всей лѣтописи не болѣе пяти-шести разъ, большею частію по поводу извѣстій о смерти какого-нибудь лица (Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, умре): видно, что эти формы являлись безсознательно, помимо воли и намѣренія писателя. Такъ же рѣдко встрѣчаются и польскія слова, и именно союзы: *же* (35), *жебы*, *никгды* (33). Это уже черта новая въ языкѣ сравнительно съ лѣтописью Самовидца. Еще болѣе рѣзкое отличіе отъ этой послѣдней заключается въ употребленіи словъ великорусскихъ— какъ бы въ замѣнъ польскихъ. Такія слова, какъ *чуть-ли* (17), *вонъ* (19), *вездѣ* (22), *откудова* (55), *нѣтъ-ли* (57), *покамѣстъ* (62) положительно невозможны въ лѣтописи Самовидца. Нерѣдко слова одного и того же значенія являются, то въ малорусской, то въ великорусской формѣ, напр.: *щчо* и на слѣдующей строкѣ *что* (69), *хто* (12) и *кто* (24), *було* (11) и *было* (67), *пріихавши* (14) и *пріѣхалъ* (24). Иногда рядомъ съ великорусскимъ словомъ стоитъ тождественное по значенію малорусское, и наоборотъ: *але-но* (16), *хиба-развѣ* (9), *дуже-очень* (45). Видимо, авторъ заботился о ясности своей рѣчи, поэтому и прибѣгалъ къ синонимическимъ поясненіямъ, охотно употребляя великорусскія слова въ тѣхъ случаяхъ, когда они казались ему болѣе понятными. Иногда онъ переводитъ малорусскую фонетику на великорусскую, именно—произноситъ *ѣ*, какъ *е*, не всегда, впрочемъ, удачно, напр.: *въ Чернеговѣ* (50). Вообще же нельзя сказать, чтобы онъ достаточно знакомъ былъ съ великорусскою рѣчью [1]).

---

[1]) Тотъ же типъ рѣчи встрѣчаемъ въ слѣдующихъ лѣтописяхъ;

1) «Краткое описаніе Малороссіи». (Издано кіевскою временною коммиссіей для разбора древнихъ актовъ въ 1878 г.). Оно представляетъ интересъ, какъ попытка передѣлать лѣтопись Грабянки въ прагматическую исторію Украины. Съ этою цѣлью авторъ начинаетъ свой трудъ съ княжеской эпохи и въ сжатомъ видѣ представляетъ обзоръ главнѣйшихъ событій до 1734 г. включительно. Въ языкѣ «Краткаго описанія» нѣтъ церковно-славянскихъ словъ, нѣтъ и полонизмовъ, за то не мало есть иностранныхъ словъ, появившихся въ

Такъ писали малорусскіе лѣтописцы въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка. Не то, чтобы они дорожили народной рѣчью, но они просто не имѣли возможности и средствъ изучить надлежащимъ образомъ великорусскую рѣчь, которая въ то время и сама еще не отлилась въ опредѣленную литературную форму. Знакомство съ великорусскимъ нарѣчіемъ шло большею частію путемъ практическимъ, а это путь болѣе или менѣе случайный, особенно для тѣхъ, кто не имѣлъ надобности надолго

эпоху Петра Великаго: *вънтерквартира* (266), *баталья* (283), *амуниція* (286), *дивизія* (293), *коммуникація* (294). Вліяній великорусскихъ не меньше, какъ и въ «Лѣтописцѣ» 1742 г. Черты малорусской рѣчи встрѣчаются главнымъ образомъ въ фонетикѣ.

2) «Черниговская лѣтопись». (Издана Н. Бѣлозерскимъ въ Кіевѣ въ 1856 г.). Списокъ, хранящійся въ черниговской семинаріи, по которому издана эта лѣтопись, сдѣланъ въ царствованіе Елисаветы Петровны. Къ сожалѣнію, напечатанный текстъ не годенъ для филологическаго употребленія: издатель развернулъ титла и восполнилъ содержимое подъ ними, раздѣлилъ слова, которыя, по его мнѣнію, неправильно соединены были вмѣстѣ, поставилъ, какъ говоритъ онъ, «гдѣ слѣдуетъ», буквы *ы* и *и*, *ъ* и *ь*. Такъ же небрежно изданы имъ вмѣстѣ съ черниговскою лѣтописью и другіе памятники, помѣщенные рядомъ съ «черниговскою лѣтописью». Мы имѣли случай просматривать копію съ списка «черниговской лѣтописи», принадлежавшаго Персидскому. Копія снята А. М. Лазаревскимъ и у него находится. Доведенъ этотъ списокъ только до 1725 года, тогда какъ списокъ черниговской семинаріи—до 1750 г. За то—въ спискѣ Персидскаго есть годы, пропущенные въ семинарскомъ, гдѣ тотчасъ послѣ 1703 г. слѣдуетъ 1729 г. Слѣды современника въ спискѣ Персидскаго замѣтны подъ 1714 годомъ, гдѣ рѣчь идетъ о возвращеніи мазепинцевъ, Горленка и Ивана Максимовича, въ Россію: послѣднему «велено ехать въ Москву, где и понынѣ обрѣтается и живетъ свободно». Сцена ареста Полуботка и его соучастниковъ могла быть написана или очевидцемъ, или со словъ очевидца. Съ 1711 г. и до самаго конца списокъ Персидскаго написанъ другою рукою. Съ перемѣной почерка, значительно измѣняется и характеръ рѣчи въ самомъ текстѣ, который представляетъ больше великорусскихъ особенностей, чѣмъ до 1711 г.

оставлять свою родину. Даже тѣ малороссіяне, которымъ приходилось жить въ Великороссіи по-долгу, не легко разставались съ привычкой сохранять въ письменной рѣчи довольно яркія черты малорусскаго произношенія и правописанія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть „Діаріушъ“ генеральнаго хорунжаго Николая Ханенка, написанный имъ въ 1722 г., и „Дневникъ“ его, который онъ писалъ съ 1727 по 1753 г.[1]). „Діаріушъ“ представляетъ цѣльный разсказъ, разбитый по числамъ мѣсяца, о пребываніи гетмана Скоропадскаго въ Москвѣ въ тотъ знаменательный моментъ, когда Петръ Великій, по заключеніи Ништадтскаго мира, рѣшился окончательно уничтожить гетманство въ Малороссіи. Автору было всего 30 лѣтъ, когда онъ писалъ свой „Діаріушъ“, въ которомъ сквозь офиціальную сдержанность явственно проглядываютъ политическія симпатіи его къ стариннымъ правамъ и вольностямъ малороссійскаго народа. По смерти Скоропадскаго Ханенку пришлось раздѣлить участь всей генеральной старшины, замѣшанной въ дѣло Полуботка. Только въ 1725 г. онъ получилъ свободу и возможность жить на родинѣ. Съ 1727 г. онъ началъ писать свой „Дневникъ“. Здѣсь уже Ханенко не тотъ, что въ „Діаріушѣ“. Онъ распустился въ прозѣ жизни, отмѣчая изо дня въ день текущія мелочи ея съ пунктуальностію человѣка, привыкшаго къ канцелярскимъ формальностямъ, записывая, напримѣръ, что такого-то числа „розышлось въ розницю $10^1/_2$ к.“, или же: „пролежалъ весь день въ домѣ послѣ вчерашнего трактаменту“[2]). Такая же разница между двумя этими произведеніями и въ литературномъ, или лучше сказать, въ стилистическомъ отношеніи. Ни то, ни другое не предназначалось для публики, и однако же первое по обработкѣ гораздо выше послѣдняго. Въ „Діаріушѣ“ есть цѣлыя картины, написанныя складною малорусскою рѣчью,

---

[1]) «Діаріушъ» изданъ въ Чтеніяхъ Императорскаго общества исторіи и древностей при московскомъ университетѣ за 1852 годъ, а «Дневникъ» въ Кіевской Старинѣ 1884—1888 гг.

[2]) Кіевская Старина, 1884 г., ноябрь, 1885 г., мартъ.

безъ излишней примѣси, какъ польской, такъ и великорусской. Въ „Дневникѣ"—та же малорусская рѣчь, составлявшая какъ бы вторую природу писателя, отъ которой онъ отказаться не могъ, но въ ней замѣтны уже не совсѣмъ удачныя попытки его выражаться по великорусски. Нужно сказать, что въ теченіе долговременной службы своей не разъ проживалъ онъ въ Петербургѣ, какъ по личнымъ дѣламъ своимъ, такъ и по общественнымъ. Съ 1745 года по 1749 включительно онъ жилъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, „имѣя ходатайство за общенародными дѣлами", изъ которыхъ самымъ главнымъ было испрошеніе у государыни дозволенія избрать по старинѣ гетмана. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ житейскаго опыта, среди самыхъ разнообразныхъ отношеній къ людямъ великорусскаго происхожденія, авторъ усвоилъ нѣкоторый навыкъ къ великорусской рѣчи,—вполнѣ же овладѣть ею, при всей доброй волѣ своей, все-таки не могъ. Большею частію въ „Дневникѣ" своемъ онъ передѣлываетъ великорусскія слова на малороссійскій ладъ. Вотъ нѣсколько забавныхъ случаевъ этой передѣлки. „Во дворцѣ, въ вечеру, была публѣчная ужина", или „была ужина пребогатая"[1]: въ головѣ у автора мелькало малорусское слово *вечеря*, и оттого великорусское *ужинъ* превратилось въ мнимо-малорусское *ужина*. Въ такомъ же родѣ форма *ножовъ*[2]): малорусское *і* замѣнено звукомъ *о*, и вышла форма ни малорусская, ни великорусская.

Н. Д. Ханенко былъ заботливый отецъ. Старшаго сына своего, Василія, онъ послалъ за границу слушать лекціи въ кильскомъ университетѣ, снабдивъ его на дорогу „Увѣщаніемъ", въ которомъ съ величайшею подробностію регламентировано, какъ обученіе, такъ и поведеніе молодого Ханенка. „Съ подлыми, особливо же съ непостоянными людьми", говорится въ „Увѣщаніи", „никакой дружбы и сообщенія не имѣй; напротивъ же того, во всякихъ случаяхъ имѣй обхожденіе съ благовоспитанными, чест-

---

¹) Кіевская Старина, 1885 г., декабрь, 247, 254.

²) Ibidem, январь, стр. 265.

ными и знатными персонами" [1]). Вполнѣ естественно это стремленіе отца охранить сына отъ дурныхъ вліяній со стороны низменныхъ слоевъ общества, но въ предпочтительной рекомендаціи *знатныхъ* людей нельзя не видѣть усилій отца поддержать въ сынѣ увѣренность въ томъ, что онъ человѣкъ иной породы, „шляхтичъ, отъ шляхтича рожденный", какъ говорили тогда [2]), а при сословной исключительности вопросъ о наукахъ и просвѣщеніи сводится большею частію къ вопросу о личной карьерѣ въ самомъ утилитарномъ смыслѣ этого слова. Такъ именно и понималъ этотъ вопросъ Василій Ханенко. Отвѣчая отцу на его извѣстіе о томъ, что „дражайшая отчизна наша въ неотмѣнной надеждѣ находится, за неусыпными трудами честныхъ патріотовъ, уже за давнимъ временемъ сердечне желаемую главу съ своей собственной націи собрать",—онъ говоритъ: „сія радостная вѣдомость весьма во мнѣ вновъ возбудила конечную ревность къ моимъ начатымъ наукамъ, дабы со временемъ, по окончаніи оныхъ, себе довольно достаточно показать къ услугамъ такой сладкой отчизны" [3]). Но случилось именно такъ въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, что „малороссійская отчизна" для дѣтей козацкой старшины потеряла, повидимому, свою сладость, ибо, въ замѣнъ гетмана малороссійскаго, возстановлена была въ 1764 г. малороссійская коллегія съ П. А. Румянцевымъ во главѣ, которому дана была инструкція „искуснымъ образомъ присматривать за козацкими старшинами безъ явнаго, однако, виду и огласки поведенія ихъ" [4]). Являлась такимъ образомъ необходимость понимать „отчизну" нѣсколько шире, чтобы найти въ ней примѣненіе личнымъ талантамъ и знаніямъ. И дѣйствительно, въ эпоху Екатерины II мы видимъ малорусское шляхетство на разныхъ поприщахъ государственной службы. Оно не

---

[1]) Черниговс. Губернс. Вѣдомости, 1852 г., № 34.

[2]) Сулимовскій архивъ, изданный А. М. Лазаревскимъ въ 1884 г. См. письмо борзенскаго сотника В. Думитрашка-Раича къ Семену Сулимѣ поздравительное съ рожденіемъ сына отъ 1746 г.

[3]) Черниговс. Губернс. Вѣдомости, 1852 г., № 38.

[4]) Исторія Россіи Соловьева, т. XXVI, стр. 45.

отказывалось и отъ духовной карьеры, если только представлялся къ тому удобный случай. „Хоть лиха набрався, но въ щастя впхався“, пишетъ Христофоръ Сулима къ брату своему, генеральному судьѣ Акиму Сулимѣ, послѣ посвященія своего въ архимандриты, состоявшагося при помощи А. А. Безбородко въ Петербургѣ. Безмѣрное самодовольство слышится въ каждомъ словѣ этого письма: „я теперь важенъ и гордъ! Фе! Я по истинѣ, слава Богу, и здоровъ, и веселъ, и судьбою моею доволенъ!“ [1]) Въ замѣнъ политическихъ призраковъ, уходившихъ въ невозвратную даль прошлаго, явились осязательныя блага, для полученія которыхъ нужно было идти общими путями, а не стариннымъ путемъ выслуги въ мѣстной полковой канцеляріи или же въ козацкомъ войскѣ. Въ новомъ поколѣніи малороссійскаго шляхетства самый духъ воинскій исчезъ оттого, какъ писалъ князь А. А. Безбородко одному земляку своему, что „мѣсто козатства заняло школярство, мѣста Палія Бѣлоцерковскаго, Христы Сенчанскаго, Лавра Остапскаго и другихъ имъ подобныхъ заняты стали *фирчиками* и *штатиками*, которые, сперва позакидавъ выліоты, а потомъ въ нѣмецкое перебрались платье и сдѣлались такими, что можно сказать о нихъ: въ полѣ не жолнѣръ, а дома не господарь“ [2]).

Кто это *фирчики* и *штатики*, о которыхъ говоритъ наблюдательный современникъ? Судя по тому, что они носили сперва жупаны, а потомъ перерядились въ нѣмецкое платье, это, очевидно, переходное поколѣніе, которое оторвалось отъ прошлаго для того, чтобы примкнуть къ „новой породѣ людей“, о созданіи которой такъ много заботились въ вѣкъ Екатерины II. Какъ въ Великороссіи, такъ и въ Малороссіи, эта „новая порода людей“ отдѣлена была отъ простого народа крѣпостными порядками жизни, но въ Великороссіи она стояла все же ближе къ народу,— хоть бы по языку, если не литературному, то разговорному,— да и литературный русскій языкъ, какъ извѣстно, къ концу

---

1) Сулимовскій архивъ, стр. 136.

2) Кіевская Старина 1883 г. апрѣль, стр. 834.

прошлаго вѣка въ значительной степени приблизился къ народной русской рѣчи, усвоивъ, такъ называемое, московское произношеніе. Это явленіе для Малороссіи имѣло совсѣмъ обратное значеніе, т. е. по мѣрѣ развитія литературнаго русскаго языка въ великорусскомъ направленіи, онъ отдалялся все больше и больше отъ народной малорусской рѣчи. Такимъ образомъ для того, чтобы войти въ общее теченіе культурной жизни, малороссіяне должны были отказаться отъ своихъ собственныхъ литературныхъ преданій, а для этого должны были усвоить рѣчь такъ называемаго образованнаго общества, сложившуюся по великорусскому типу. Тѣ изъ нихъ, которые имѣли возможность учиться на сѣверѣ, легко усваивали эту рѣчь,—для тѣхъ же, которые учились въ мѣстныхъ школахъ, съ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка начали появляться учебники съ спеціальною цѣлію облегчить изученіе великорусскаго произношенія и правописанія.

Мы имѣемъ подъ руками любопытную въ этомъ отношеніи книгу подъ заглавіемъ: „Правила о произношеніи россійскихъ буквъ и о исправномъ тѣхъ же въ новѣйщемъ гражданскомъ письмѣ употребленіи или о правописаніи, собранныя изъ россійскихъ грамматикъ въ 1772 году“. Составитель этихъ правилъ заботливо отмѣчаетъ погрѣшности правописанія, происходящія отъ малороссійскаго выговора, напримѣръ, отъ произношенія во всѣхъ словахъ безъ разбору *и*, какъ *ы* (стр. 11), отъ смѣшенія твердаго и мягкаго *л* (*похвалный*, *мольва*, стр. 13), отъ произношенія *ѣ*, какъ *и*, „что весьма слуху противно“ (стр. 12). Отмѣчены также особенности великорусскаго выговора, напримѣръ: превращеніе въ концѣ словъ звучныхъ согласныхъ въ отзвучные (*березъ*, *дорокъ* вмѣсто *берегъ*, *дорогъ*, стр. 11),—въ родит. падежѣ именъ прилагат. *во* вмѣсто *го* (ibidem), произношеніи *о* безъ ударенія, какъ *а* (стр. 9). Къ послѣдней особенности авторъ относится снисходительно. „Иногда“, говоритъ онъ, „пишутъ въ именит. падежѣ именъ прилагат. вмѣсто *ы* или *і* буквы *о* или *е*. Это происходитъ отъ единаго подражанія простому выговору, почему *московской нѣжной выговоръ* необходимо произноситъ *о*, какъ *а*“.

Другой подобнаго рода учебникъ изданъ былъ въ Харьковѣ въ 1782 г. подъ заглавіемъ: „Краткія правила россійскаго правописанія, изъ разныхъ грамматикъ выбранныя и по свойству украинскаго діалекта для употребленія малороссіянамъ дополненныя“ [1]). Составитель его, Переверзевъ, въ отдѣлахъ о склоненіи и спряженіи ограничивается ссылками на соотвѣтствующіе параграфы грамматики Ломоносова (стр. 36, 38). Онъ указываетъ нѣкоторыя малорусскія формы, отступающія отъ великорусскихъ, напримѣръ: *бере*, *ѣдемо*, *писавъ* вмѣсто *беретъ*, *ѣдемъ*, *писалъ*, будущее сложное отъ *имамъ*, „въ книгахъ неупотребительное“, но главное вниманіе свое онъ сосредоточиваетъ на звукахъ. Онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія *и* съ *ы*: „крайнѣ (sic) осторожно малороссіянамъ надлежитъ примѣчать, какъ изъ правилъ, такъ и употребленія въ произношеніи, дабы по неосторожности не написать: *купылъ мило*; *онъ въ небитность вашу въ меня былъ предъ всѣмы*; *противъ нашей мислы и волы*; *чѣмъ битъ*, *тѣмъ и слитъ*“ (стр. 15). „Различіе“, говоритъ онъ, „должно примѣчать между слѣдующими реченіями: *никто*, *нѣкто*; *никакой*, *нѣкакой*; *нигдѣ*, *нѣгдѣ*; *никогда*, *нѣкогда*, понеже малороссіяне, слѣдуя выговору, сіи реченія одно вмѣсто другого безъ разбору иногда употребляютъ“ (стр. 18). Предлогъ *съ* малороссіяне часто употребляютъ неправильно вмѣсто *изъ*, притомъ перемѣнивъ *с* въ *з*, напр. говорятъ, а нѣкоторые и пишутъ: *здѣлано зъ дерева*; *пришли зъ города; выѣхали зъ лѣса*; *выволокли зъ ямы*; вмѣсто *здѣлано* (sic) *изъ дерева* и т. д. (стр. 28). Есть одна замѣтка, касающаяся синтаксиса: „Малороссіяне неправильно употребляютъ: *купилъ рабочіе волы*; *гонитъ дойныя овцы* и проч. вмѣсто *воловъ*, *овецъ*“ (стр. 37). Въ заключеніе сочинитель говоритъ: „ревностный чистоты словъ любитель не постыдится исправлять таковыя и симъ подобныя поползновенія въ себѣ самомъ и въ другихъ, прилагая къ правиламъ дѣйствительнаго наставника употребленіе“.

---

[1]) Второе изданіе было въ 1787 г. Есть въ библіотекѣ академіи наукъ. Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ.

Мы не можемъ, конечно, опредѣлить долю вліянія этихъ учебниковъ на исправленіе „попол̂зновеній" къ малорусской книжной рѣчи въ средѣ тѣхъ людей, которымъ не чужды были литературные интересы. Безъ сомнѣнія, не въ однихъ учебникахъ заключалась сила дѣла, а въ самомъ свойствѣ новыхъ литературныхъ вѣяній, которыя шли съ сѣвера, опираясь на общій строй государственной жизни, состоявшей въ свою очередь подъ неотразимыми вліяніями европейской культуры. Такъ или иначе, только съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка мы уже не имѣемъ ни одного историческаго произведенія, написаннаго книжною малорусскою рѣчью. Она казалась неумѣстной даже въ старинныхъ лѣтописяхъ и хроникахъ. Митрополитъ кіевскій Гавріилъ Кременецкій докладывалъ св. Синоду, что „въ каѳедральной библіотекѣ кіевской оказался межъ прочими лѣтописцами въ семидесяти четырехъ листахъ хрониконъ, существомъ матеріи до россійской исторіи касающійся, но къ изданію въ печать, развѣ за переводомъ на чистой россійской слогъ изъ нарѣчія, которое больше походитъ на простонародное старинное здѣшнее съ польскимъ и славянскимъ смѣшанное, годнымъ быть могъ" [1]).

Въ 1765 г. явилось „Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ" Петра Симоновскаго [2]). Языкъ „Краткаго описанія"—обычный въ вѣкъ Екатерины II, съ техническими выраженіями, усвоенными изъ иностранныхъ языковъ (*авантажъ, пароль, шефъ, антецессоръ*). Періоды тягучіе, латинской конструкціи. Ни въ звукахъ, ни въ формахъ почти нѣтъ никакихъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія, ничего такого, что встрѣчаемъ мы даже въ „Краткомъ описаніи Малороссіи" 1734 г. Такъ, у Симоновскаго: *отсѣчь, присягъ, Мурашкъ* (собст. имя), въ „Краткомъ описаніи Малороссіи": *отсѣкти, присязѣ, Мурашкѣ* и т. п. Изрѣдка только попадаются у Симонов-

1) «О лѣтописяхъ, изданныхъ отъ св. Синода», Д. Полѣнова, стр. 7.

2) Издано Бодянскимъ въ 1847 г. въ Москвѣ.

скаго малорусскія формы неопред. наклоненія: *писатись* (83), *явитись* (89), *покорятись* (96). Самъ авторъ, какъ мы уже упоминали объ этомъ, довершилъ свое образованіе за границей, гдѣ слушалъ лекціи въ кенигсбергскомъ, лейпцигскомъ и въ другихъ университетахъ. За границей онъ состоялъ въ качествѣ гофмейстера при дѣтяхъ извѣстнаго В. А. Гудовича, который вмѣстѣ съ Симоновскимъ пригласилъ также въ заграничную экскурсію двухъ товарищей его по академіи Г. В. Козицкаго и Н. Мотониса. Симпатіи его принадлежали старинной Малороссіи. При всей сдержанности своей онъ выражаетъ негодованіе по поводу *гилянскаго* похода, въ которомъ, по его мнѣнію, не было надобности, и въ который были направлены малороссійскія войска, „чтобы никто безъ чувствованія гнѣва, отъ Высочайшей власти послѣдовавшаго чрезъ измѣну Мазепы, хотя бѣдной народъ въ томъ никогда виновнымъ не былъ, въ Малой Россіи не оставался" (141). Трудъ свой довелъ Симоновскій до 1751 года, т. е. до пріѣзда К. Разумовскаго въ Глуховъ. Послѣдующему времени онъ не сочувствовалъ, поэтому и не описывалъ его. Вотъ послѣднія слова „Краткаго описанія": „сколь ни великолѣпное и славное сего гетмана (Разумовскаго), какъ избраніе, такъ и вступленіе было, столь окончаніе онаго гетманскаго уряду Малой Россіи не полезное; но о семъ, какъ и о всемъ житіи его и правленіи, оставляю потомнымъ вѣкомъ описаніе" [1]).

И мы скажемъ, что гетманство Разумовскаго было „не полезное", только не для шляхетства малорусскаго, котораго интересамъ онъ служилъ, по мѣрѣ разумѣнія своего, съ доста-

[1]) По составу рѣчи близко подходитъ къ труду Симоновскаго «Собраніе историческое, сочиненное абшитованнымъ полковымъ обозным Стефаномъ Васильевымъ сыномъ Лукомскимъ в малороссійскомъ городѣ Прилукѣ 1770 году». (Издано кіевскою временною коммиссіей въ 1878 г.) Лукомскій старался писать литературною русскою рѣчью, но такъ какъ онъ не выѣзжалъ, повидимому, изъ Малороссіи, то въ произведеніи его сохранилось не мало малорусскихъ особенностей рѣчи, особенно фонетическихъ.

точнымъ усердіемъ, а для посполитаго народа, который не нашелъ въ своемъ гетманѣ никакого разумѣнія завѣтныхъ стремленій своихъ къ свободѣ отъ крѣпостной неволи. Извѣстно, что Разумовскій издалъ универсалъ объ ограниченіи вольнаго перехода крестьянъ (1760 г.), дозволеннаго при Елисаветѣ Петровнѣ. Онъ установилъ, чтобы переходъ этотъ, согласно съ давними домогательствами владѣльцевъ, происходилъ не иначе, какъ подъ условіемъ согласія съ ихъ стороны, и чтобы имущество, нажитое у прежнихъ владѣльцевъ, имъ и принадлежало. Любопытно, что это распоряженіе сдѣлано было якобы на основаніи старинныхъ правъ и вольностей малороссійскаго народа [1]). Не въ пользу посполитыхъ было и другое распоряженіе Разумовскаго, отнимавшее у нихъ право свободнаго винокуренія, предоставленное только духовенству, помѣстнымъ владѣльцамъ и козакамъ (1761 г.).

„Лучше би пороки у сильныхъ истребляти,
Нежель робить горѣлку бѣднымъ воспрещати",

замѣчаетъ по этому поводу неизвѣстный намъ сочинитель сатиры, изображающей послѣдніе годы гетманства Разумовскаго.

Нельзя не остановиться на этой сатирѣ, призывающей „казнь Божію на внутреннихъ враговъ отечества" [2]).

Авторъ скрылъ свое имя подъ буквами К. З.

„Кто я таковъ, не пишу, така мнѣ примѣта,
Хотя не живъ чиновнимь, не тягну до вѣйта" [3]).

---

1) Кіевская Старина, 1885, іюль, стр. 477—488.

2) Кіевская Старина, 1882, мартъ. Древнѣйшая рукопись, отмѣченная 23 декабря 1774 года, находится въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской академіи. Полагать надобно, что сатира написана между 1761 годомъ, когда состоялось запрещеніе посполитымъ свободнаго винокуренія, и 1763 годомъ, когда возстановлены были въ Малороссіи суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе, уничтоженные Богданомъ Хмельницкимъ, который ввелъ систему полковаго и сотеннаго управленія.

«Ось слишно», говорится въ сатирѣ, «у насъ будутъ нови подкомори,
Когда бъ лишь съ нихъ по прежнему не били вори»!

3) Приводимъ отрывки изъ сатиры по рукописи церковно-археологическаго музея при кіевской Духовной академіи.

Итакъ, не чиновникъ, не мѣщанинъ, а „*поселянинъ* трудился в неважномъ семъ дѣлѣ",—такой однакоже *поселянинъ*, которому извѣстны были, хотя, можетъ быть, и по наслышкѣ, „Картезій философъ и славный Виргилій". Въ самомъ концѣ сатиры рукою того времени сдѣлана любопытная приписка, отчасти объясняющая скромность автора, который самъ сомнѣвался, „достойна ли сатира его явиться миру":

„За сей пашколь, а не сатиру,
Наругательній всему миру,
Іздателя высѣкти кнутомъ
Во справность прочимъ піитомъ,
Послѣ чрез ката предать огню:
Такой заплати достоинь, мню".

Очевидно, тотъ, кто написалъ эти строки, затронутъ былъ за живое рѣзкимъ тономъ сатиры, направленной противъ хищниковъ того времени, для которыхъ

„Убійство, нападенне и всякое дѣло
С денгами да с патронами отправлять смѣло".

Въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ ссылается на городъ Зеньковъ, ограбленный панами Разовскимъ и Бурковскимъ, и на „Сорочинецъ городъ", гдѣ не мало встрѣтить можно „в слезахъ сѣдихъ бородъ":

„Ни одного", говоритъ онъ, „не сищешь малаго куточка,
Чтобы гдѣ лиха не била великая бочка".

Главная причина зла заключалась въ безнаказанности хищниковъ, такъ какъ они же сами засѣдали въ судахъ или же имѣли тамъ своихъ патроновъ „судью, писаря, асаула, хорунжаго, обозначаго". Въ союзѣ съ ними состояло и духовенство:

„Попи молчать, какъ гостѣ, будто и не знаютъ,
Толко и дѣла, что громко акафистъ читаютъ,
Но пущай би и тое с трелями читали,
Но хот би простой рѣччу в томь ихъ обличали".

Черецы—тоже равнодушны къ людскому горю. У нихъ—тоже свое горе:

„Адамъ столко не плакалъ, какъ они ридали,
Какъ изгнанне изъ отчинъ свое послихали,

Какъ де тотъ хоть билъ изгнанъ, но изгнанъ з женою,
Имъ сидѣть било въ келли з едною бородою,—
Тотъ имѣлъ в своей власти польскые звѣры,
Имъ било бъ изостались одни книги сѣри“.

Они тоже ходятъ по судамъ съ позвами и тяжбами за имѣнія или же прохлаждаются въ этихъ имѣніяхъ:

„В монастирѣ дряхлие толко да калѣки,
Всѣ—где села, мелницѣ, где з хлѣбомъ засѣки“.

Они „не разсуждаютъ плотско, но мислятъ по духу,
На скрѣпленіе стомаха пьютъ добре сивуху,
Гдѣ уже стоитъ соборной в началной скважнѣ,
Редкою та горѣлкою смердитъ на три сажнѣ“.

Эта безотрадная картина жизни вызываетъ у автора не одно негодованіе, но и глубокую скорбь о „любезномъ отечествѣ“:

„Увы“, восклицаетъ онъ, „отечество, отечество любезно!
В какой ти досталось часъ гдркой и слезній!
Било ль ти когда-нибудь и тое на мислѣ,
Чтобъ тебе в сие время толь бѣди притисли?
Гдѣ твой мужественій духъ, гдѣ скора расправа?
Щезла, вмерла, пропала, моль села (съѣла) и ржава“!

Авторъ иронически называетъ свою сатиру „колядой“, противопоставляя тонъ ея величальному, хвалебному тону колядскихъ пѣсенъ. Настало новое время, явились и новые литературные вкусы. Вмѣсто старинныхъ панегириковъ явилась сатира. Не то, чтобы въ прежнее время въ условіяхъ жизни малорусскаго народа не было матеріала для сатиры. Былъ матеріалъ, была и сатира, особенно въ малорусской народной поэзіи, именно въ поэзіи исторической—въ народныхъ думахъ. Но сатирическое настроеніе, глубоко присущее малорусской натурѣ, обращено

было въ то время не столько на враговъ внутреннихъ, сколько на внѣшнихъ. Сатирическое изображеніе домашнихъ порядковъ жизни казалось тогда дѣломъ излишнимъ или, по меньшей мѣрѣ, преждевременнымъ. Можно было ожидать, что внутреннія неурядицы жизни сами собою исчезнутъ, какъ только уничтожены будутъ враги внѣшніе... Теперь ихъ нѣтъ. Теперь наступило религіозное единомысліе. Право физическаго существованія было обезпечено сильнымъ государствомъ:

„Дѣлали предъ симъ бѣды кримские татари,
А теперь миновали ихъ смертніи удари",

говоритъ авторъ занимающей насъ сатиры. Но и въ новой обстановкѣ бѣдность осталась бѣдностью, а богатство богатствомъ. Народная масса осталась не только бѣдной, но и юридически безправной, и притомъ глубоко утомленной цѣлыми вѣками борьбы за свое существованіе. Впереди не было уже заманчивыхъ надеждъ на освобожденіе отъ внутренняго бѣдствія—крѣпостнаго порабощенія. Прежде идея освобожденія отъ экономическаго польскаго гнета находила поддержку въ общественно-религіозномъ настроеніи, которое тоже проникнуто было идеей освобожденія отъ католическаго гнета. Теперь—не то. Представители церкви, повидимому, признавали нормальными существующія условія для посполитыхъ, сельскихъ людей. И вотъ изъ среды этихъ сельскихъ людей и отъ лица ихъ раздается безсильный голосъ...

Не лишено значенія и то обстоятельство, что голосъ этотъ направленъ былъ, между прочимъ, противъ духовенства, тогда какъ въ прежнее время это было почти невозможно. Ясно, что въ сознаніи мыслящихъ людей того времени вопросъ религіозный началъ отдѣляться отъ вопросовъ соціальнаго и національнаго. Особенно выразительно поставленъ былъ этотъ послѣдній вопросъ въ извѣстномъ „Разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей" [1]).

---

[1]) «Разговоръ» этотъ сочиненъ былъ «въ честь, славу и защищеніе всей Малороссіи» переводчикомъ генеральной войсковой канцеляріи Семеномъ Дѣвовичемъ въ 1762 г. См. Кіевская Старина

Собственно говоря, это есть ничто иное, какъ разсказанная въ стихахъ военная исторія Малороссіи — съ цѣлію разсѣять великорусскія предубѣжденія противъ Малороссіи и выставить на видъ ея всероссійское значеніе. На упрекъ Великороссіи за измѣну Мазепы Малороссія отвѣчаетъ:

„Вспомни ты сама всѣхъ измѣнниковъ своихъ
И разныхъ государственныхъ преступниковъ злыхъ,
Ты одного такого съ жаждой нашла во мнѣ,
А я легко видѣла сто подобныхъ въ тебѣ".

Авторъ стоитъ, такъ сказать, на этнографической почвѣ, разумѣя подъ Великороссіей и Малороссіей двѣ народности великорусскую и малорусскую и отдѣляя ту и другую отъ Россіи, подъ которою онъ разумѣетъ государство русское. Идея государства воплощается въ лицѣ монарха, предъ которымъ обѣ народности равноправны.

„Знаю, что ты Россія", обращается Малороссія къ Великороссіи, „да и я такъ зовусь,

Что ты пугаешь меня? Я и сама храбрусь.
Не тебѣ, государю твоему поддалась,
При которыхъ ты съ предковъ своихъ и родилась,
Не думай, чтобы ты сама была мнѣ властитель,
Но государь твой и мой—общій повелитель,
А разность наша есть въ приложенихъ именахъ:
Ты Великая, а я Малая—живемъ в смежныхъ странахъ,
Такъ мы съ тобою равни и одно составляемъ,
Одному, не двумъ государямъ присягаемъ".

Не глубоко было этнографическое самосознаніе автора, хотя и опиралось оно на историческія воспоминанія. Предъ нимъ выступаетъ цѣлый рядъ гетмановъ, предводителей козацкаго войска, и самое войско съ его блестящими побѣдами и неумолкаемой славой оружія. Гдѣ же народъ?.. О немъ нѣтъ ни слова въ „Разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей". Авторъ не раз-

1882 года, февраль. Дополненіе «Разговора» тамъ же и за тотъ же годъ, іюль.

слышалъ голоса его въ шумѣ козацкаго оружія, не распознаалъ мужественнаго и скорбнаго лица его въ толпѣ тѣхъ самыхъ козаковъ, которые спѣшили потомъ превратиться въ малороссійское шляхетство, не проронилъ ни одного малорусскаго слова въ стихотвореніи, которое написано было въ защиту Малороссіи.

Намъ остается замѣтить только, что въ новомъ поколѣніи малороссійскаго шляхетства самыя преданія о козацкой славѣ, воспѣтой въ народныхъ пѣсняхъ, сдѣлались предметомъ глумленія. Въ 1796 году написана была не дошедшая до насъ ода на смерть графа Румянцева-Задунайскаго. По поводу этой оды неизвѣстный намъ стихотворецъ обращается къ собрату своему съ слѣдующими словами:

„Ахъ, есть ли бъ ты не пѣлъ героевъ,
Но славу бъ пѣлъ однихъословъ,
И былъ правитель кобзы строевъ,
Изобрѣтатель грубыхъ словъ:
Ты бъ лучше пѣлъ въ шинкѣ мѣщанамъ
Козацки подвиги и трудъ,
Любовь вознеслъ бы въ нихъ къ стаканамъ,
То шагъ за то тебѣ дадутъ.
А болѣе еще прибавятъ,
Когда опишешь предковъ ихъ,
Какъ было въ полѣ кашу варятъ
Передъ толпой враговъ своихъ,
Набѣговъ оныхъ не боятся
И, кашей флинты зарядивъ,
На нихъ привыкли устремляться,
Галушками имъ лбы разбивъ...
Вотъ лира что твоя пѣть можетъ
Съ достойной славою себѣ,
И ѣдка древность не изгложетъ
Достойныхъ почестей тебѣ!“ [1])

---

[1]) Кіевская Старина, 1884 г., май, стр. 148.

Стихи эти написаны были въ то самое время, когда уже ходили по рукамъ списки первыхъ трехъ пѣсенъ Энеиды Котляревскаго. Намъ предстоитъ теперь коснуться вопроса, была ли народная малорусская рѣчь въ литературномъ употребленіи до Котляревскаго.

Много есть фактовъ, дающихъ положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но всѣ эти факты, разбросанные на протяженіи всего прошлаго столѣтія, требуютъ историко-литературныхъ сопоставленій и объясненій.

П. Житецкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПИКИНЕРІЯ.

„Исторія Русовъ" давно и справедливо признается крайне мутнымъ источникомъ для исторіи Малороссіи. Многое изъ того, что разсказано въ „Исторіи", не подтвердилось при изученіи документальнаго историческаго матеріала, однакоже и до сихъ поръ остались непровѣренными исторической критикой многія такія данныя, которыя нигдѣ, кромѣ „Исторіи", не встрѣчаются. Настоящая замѣтка представляетъ опытъ провѣрки на основаніи сохранившихся архивныхъ матеріаловъ разсказа автора „Исторіи Русовъ" о пикинерской *вербункѣ*, имѣвшей мѣсто въ 1764 г.

Послѣдніе мѣсяцы гетманства графа Разумовскаго ознаменовались крупнымъ уменьшеніемъ территоріи гетманщины, значительная часть которой была оторвана отъ регимента ясновельможнаго и передана въ чужія руки.

Случилось это благодаря проекту генералъ-поручика Мельгунова, предложившаго правительству образовать на южной границѣ гетманщины изъ поселеній Новой-Сербіи особую губернію, предназначенную служить передовымъ оплотомъ государства противъ Крыма.

Проектъ Мельгунова, въ виду тогдашнихъ политическихъ условій, былъ встрѣченъ въ Петербургѣ благопріятно и, согласно докладу сенаторовъ Н. И. и П. И. Паниныхъ, 20 марта 1764 г.

удостоился Высочайшаго утвержденія. Новую губернію велѣно было назвать Новороссійскою; „главнымъ командиромъ“ надъ нею назначенъ Мельгуновъ; населенію ея были обѣщаны широкія льготы и вольности, а для охраны края отъ безпокойныхъ сосѣдей рѣшено организовать здѣсь поселенія двухъ гусарскихъ и трехъ пикинерскихъ полковъ [1]).

Учрежденіе новой губерніи поставило на очередь вопросъ объ украинской линіи, построенной въ Аннинское царствованіе знаменитымъ Минихомъ. Ея дальнѣйшее существованіе, въ виду распространенія поселеній въ глубь степей, становилось почти что ненужнымъ. Къ тому-же и сама линія въ стратегическомъ отношеніи не отличалась выгодами; она была слишкомъ длинна, мѣстность, ею занятая, по природѣ своей, не способна къ укрѣпленію и лишена воды и лѣса. Таково, по крайней мѣрѣ, было мнѣніе о линіи коммиссіи, обсуждавшей вопросъ объ организаціи военной охраны новой губерніи. Коммиссія эта состояла изъ генералъ-фельдцейхмейстера Вильбоа, сенатора д. т. с. Панина, вице-президента Военной Коллегіи генералъ-адъютанта графа Чернышева и генералъ-поручика Мельгунова.

Коммиссія пришла къ заключенію о необходимости передачи украинской линіи въ вѣдомство новой губерніи, а вмѣстѣ съ линіей рѣшено было передать и прилегающую къ ней мѣстность, до тѣхъ поръ входившую въ составъ гетманскаго регимента. „Понеже—объясняла коммиссія въ своемъ докладѣ Государынѣ—многіе противу именныхъ указовъ черезъ нынѣшнюю линію перешли и жительство имѣютъ, слѣдовательно уже ни въ какомъ другомъ правѣ состоять не могутъ, какъ въ томъ, какимъ отъ Вашего Императорскаго Величества пожалованы будутъ, то сходствуя съ милосердіемъ В. И. В. разсуждается, не соизволено-ль будетъ какъ всю ту землю, по черту, при семъ на поднесенной картѣ проведенную подъ литерой Б., также и ту, которая позади старой линіи означена точками подъ литерой А., кая и прежде подъ линію была отдана, также и Водолаги,

---

[1]) П. Собр. Зак. Рос. Имп. Т. XVI, №. 12099.

въ пользу государственную назвавъ всю овую землю и съ ея жителями провинціей Екатерининскою, нынѣ въ Новороссійской губерніи подъ единое право подчинить и на той землѣ всякаго званія нынѣ живущихъ людей и впредь туда кто изъ малороссіянъ пожелаетъ, тѣхъ невозбранно въ службу и на поселеніе принимать, а кто не пожелаетъ тамъ остаться, тѣмъ вольно въ Малороссію возвратиться".

Земля, которая на поднесенной коммиссіей картѣ „позади старой линіи обозначена точками подъ литерой А"., принадлежала къ составу гетманщины и заключала въ себѣ сотни, расположенныя по Орели, Ворсклѣ и частью по Днѣпру, съ населеніемъ свыше 38 тыс. душъ.

Для охраны новой губерніи рѣшено поселить въ ней два гусарскихъ и три пикинерскихъ полка. Гусарскіе полки уже существовали: это были сербскіе полки, поселившіеся въ Новой Сербіи еще съ елисаветинскихъ временъ; что же касается пикинеровъ, то ихъ предположено навербовать изъ охочихъ людей, а на охочихъ людей представлялась полная возможность разсчитывать, ибо въ одномъ только отхваченномъ отъ гетманщины кускѣ земли числилось болѣе 21 тыс. выборныхъ козаковъ и подпомощниковъ. Три пикинерскихъ полка должны были заключать въ своемъ составѣ 15468 чел. „въ полномъ мундирѣ, аммуниціи и жалованьѣ". Назначеніе офицеровъ въ формируемые полки предоставлено на усмотрѣніе „главнаго командира", генералъ-поручика Мельгунова, который получилъ право „опредѣлять ихъ въ должности ваурядъ, съ апробаціей Военной коллегіи, и какъ скоро который полкъ сочиненъ будетъ, то и настоящіе чины имъ (офицерамъ) оною коллегіею даны будутъ".

Всѣ эти предположенія 11 іюня того-же 1764 г. удостоились Высочайшаго одобренія [1]), а 22 іюля состоялся сенатскій указъ, коимъ, согласно мнѣнію коммиссіи, за живущими на территоріи Екатерининской провинціи людьми и съ тѣми, кто туда изъ малороссіянъ перейти пожелаетъ, подтвердилось право всту-

---

¹. Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. Ш. XVI. № 12180.

пать въ службу и на поселеніе, а кто не пожелаетъ,—вольно въ Малороссію возвратиться [1]).

Мельгунову оставалось теперь только принять въ свою команду отданный въ его управленіе край и начать вербовать. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Разсказывая объ этой порѣ внутренней жизни гетманщины, авторъ „Исторіи Русовъ" сообщаетъ: „Одинъ изъ генераловъ, нѣкто Мельгуновъ, проживавшій въ заднѣпрскихъ селеніяхъ подъ видомъ вояжира или и хуже, доносилъ ко Двору, что онъ нашелъ въ оной сторонѣ такихъ людей, которые никакому правительству не принадлежатъ, и суть они тоже, что американцы, но къ военной службѣ признаются способными и охотными. Правительство предписало ему вербовать сихъ людей въ пикинеры и подчинить ихъ пограничнымъ начальствамъ. Вербунокъ тотъ охватилъ всѣ заднѣпрскія селенія Малороссіи и часть полковъ: Миргородскаго, Лубенскаго и почти весь Полтавскій, на сей сторонѣ Днѣпра состоящіе. А происходилъ онъ такимъ образомъ: разъѣзжавшій по селеніямъ Мельгуновъ останавливался обыкновенно въ корчмахъ сельскихъ и въ нихъ созывалъ тамошнихъ козаковъ. Послѣ первой попойки предлагалъ онъ записываться въ пикинеры, т. е. въ такую службу, которая есть также козацкая, но съ лучшими отъ козачьей преимуществами и выгодами, по которымъ нынѣшнихъ ихъ начальниковъ не только бояться они не должны, но и шапокъ передъ ними снимать не обязаны. Народъ, такъ близкій сосѣдствомъ къ азіатскимъ жителямъ, слѣдовательно и къ ихъ грубостямъ, тотчасъ хватался за слово „не бояться начальства и не шапковать передъ нимъ", и началъ записываться въ пикинерію, столько, по ихъ мнѣнію, своевольную. Однако записывались въ нее самые мелкіе хозяева и великіе отъ нихъ опіяки и буяны. Такимъ образомъ навербованные пикинеры изъяты заразъ изъ вѣдомства малороссійскихъ правительствъ и въ нихъ насланы о томъ письменные наказы. Между пикинерствомъ же нажалованы имъ ротмистры и поручики изъ грамотныхъ писарей и церковниковъ, вербунку

[1]) Ibid. № 12211.

ному способствовавшихъ. Въ слѣдъ за вербаками, очень понемногу изъ каждаго селенія набравшимися, вошли въ отказъ самыя селенія со всѣми безъ изъятія жителями, ни мало не соглашавшимись на перемѣну ихъ состоянія и правъ природныхъ, и поверстаны всѣ они подъ право Новороссійской губерніи, недавно устроенной, а селенія ихъ раздѣлены на четыре полка: Елисаветградскій, Днѣпровскій, Полтавскій и Донецкій. Сотенныя правленія скасованы, и знамена ихъ и архивы иные заперты въ церквахъ, а другіе употреблены ротмистрами и ихъ женами на домовыя свои снадобья. Отъ правительства полковъ малороссійскихъ многія были представленія къ гетману объ отборѣ изъ ихъ вѣдомства такъ многихъ селеній въ пикинерію, да и отъ частныхъ помѣщиковъ и владѣльцевъ также внесены ему жалобы о уничтоженіи стародавнихъ ихъ правъ, многими монархами упривилегированныхъ. Гетманъ обо всемъ томъ дѣлалъ свои представленія ко Двору и въ Правительствующій Сенатъ, но все было тщетно, и отъ Сената объявленъ на то готовый указъ, еще въ сороковыхъ годахъ состоявшійся, коимъ повелѣвалось причислить къ проводимой тогда Украинской линіи пустопорожнихъ земель въ поперечку на 30 верстъ, а въ длину—на сколько та линія простираться будетъ. Новоявленная пикинерія пользовалась нарочитыми льготами около 7 лѣтъ: никакихъ податей и службы отъ нихъ не требовано, а только внушалось имъ о ихъ преимуществахъ и что они отъ малороссіянъ суть лучшіе и предпочтительнѣе. Для сего отличія нашиты имъ на обыкновенныхъ ихъ шапкахъ бѣлые банты изъ холста и тесьмы. Они снимали сіи шапки съ головы только внутри церкви, но и то уже передъ алтаремъ. Встрѣчаясь съ малороссіяниномъ, обыкновенно грозилъ ему пикинеръ: „вороты зъ дороги, гетманець, бо я за тебе лутчый". А когда вопрошано его, почему лучшій? то отвѣчалъ: „Я и самъ того не знаю, але рохмыстры наши все пысьменни: изъ прасоливъ и шынкаривъ, а де-яки и изъ поповычивъ жалованы". Таковою химерою усыплена была пикинерія до того, что никто въ ней больше не отзывался о древнихъ своихъ правахъ и привилегіяхъ, а хвастался каждый настоящимъ

величіемъ“ [1])... На этомъ мы и остановимся, а теперь посмотримъ, что говорятъ архивные документы.

Когда въ августѣ 1764 г. Мельгуновъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Сѣвскаго полка Алымовымъ, прибылъ въ гетманщину отбирать отданныя въ его команду сотни, въ Малороссіи еще ровно ничего не знали ни о предстоящей урѣзкѣ края, ни о новоявленномъ пикинерскомъ войскѣ. Правда, еще 15 іюня отъ гетмана изъ Петербурга пришелъ ордеръ, сообщавшій объ учрежденіи Новороссійской губерніи, но въ этомъ ордерѣ, какъ и въ приложенной къ нему грамотѣ на имя гетмана, только и было сказано, что о назначеніи Мельгунова на должность „главнаго командира“ надъ новой губерніей, а въ помощники ему—генералъ-маіора Исакова. О докладѣ 11 іюня и его утвержденіи глуховское правительство получило извѣстіе изъ Петербурга только 30 августа, когда Мельгуновъ успѣлъ уже отобрать въ свою команду нѣсколько сотенъ и когда надъ всей южной частью гетманщины царило сплошное недоумѣніе и смущеніе [2]). Самъ же Мельгуновъ счелъ лишнимъ увѣдомлять хохлацкое начальство объ отдачѣ ему отрѣзанной территоріи, а предпочелъ обратиться непосредственно къ сотнянамъ.

24 августа 1764 г. въ Войсковой Генеральной канцеляріи были получены три доношенія полтавскаго полковника Горленка, въ которыхъ онъ сообщалъ глуховскому начальству странныя вѣсти, полученныя имъ отъ подкомандныхъ. Горленко доносилъ, что къ нему поступили „репорты“ отъ китайгородскаго сотника Семенова и сотенной Нехворощанской старшины, да письмо маяцкаго сотника Миргородскаго и другіе „письменные виды“ „о чинимомъ генералъ-поручикомъ Мельгуновымъ учрежденіи пикинерскаго полку съ произведеніемъ въ тотъ полкъ маяцкаго сотника Миргородскаго ротмистромъ, войсковаго товарища Леонтія Синегуба—ротмистромъ же, коему какъ вербованіе, такъ и сотенное нехворощанское правленіе препоручены, съ отказомъ тамошнему атаману до сотеннаго правленія по всѣмъ указнымъ

---

[1]) Исторія Русовъ, 252 и 253.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 2646.

дѣламъ не касаться, а другихъ старшинъ—въ разные чины". Мельгуновъ объявилъ козакамъ тѣхъ сотенъ словесное приказаніе быть готовымъ вступить въ пикинерскую службу подъ страхомъ отобранія грунтовъ, если они на это не согласятся. Таковы были первыя вѣсти о пикинеріи, полученныя въ Глуховѣ. Вслѣдъ за ними послѣдовалъ рядъ других. Факты, о которыхъ сообщали донесенія полковниковъ, были совсѣмъ необычайными, и Генеральная канцелярія совершенно не знала, что ей въ данномъ случаѣ дѣлать. Препятствовать Мельгунову она не смѣла, дать какой-нибудь отвѣтъ на запросы полковниковъ не рѣшалась, и потому ограничила свою роль аккуратнымъ представленіемъ на высокоповелительную резолюцію его ясновельможности всѣхъ поступавшихъ доношеній. 30 августа былъ наконецъ полученъ гетманскій ордеръ съ прописаніемъ нѣкоторыхъ статей доклада 11 іюня, разъяснившій Глуховскому начальству, въ чемъ дѣло; но такъ какъ и въ этомъ ордерѣ не было ни слова сказано о томъ, какова должна быть ея роль во всемъ происходящемъ, то и въ дальнѣйшемъ отношеніи канцеляріи къ дѣлу перемѣнъ не послѣдовало: доношенія получались, переписывались и отсылались въ Петербургъ, а изъ Петербурга въ отвѣтъ не получалось ни слова.

А Мельгуновъ между тѣмъ дѣйствовалъ. Сотни одна за другой отбирались, а сотняне записывались въ списки будущаго пикинерскаго войска. Районъ операцій „главнаго командира" Новороссійской губерніи охватилъ обширную территорію, въ составъ которой вошли тридцать южныхъ сотенъ Полтавскаго полка, сотни Кременчугская и Власовская въ Миргородскомъ полку, Потоцкая, Омельницкая, Голтвянская и Горошинская,—въ Лубенскомъ, а въ Переяславскомъ—Крапивенская и Ирклѣевская. Первымъ Мельгуновъ порѣшилъ сформировать Днѣпровскій пикинерскій полкъ, начальникомъ надъ которымъ назначилъ полковника Алымова. Алымову же было поручено и вербованіе съ приказомъ селить новыхъ полчанъ ротами въ крѣпостяхъ: Козловской, Ѳеодоровской, Ряжской, Васильковской, Ливенской, въ Нехворощѣ, Маячкѣ, въ Царичанкѣ и Китайгородѣ. Не по-

лагаясь на подчиненныхъ, „главный командиръ“ Новороссійской губерніи и самъ принималъ въ вербованіи дѣятельное участіе. Во всѣхъ сотняхъ, въ которыя онъ являлся, генералъ прежде всего приказывалъ публиковать „выпись изъ сенатскаго указа о пикинерскомъ полку въ самонужнѣйшихъ речахъ“, въ которой перечислялись преимущества, пожалованныя отъ Ея Императорскаго Величества жителямъ Новороссійской губерніи. Преимущества эти были немаловажны и соблазнительны не для однихъ только обнищавшихъ подпомощниковъ и подсусѣдковъ. „Земля—говорилось въ мельгуновскихъ объявленіяхъ—всякому жителю отъ перваго до послѣдняго каждому особо отмежевана и въ вѣчно-потомственное владѣніе утверждена. Вся земля раздѣляется на три званія. Первое званіе—земля военныхъ людей—никогда никакого платежа не будутъ давать. Второе званіе—государственныхъ поселянъ—также каждому особо отдѣлена и вѣчно во владѣніи утверждена; по прошествіи льготныхъ лѣтъ платить по числу земли малую подать. Третье званіе—помѣщичья, т. е. владѣльческая,—также каждому отдѣлена и вѣчно утверждена; платить противу поселянъ въ-полы. Вину и соли вольная продажа. Никто никогда неволею въ службу взятъ не будетъ. Тѣ, которые въ службѣ находиться будутъ, всегда, когда только захочетъ, можетъ получить отъ службы увольненіе. Гусарскіе и пикинерскіе полки равно старшинство съ армейскими имѣютъ. Съ поселянъ, т. е. съ посполитыхъ, никакого денежнаго платежа въ казну, кромѣ что съ числа земли по 5 коп. съ десятины, а болѣе ничего ни съ хлѣба, ни съ воловъ никогда не будетъ требовано; оные жители будутъ слыть государственными поселянами и никогда никому во владѣніе отданы не будутъ. Кто изъ пустыхъ земель населитъ людьми, тому та земля вѣчно утверждается. Кто порожнюю землю засѣетъ лѣсомъ и окопаетъ рвомъ, такая часть земли, какъ бы велика ни была, отдается тому въ вѣчное владѣніе. Кто навербуетъ въ службу въ гусарскій или пикинерскій полкъ, тѣ получатъ за то чины, а именно набирать за чины: за майорскій 300 чел., за капитанскій—150, поручичій—80, прапорщичій—60, вахмистра—30,

а если на поселеніе, то поселянъ вдвое больше числомъ противу военныхъ считать. Земля, опредѣленная каждому рядовому пикинеру и поселянину—30 дес. Военнослужащіе по отставкѣ отъ службы по свою смерть, также и по смерти ихъ оставшіяся жены и дѣти пользуются тѣми же преимуществами, равно какъ и въ службѣ состояли, т. е. съ данной имъ земли никогда никакихъ податей въ казну брано не будетъ".

Увлекая бѣдноту обѣщаніемъ заманчивыхъ льготъ и преимуществъ, Мельгуновъ вліялъ на болѣе состоятельныхъ козаковъ и старшинъ угрозами и щедрою раздачею чиновъ. О томъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ, узнаемъ изъ донесенія сотеннаго нехворощанскаго атамана Ладинскаго. 11 августа,— сообщаетъ Ладинскій,—его высокопревосходительство Мельгуновъ изволилъ слѣдовать черезъ Нехворощу въ крѣпость св. Елисаветы. При надлежащей встрѣчѣ, его высокопревосходительство черезъ полковника Алымова объявилъ находящимся при встрѣчѣ козакамъ, чтобы имъ готовымъ быть и вступить въ пикинеры; сотеннаго атамана отставилъ отъ сотенной канцеляріи, которую поручилъ бывшему войсковому товарищу Леонтію Синегубу, коего произвелъ въ ротмистры; козаковъ устрашалъ отобраніемъ грунтовъ въ случаѣ несогласія на поступленіе въ пикинеры; приказалъ отбирать и содержать въ своемъ вѣдомствѣ деньги, которыя въ нынѣшніе лѣтніе мѣсяцы сотенные коммиссары соберутъ въ консистентскую дачу. Козаки, по донесенію Ладинскаго, хотя и объявили единогласное нежеланіе быть въ пикинерахъ, однакожъ „не безъ сумнительства находятся отобраніемъ грунтовъ". А вотъ и другое донесеніе, отъ маяцкаго сотника Андрея Миргородскаго: „по прибытіи его высокопревосходительства въ Ливенскую крѣпость, гдѣ я находился съ сотенною старшиною, значковыми товарищами и козачьей командой для встрѣчи, позвано меня со всею старшиною въ избу полковника Алымова и онымъ госп. генералъ-поручикомъ Мельгуновымъ персонально спрошено порознь, какихъ мы чиновъ, и когда мы объявили, то его высокопревосходительство безъ всего поздравилъ мене ротмистромъ и всѣхъ порознь, почему я, осмѣлясь, дабы въ

противность отъ меня чего не послѣдовало, говорилъ: ежели подлинно Высочайшее есть повелѣніе, что мѣстечко наше зъ Малой Россіи выключено и другія орельскія сотни подошли въ губернію, то прошу де ваше высокопревосходительство меня чиномъ и подкомандныхъ моихъ не оставить, ибо де о семъ отъ его ясновельможности графа гетмана предложенія нѣтъ, и поелику мнѣ сотенный значокъ черезъ народнаго старшину по повелѣнію его ясновельможности врученъ, то не быть бы мнѣ въ какомъ отвѣтѣ; то на тое все генералъ-поручикъ сказалъ самъ: все де при васъ и грунта остаются, и какъ жили люди, и жить велѣлъ". Успокоительныя обѣщанія Мельгунова вліяли, однако, не на всѣхъ. Это видно изъ показанія маяцкаго сотеннаго писаря Семена Рекуновича, который, прибывъ въ Полтаву, заявилъ въ полковой канцеляріи, что никто изъ маяцкой старшины и козаковъ не согласился вступить въ пикинеры и дать подписку, тѣмъ не менѣе Мельгуновъ, не обращая на это вниманія, поздравилъ сотника Миргородскаго съ чиномъ ротмистра, городового атамана Гавриленка, значков. товарища Ивана Адаменка и Сем. Прійму произвелъ въ подпоручики, Николая Адаменка въ поручики, а Григорія и Василія Адаменковъ—въ прапорщики, его же, писаря, „хотя многократно полковникъ Алымовъ вахмистромъ поздравлялъ, токмо какъ и оный не пожелалъ такого чина принять, выгналъ его, писаря, съ квартеры".

Только въ самомъ концѣ августа, послѣ пріема въ свое вѣдомство ряда мѣстечекъ и хуторовъ, Мельгуновъ счелъ нужнымъ извѣстить о происшедшемъ мѣстное начальство. Въ присланномъ имъ на имя полтавскаго полковника Горленка увѣдомленіи значилось, что, наблюдая пользу Е. И. В., онъ, Мельгуновъ, во время проѣзда чрезъ линію въ прилежащихъ къ той землѣ бывшихъ Полтавскаго полка мѣстечкахъ объявилъ указъ и тѣ сотенныя мѣстечки съ хуторами принялъ въ свою команду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „главный командиръ" новой губерніи доставилъ Горленку и копію съ доклада 11 іюня, да кстати же извѣщалъ его и о томъ, что его подкомандный, значковый товарищъ Моисей Петровъ, опредѣленный недавно мѣстнымъ начальствомъ въ

полковые комиссары, произведенъ имъ, Мельгуновымъ, подпоручикомъ въ Днѣпровскій пикинерскій полкъ, а потому и счеты его съ полтавской полковой канцеляріей должны считаться поконченными.

А жители отошедшихъ подъ Новороссійскую губернію мѣстечекъ между тѣмъ волновались. Изъ Маячки сотникъ Миргородскій снова доносилъ Горленку, что отъ Алымова полученъ приказъ непремѣнно къ 20 августа составить списки всѣхъ обывателей Маячки съ указаніемъ, кто изъ нихъ желаетъ поступить въ пикинеры, а кто въ поселяне. Такія же справки требовались и о состоящихъ въ заднѣпровскихъ мѣстахъ козакахъ. Но маячане не хотѣли ни въ пикинеры, ни въ поселяне, о чемъ и объявили Алымову, единственно ссылаясь на „пункта" при указѣ. Даже маяцкій сотникъ Миргородскій, несмотря на соблазнительность пожалованнаго ему Мельгуновымъ ротмистрскаго чина, отказывался дать подписку въ добровольномъ согласіи на оставленіе малороссійской службы. Раздраженный Мельгуновъ угрожалъ маячанамъ отобраніемъ грунтовъ, съ коихъ нежелающіе будутъ согнаны нарочитыми командами.

Сильно волновались и не знали, что дѣлать, и обыватели Царичанской сотни. Алымовъ объявилъ здѣсь ордеръ Мельгунова объ отобраніи сотни подъ Новороссійскую губернію и запретилъ сотнику Руновскому чинить наряды и вообще какія бы то ни было исполненія по ордерамъ полковой канцеляріи. Энергичнаго сторонника новыхъ порядковъ Алымовъ нашелъ здѣсь въ лицѣ атамана Тимковскаго, о которомъ Руновскій доносилъ Горленку: „атаманъ Царичанскій Тымковскій собралъ въ мѣстечку Царичанкѣ народъ и не выпускаетъ зъ города черезъ два дня, бьетъ въ колоколъ на гвалтъ, объявляетъ имъ себе поручикомъ и что только онъ командиръ, приказываетъ народу мене не слушать, разгонить канцелярскихъ служителей и прочія чинитъ продерзости, отъ которыхъ его продерзостей нижайше прошу вашей панской вельможности показаннаго Тымковскаго унять".

Маячане фрондировали, царичане недоумѣвали, а нехворощане шли къ новопожалованному ротмистру Синегубу и запи-

сывались въ пикинеры или въ поселяне, кому какъ было удобнѣе. Нехворощанскій сотникъ Прокопьевъ доносилъ Горленку: „за опубликованіемъ Е. И. В. указа, какъ изъ слободы моей Андреевки и другихъ владѣльцевъ подданные, такъ и козаки подпомощники подъ учрежденный Днѣпровскій пикинерскій полкъ въ пикинеры и въ поселяне записываются и оставляютъ свои жилые дворы и хаты впустѣ, вмѣстѣ съ имуществомъ своимъ версты за три отъ мѣстечка Нехворощи въ батальоны на жительство переходятъ, да и прочіе всѣ выборные козаки и подпомощники намѣрены переходить, и только однѣ пустыя хаты и церкви остаться имѣютъ. А чтобъ въ переходѣ никому отъ сотенной старшины препятствія чинено не было, для защищенія прислана отъ полковника Алымова 3 сентября регулярная команда“. Ротмистръ Синегубъ показывалъ нехворощанамъ ордеръ, полученный имъ отъ своего новаго начальства, въ которомъ сказано, что Алымову поручено всѣ состоящіе за линіею противъ Днѣпровскаго полка въ 20-ти верстахъ слободы и хутора приписать къ ротамъ пикинерскаго полка, къ которой какое мѣсто удобнѣе будетъ, а владѣльцамъ тѣхъ слободъ и хуторовъ объявить, что если кто изъ нихъ желаетъ быть подъ вѣдомомъ пикинерскаго полка, то подавали бы прошенія Алымову, а кто не пожелаетъ, у такихъ находящихся на ихъ земляхъ подданныхъ приписывать къ ротамъ на правахъ государственныхъ поселянъ. Подданнымъ велѣно было объявить, чтобы они жили на прежнемъ мѣстѣ и всѣмъ тѣмъ пользовались, чѣмъ понынѣ владѣли, а прежнимъ своимъ помѣщикамъ, которые со всѣми своими поселеніями не подпишутся подъ вѣдомство пикинерскаго полка, ничего не платили и не работали; прежній помѣщичій окладъ велѣно было собирать въ казну впредь до разсмотрѣнія. Для доставленія Синегубу возможности осуществить ордеръ, къ нему прислана была команда изъ 8 солдатъ при одномъ капралѣ.

Въ Орлянской сотнѣ Мельгуновскія распоряженія осуществлялъ мѣстный сотникъ Осовѣцкій, не стѣсняясь мѣрами насилія и жестокости. Сотенный Орлянскій атаманъ Байракъ купно съ товарищами-козаками, писалъ Горленку: 13 августа

сотникъ Осовѣцкій произведенъ въ ротмистры въ первую пикинерскую роту (въ мѣст. Кишенки), сотенный писарь Николаевъ —въ подпоручики, сотенный канцеляристъ Пѣкуша—въ прапорщики. 15 августа новый ротмистръ билъ въ колоколъ на гвалтъ, собралъ народъ и принуждалъ, да и теперь принуждаетъ, насильно подписаться въ пикинеры, посылая по дворамъ и хатамъ нарочныхъ и призывая днемъ и ночью въ домъ свой, устращая лишеніемъ имѣній и изгнаніемъ изъ мѣстечка прочь, а другихъ жестокими побоями. Онъ же, Осовѣцкій, находилъ ночью гвалтомъ на домъ одного козака, дабы изувѣчить его за отказъ отъ пикинерской службы, такъ что тотъ едва убѣжалъ; называетъ тѣхъ, кто не согласенъ идти въ пикинеры, раскольниками и бунтовщиками; заперъ ворота линейныя и не пропускаетъ никого безъ вида за его подписью, а за линіею—пишутъ челобитчики—всѣ наши хлѣба и сѣно и скотъ и прочее находятся.

15 сентября къ полтавскому полковнику снова поступила челобитная изъ Орлянской сотни, подписанная тѣмъ же Байракомъ, а съ нимъ 104 козаками да 20 посполитыми. Челобитчики писали, что бывшій ихъ сотникъ, нынѣ ротмистръ, Осовѣцкій „при колокольномъ звонѣ на гвалтъ публикуе чтось и называе указомъ", принуждаетъ орлянъ записываться въ пикинерію, угрожаетъ отнятіемъ имѣній и изгнаніемъ изъ мѣстечка прочь, не пропускаетъ за линію въ поля, гдѣ хлѣбъ. Ротмистръ испросилъ себѣ 30 солдатъ регулярной команды при одномъ унтеръ-офицерѣ и разставилъ ихъ по домамъ, гдѣ они чинятъ вымогательство, вытаскиваютъ изъ-подъ хозяевъ постели и, что хотятъ, берутъ съ бранными словами. Осовѣцкій—писали сотняне—посылаетъ нарочныхъ козаковъ, которые по-неволѣ принуждены его слушаться, грабить наши имѣнія: у Байрака заграбилъ 3 лошади, у Головка, набѣжавъ на хуторъ гвалтомъ и разогнавъ жену и дѣтей, заграбилъ 3 скрыни съ 12 руб. и всѣмъ бывшимъ въ нихъ добромъ, 3 ружья, 2 списа, одного коня, 12 воловъ, двѣ коровы, 4 казана, барило горѣлки и пр.; у того же Головка взялъ со двора женщину, билъ немилосердно батожьемъ четыре раза и нынѣ держитъ въ своемъ дворѣ; у

Щербатаго взялъ выборническую лошадь и заморилъ; похваляется всѣхъ разорить и съ живыхъ драть кожи, Байрака же, Головка, Щербатаго и Киселя—предать гробу; запродалъ заднѣпрскимъ обывателямъ острова съ лѣсами, принадлежавшими издревле всѣмъ вообще орлянамъ, и они изрублены теперь въ пень. Когда орляне собрались читать грамоту о Новороссійской губерніи, Осовѣцкій, обнажа „шаблю", кричалъ регулярной командѣ заряжать ружья и отъ кровопролитія былъ воздержанъ только унтеръ-офицеромъ. Въ послѣдніе дни Осовѣцкій, испросивъ другую регулярную команду, заграбилъ до остатка все имѣніе Байрака, разорилъ домъ, двери повыламывалъ, окошки повырубилъ, козаковъ Бутенка, Киселя и Стася побилъ до полусмерти, а Бугрилеенка билъ немилостиво и мучилъ „въ вязенню" на колокольнѣ. Осовѣцкій объявилъ жителямъ, что если черезъ три дня они изъ мѣстечка не выберутся, то всѣ выгнаны будутъ насильно.

Осовѣцкій не останавливался передъ мѣрами насилій, конечно, потому, что передъ ними не останавливался и самъ „главный командиръ" Новороссійской губерніи. Дабы побудить упрямыхъ хохловъ къ „добровольному согласію" на поступленіе въ пикинеры, Мельгуновъ приказалъ расположить Молдавскій гусарскій полкъ въ Китайгородкѣ, Маячкѣ, Нехворощѣ и Царичанкѣ постоемъ у тѣхъ жителей, которые не пожелали быть въ пикинерахъ, а всѣ состоящіе за линіею въ 20 верстномъ разстояніи хутора и слободы приписать къ пикинерскому полку. Китайгородскіе козаки, въ числѣ 69 человѣкъ, попробовали было протестовать противъ этого распоряженія. Они указывали, что земля, которую у нихъ теперь отнимаютъ,—ихъ единственное имущество; что живутъ они здѣсь вовсе не „въ противность именныхъ указовъ", какъ докладывала коммиссія Государынѣ, а согласно сенатскому указу отъ 16 ноября 1743 г., по которому имъ вновь было позволено селиться за линіей. Ссылались китайгородскіе сотняне и на многочисленныя жертвы, принесенныя ихъ предками и ими въ 1696 г. при нападеніи татаръ, потомъ въ Шведскую и Турецкую войны, при постройкѣ

крѣпостей св. Елисаветы и св. Димитрія и въ послѣднюю Прусскую войну, и въ заключеніе заявляли, что они вовсе не желаютъ быть подъ Новороссійскою губерніею, а хотятъ быть подъ Малороссійскимъ правомъ и служить козаками, какъ и предки ихъ служили. На протесты, однако, не обратили вниманія. Китайгородскій сотникъ Семеновъ доносилъ Горленку, что при томъ способѣ дѣйствій, какой принятъ Мельгуновымъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ заставитъ всѣхъ обывателей сотни приклониться къ пикинерскому полку, а изъ Маячки сообщалось, что отсюда такъ много обывателей вышло уже въ Слободу при Ливенской крѣпости, что сбирать слѣдуемые порціонные сборы не съ кого, а оставшіеся не въ состояніи платить, ибо за отказъ отъ пикинерской службы ихъ не выпускаютъ ни въ лѣсъ, ни въ поле, гдѣ ихъ добро.

Чувствительно отозвались распоряженія Мельгунова и на мѣстныхъ „владѣльцахъ". Оставляли свои хаты впустѣ не одни подданные сотника Прокопьева. Самъ генеральный обозный Кочубей принужденъ былъ потерпѣть немалый уронъ отъ мельгуновскихъ ордеровъ. Въ его полтавскихъ маетностяхъ, въ селѣ Писаревкѣ (первой полковой сотни) и въ слободѣ Личковой (Нехворощанской сотни) всѣ подданные, которыхъ было болѣе 200 хатъ, записались въ Новороссійскую губернію,—иные въ пикинеры, а другіе въ поселяне. Алымовъ повыдалъ имъ билеты, чтобы до нихъ никто дѣла не имѣлъ и работы не требовалъ, и „хотя—жаловался Кочубей—оные подданные въ тѣхъ же маетностяхъ находятся, однако, не хотятъ отбывать повинность господину и платить консистентскихъ дачъ". А между тѣмъ подданные эти жили въ Кочубеевскихъ маетностяхъ болѣе 20 лѣтъ и „нажили себѣ не малую субстанцію".

Въ Миргородскомъ полку отошли подъ Новороссійскую губернію и тѣ мѣстности, которымъ отходить къ ней совсѣмъ не слѣдовало. Козаки Кременчугской сотни Максимъ Некраса, Сила Ивановъ и Ив. Пышный жаловались полковнику своему Остроградскому: „сего августа 16 сотникъ Кременчугскій Яковъ Гавриловъ призвалъ насъ и многое число товарищей нашихъ

козаковъ въ собственный свой домъ, въ которомъ былъ съ нимъ только зостаючій отъ его высокопревосходительства генералъ поручика Мельгунова капитанъ Данило Ивановъ, уговаривалъ насъ, чтобъ мы всѣ обще изъ-подъ малороссійской команды удалились, а подписались бы подъ нѣкоторымъ письменнымъ обовязательствомъ со всею сотнею Кременчугскою и грунтами и угодьями подъ вѣдѣніе Новороссійской губерніи, обнадеживая, яко всякому, въ прибавокъ къ имѣющимся въ нашемъ теперешнемъ владѣніи грунтамъ, по многому числу за р. Днѣпромъ находящейся земли отведено будетъ къ вѣчному владѣнію, почему мы и купно съ нами до 60 сотнянъ говорили ему: ежели имѣется о заверстаніи насъ подъ Новороссійскую губернію Высочайшій Е. И. В. указъ, то просимъ намъ съ товарищи всей сотни козакамъ и прочимъ жителямъ оный объявить. Напротивъ чего сотникъ сказалъ: „только де подпишѣтся, желаете ли быть подъ Новороссійской губерніей, то и указъ вашъ объявленъ будетъ". Послѣ чего какъ отъ насъ съ товарищи съ многократнымъ подтвержденіемъ объявлено было ему, сотнику, сіе, что мы, будучи природные малороссіяне, ни въ каково другое называніе отъ своей воли приступить не желаемъ, то помянутый капитанъ Ивановъ сказалъ ему, сотнику: „поэтому де ты, Яковъ Федоровъ, остался", напротивъ которой капитана рѣчи и онъ, сотникъ, сказалъ: „я де и самъ теперича, какъ вижу, проигралъ", и затѣмъ сотникъ велѣлъ намъ всѣмъ съ товарищи изъ дому своего отходить. Будучи жъ онъ, сотникъ Гавриловъ, предъ тѣмъ отъ 15 августа подписанъ съ обовязательствомъ быть подъ вѣдѣніемъ Новороссійской губерніи и опредѣленъ уже въ пикинерскій полкъ ротмистромъ, всеприлежнѣйшимъ старательствомъ своимъ пріохотилъ подписаться и кременчугскихъ старшинъ: атамана сотеннаго Оболонскаго, асаула Собецкаго, хорунжаго Гореславца, писаря Семенова, атамана походнаго Вѣлшанаго да канцеляриста Очередка и бывшихъ атамана походнаго Яковлева, хорунжаго Терентіева съ сыномъ его Петромъ да козаковъ 9 чел., а прочіе кременчугскіе сотняне, въ томъ числѣ и мы, что на подговоръ его, сотника, не склоня-

лись, то онъ, сотникъ, злясь и всеудобовозможными мѣрами стараясь, какъ бы сдѣланное имъ о бытіи сотнянамъ кременчугскимъ подъ объявленною губерніею обовязательство привести въ безпорочное исполненіе, умыслилъ козакамъ кременчугскимъ, равно и намъ, запретить въ базарныхъ коморахъ и въ домахъ никакимъ промысломъ не торговать и прочимъ утѣснять, склоняя къ подпису, а сверхъ того въ таково, почитать всѣхъ, кременчугскихъ сотнянъ замѣшательство привелъ, что въ нынѣшнее самонужнѣйшее ко упрятанію хлѣба время привуждены лишиться и по разнымъ отъ домовъ своихъ мѣстамъ скрываться, и когда мы, нижайшіе, такожде и еще 5 сотнянъ, не хотячи по голословному сотника обнадеживанію приступать и подписываться не пожелали, желая по жизнь нашу быть въ малороссійской командѣ въ отправленіи по званіямъ нашимъ козачей службы, какъ и предки наши знайдовались, то онъ, сотникъ, усмотря крайнее наше нежеланіе и не допуская по командѣ нашей за то къ жалобѣ, помянутыхъ козаковъ данными на просьбу его, сотника, Ямбургскаго полка корабинерами въ страхъ другимъ арестовавъ, посадивъ подъ великороссійскій Ямбургскаго полку караулъ; мы же, нижайшіе, всилу ночью тайнымъ образомъ въ мѣстечка убѣгли“.

У кременчугскаго сотника нашлись подражатели. Во Власовкѣ два значковыхъ товарища, Семенъ и Алекс. Устимовичи, стали собирать у козаковъ подписи подъ прошеніемъ о желаніи быть подъ Новороссійскою губерніею, а въ с. Рублевкѣ выискался такой же доброхотъ въ лицѣ нѣкоего Задорожнаго. Нашлись охотники до пикинерской службы и въ Келебердѣ (Полтавскаго полка) и тоже подали просьбу о присоединеніи къ новой губерніи. Для Мельгунова этого было достаточно, чтобы объявить Кременчугскую и Власовскую сотни отписанными отъ Малой Россіи и принятыми подъ его команду.

Объявленіе это вызвало среди кременчугцевъ сильные протесты. Стойчикъ сотенной кременчугской канцеляріи Лашко явился къ Остроградскому съ жалобой на Гаврилова за неправильную его записку въ пикинеры и заявилъ: „призвалъ мене

сотника и спросилъ: куда де хочешь записаться, не объявляя, въ какую службу; то я по простотѣ, не вѣдая его намѣренія, сказалъ: „куда козаки, туда и я", а потомъ Гавриловъ, какъ слышно стороною, вписалъ мене въ пикинеры". Лашко ходилъ къ сотнику и просилъ не вписывать его въ пикинерскій список, но сотникъ на ту его просьбу ничего ему не объявилъ; „а понеже какъ предки мои козачо служили, такъ и я, нижайшій, съ потомствомъ своимъ козачо служить желаю, въ помянутую жъ пикинерскую службу вовся какъ напередъ не желалъ, такъ и нынѣ не желаю". Вслѣдъ за Лашко въ полковую канцелярію явилось еще 60 козаковъ изъ Кременчуга съ жалобой на Гаврилова за то, что онъ неправильно показалъ ихъ желающими быть подъ Новороссійскою губерніей, о чемъ они, просители, ни словесно, ни письменно нигдѣ не объявляли, а напротивъ, желаютъ по примѣру предковъ оставаться въ малороссійской службѣ. Гавриловъ, желая ихъ къ своему хотѣнію привесть, ласкаетъ козаковъ, находящихся въ командираціяхъ, смѣною и другими подобными ласкательствами, а прочихъ, не склоняющихся на ласкательство, устрашаетъ разными способами: такъ однажды, будучи въ сотенной канцеляріи, онъ убѣждалъ нѣкоторыхъ и для наивящшаго ихъ устрашенія держалъ подъ карауломъ находящагося въ Кременчугѣ Ямбургскаго карабинернаго полка, причемъ, созвавши плотниковъ съ топорами, приказалъ дѣлать на несогласныхъ колодки. Нѣкоторыхъ изъ челобитчиковъ Гавриловъ тѣснитъ необыкновенными постоями, какихъ прежде даже при большихъ наѣздахъ не бывало; беретъ подводы „съ немалымъ противъ прежняго отягощеніемъ" и по просьбамъ объ отлучкѣ изъ Кременчуга по крайнимъ нуждамъ не выдаетъ паспортовъ, объявляя, что если просящій въ его угоду подпишется на пикинерскомъ спискѣ, то и паспортъ ему данъ будетъ, а нежелающихъ устрашаетъ высылкой съ нынѣшнихъ предковскихъ грунтовъ и жилей во внутрь Малыя Россіи и чинитъ утѣсненіе въ забраньѣ съ поля хлѣба. „И по такимъ устрашеніямъ—писали челобитчики—и въ домы намъ безъ командира явиться опасно, ибо если командира намъ опредѣлено

не будетъ, онъ крайне насъ раззорить можетъ". Сотняне заканчивали свою челобитную просьбой объ оставленіи ихъ по прежнему въ малороссійской службѣ и опредѣленіи къ защищенію ихъ новаго командира. Вслѣдъ за этимъ поступило прошеніе еще отъ 39 кременчугскихъ сотнянъ уже на имя гетмана въ Генеральную Канцелярію. Въ немъ козаки жаловались, что Гавриловъ принуждаетъ ихъ насильно къ пикинерской службѣ и тѣснитъ многихъ изъ нихъ подъ карауломъ, такъ что они принуждены оставить свои домы, женъ и дѣтей и по разнымъ мѣстамъ крыться; если и впредь имъ не будетъ отъ гетмана защиты, то они, челобитчики, принуждены будутъ спасаться отъ Гаврилова развѣ побѣгомъ. Такъ какъ за опредѣленіемъ Гаврилова въ ротмистры имъ невозможно оставаться безъ командира, то просятъ опредѣлить къ нимъ сотникомъ войсковаго канцеляриста Григорія Бужинскаго [1]).

Не смотря на протесты кременчугскихъ сотнянъ, восторжествовали не они, а Гавриловъ. 6 сентября Ея Величеству доложено было слѣдующее прошеніе отъ старшинъ Кременчугской и Власовской сотенъ:

„Мы, нижеподписавшіеся малороссійскихъ сотенныхъ мѣстечекъ старшины, выборные козаки и владѣльцы въ тѣхъ мѣстечкахъ съ нашими подданными и съ желающими жителями, твердо будучи увѣрены, что В. И. В. изъ матерняго милосердія всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія людей въ лучшее состояніе и благополучную жизнь приводить за весьма себѣ угодное монаршеское удовольствіе поставляя и въ томъ неутомимый трудъ всемилостивѣйше соизволите брать; взирая на то, мы, вѣрноподданные рабы В. И. В., дерзаемъ испросить такого же матерняго призрѣнія, чтобъ насъ цѣлыми нижеозначенными мѣстечками къ Новороссійской губерніи, оставя насъ при прежнихъ нашихъ земляхъ и угодьяхъ, подъ единое право и команду соединить, чрезъ что совершенно мы уповаемъ въ лучшее состояніе нашу жизнь привести, и полезнѣе нынѣшняго В. И. В. и

---

[1]) Архивъ Малор. Колл. № 1884.

отечеству сдѣлаться. Всемилостивѣйшая Государыня, мы, вѣрноподданные В. И. В. рабы, всеподданнѣйше просимъ о семъ нашемъ прошеніи Высоч. милосердіе и указъ учинить" [1]).

Высочайшее милосердіе, о которомъ просили кременецкіе и власовскіе старшины, было учинено; былъ учиненъ и указъ, полученный въ Глуховѣ 4 октября, коимъ повелѣвалось отдать Кременчугъ и Власовку съ жителями, землями и угодьями, по ихъ желанію, подъ вѣдомство и права Новороссійской губерніи [2]).

А что же дѣлалъ гетманъ, на защиту котораго надѣялись всѣ недовольные мельгуновскими распорядками? Гетманъ написалъ въ Сенатъ представленіе, въ которомъ излагалъ содержаніе всѣхъ полученныхъ имъ донесеній, и не надѣясь отстоять за собою отрѣзанныя сотни, напиралъ главнымъ образомъ на экономическія затрудненія, вытекающія изъ новыхъ порядковъ. За отдѣленіемъ значительной части Малой Россіи къ Новороссійской губерніи, по мнѣнію гетмана, должно послѣдовать сильное отягощеніе малороссійскимъ козакамъ и посполитымъ какъ въ нарядахъ козаковъ на службу Е. И. В., такъ и во всякихъ указныхъ повинностяхъ, въ томъ числѣ и въ продовольствіи по положенію квартирующихъ въ Малороссіи шести карабинерныхъ полковъ, командиръ которыхъ, генералъ-адъютантъ Олацъ, по прежнему требуетъ выстаченья натуральнаго довольства безъ уменьшенія. Ссылался гетманъ и на то, что отошедшія къ Новороссіи мѣстечки издавна принадлежали къ Малой Россіи, а относительно владѣльцевъ, подданные которыхъ уходятъ на поселеніе въ роты, писалъ, что для нихъ отъ такихъ уходовъ чувствительная произойдетъ обида, тѣмъ паче, что пріемъ ихъ въ вѣдомство Новороссійской губерніи совершается въ отмѣну указа 10 декабря 1763 г., коимъ за подданными признавалось право вольнаго перехода, но запрещалось принимать ихъ на новыя мѣста безъ письменнаго отпуска отъ прежняго владѣльца. Гетманъ просилъ по крайней мѣрѣ Высочайшаго благоразсмотрѣнія, не повелѣно-ль будетъ живущимъ въ отошедшихъ подъ Ново-

---

[1]) Пол. Собр. Зак. Рос. Имиер. Т. XVI, №. 12236.

[2]) Архивъ Мос. Колл. № 2646.

россійскую губернію сотняхъ обывателямъ отдавать и уплачивать повинности безъоимочно обще съ прочими малороссійскими жителями.

Ясновельможный доживалъ въ это время послѣдніе дни своего гетманства, и не удивительно, что на его представленія не обратили должнаго вниманія. Разумовскій еще разъ обратился въ Глуховъ за справкой, сколько жителей числилось въ отошедшихъ подъ Новороссійскую губернію сотняхъ, а затѣмъ замолкъ окончательно.

Молчаніе не могло, однако, успокоить взволнованные умы. Изъ м. Орлика явился къ ясновельможному въ Петербургъ атаманъ Байракъ, тотъ самый, который уже и прежде ходатайствовалъ за своихъ односотнянъ передъ мѣстнымъ начальствомъ, и подалъ ему челобитную на Высочайшее имя объ оставленіи г. Орлика по прежнему въ Малороссійской службѣ и о чинимыхъ отъ ротмистра Ѳсовѣцкаго, принужденіяхъ, грабительствахъ и обидахъ [1]). Вслѣдъ за прошеніемъ Байрака поступили челобитныя отъ козаковъ и владѣльцевъ изъ Потока, Омельника, Манжелѣевки, Голтвы, Горошина, Бѣлоцерковки, Ирклѣева, отъ генерала Штофеля, отъ полковника Битяговскаго. Въ самой Малороссіи продолжалась прежняя смута. Находились люди, которые, по выраженію Государыни, разными кривотолками пугали и развращали жителей простолюдимовъ и ко всякому неосновательному слуху легковѣрныхъ. Въ число такихъ злоумышленниковъ попалъ, напр., Кобелякскій сотникъ Могилевскій. Успокаивать умы пришлось уже новому „шефу“ Малороссіи, графу Румянцеву, на распорядительность котораго Екатерина въ данномъ случаѣ возлагала всѣ упованія. Именнымъ указомъ отъ 26 февраля 1765 г. малороссійскому генералъ-губернатору было приказано „поручить генералъ-поручику Бранту, яко члену Малороссійской коллегіи, придавъ къ нему Сѣвскаго полка полковника Милорадовича и одного изъ старшинъ надежнаго человѣка, чтобъ они въ тѣхъ мѣстечкахъ объявили всѣмъ жителямъ всемилостивѣйшее къ нимъ

---

[1]) Архивъ Моск. Колл. № 2646.

милосердіе, что они всѣ по своимъ прежнимъ обычаямъ при владѣніи землями, угодьями и вольностями навсегда остаются; если же тѣми коммиссіонерами кто примѣченъ будетъ въ разглашеніи вредныхъ слуховъ, таковыхъ имъ приказать, смотря по винѣ, сокращать, дабы черезъ то простыхъ людей отъ невольнаго преступленія сберечь".

Тѣмъ же указомъ былъ наконецъ разрѣшенъ и недоумѣнный вопросъ о томъ, какія изъ присвоиваемыхъ Мельгуновымъ сотенъ должны отойти къ Новороссіи, а какія возвратиться въ малороссійское вѣдомство. „Въ малороссійскую команду" были возвращены: Потокъ, Омельникъ, Манджелѣевка и Голтва—къ Миргородскому полку, къ которому они принадлежали и раньше, Дорошинъ и Бѣлоцерковка—къ Лубенскому, Крапивна и Ирклѣевъ—къ Переяславскому. Изъ владѣльческихъ селеній, попавшихъ было подъ пикинерію, къ Малороссіи были возвращены деревни генералъ-маіора Штофеля и полковника Битяговскаго въ Миргородскомъ полку, а Власовка и Кременчугъ остались за Новороссійской губерніей. Пострадалъ, такимъ образомъ, преимущественно Полтавскій полкъ, отъ котораго было отобрано все, что лежало на 40 верстъ отъ линіи.

Подъ пикинерію отошли: Нехвороща, Маячка, Царичанка, Китайгородокъ, Орель, Переволочна, Кишенка, Соколка, Кобеляки, Бѣлики, Старые-Санжары и Новые Санжары. Попала подъ пикинерію и Келеберда, несмотря на то, что лежала дальше 40 верстъ отъ линіи, попала, какъ сказано выше, потому, что объ этомъ просили сами келебердянцы.

Какова была дальнѣйшая судьба пикинеровъ,—по бывшимъ въ нашемъ распоряженіи документамъ не видно.

Д. Миллеръ.

МАРУСЯ БОГУСЛАВКА.

Побытово-исторычня драма въ пяты одминахъ.

(*Окончаніе* [1]).

ДІЯ II.

Роскошный кіоскъ зъ марморовымы сходамы. Кругомъ пышный садокъ зъ квитныкомъ, водометамы и ризными оздобамы. З-за вершынъ деревъ биліють навдали шпыли минаретивъ. Въ прогалыну сыніе море. День.

Выхидъ 1.

Маруся, евнухъ и одалискы.

(Маруся сыдыть въ кіоску; по сходахъ, до самого долу, малёвнычо розмистылысь одалискы съ зурнамы; поодаль стоить и назыра евнухъ).

Хоръ одалисокъ. Лыстъ трипоче, квитка мліе;
Изъ-за темныхъ витивъ въ гаи
Билолыцый вызырае,
Все серпанкомъ срибнымъ крые...
Водометы мовъ поснулы,
Стыха крапають слёзамы;
Лыне письня дывна, чула
З-за мурованои брамы.

---

*) См. Кіевск. Стар., 1899, № 11.

Пидъ розложыстымъ чынаромъ
Прохолода и темрява.
Перелазь же незабаромъ,
Мое щастя и неслава!
Уже сплять дозорци люти,
Нема дома мого ката...
Эхъ, у тяжкій моій скрути
Це едыная видплата!..
Прыгорнусь до тебе щасно,
Поцилунками зогрію
И у любощахъ заласныхъ
Занимію и зомлію.

Маруся (*слухае письню якось неуважно и журно, а дали махнула рукою на одалисокъ*).
Яка у васъ сумна жиноча доля!
Сыды й нудысь въ нимій самотыні,
Якъ злодій крадь хвылыну того щастя
И за ёго жыттямъ своимъ платысь:
Таки й писни у васъ важки, нудлыви,
Навіють вразъ на душу тильки сумъ...
Доволи ихъ! Идитъ соби, здорови,
Лышить мене зъ нудьгою...

Одалиска 1-ша. Выбачай,—
Тоби ни въ чимъ не-можна догодыты.

2-га одалиска. Гордуешъ ты, владычняя...

Маруся. Я васъ,
Подруженькы, образыть не хотила.
Бувайте-но щаслыви! (*Простяга руку, мовъ на прощання*).

Одалискы (*кланяются*). Крый Пророкъ
Тебе по викъ своею бородою! (*Выходять*).

Выхидъ 2-й.

Маруся сама.

Маруся. Якъ обрыда ця золота тюрьма!
Ни щыросты, ни чесной людыны,

Ни вильныхъ думъ, ничого... Забавкы
Обрыдлыви, одноманитни, мляви,
И дня видъ дня не видризнышъ ничымъ...
Колы бъ свого Гирея не кохала,
Колы бъ мене не мавъ за жинку винъ,
Улюблену, едыну, повновладу,
Колы бъ ище не диточкы мои,
Найкращая въ жытти моимъ утиха,—
Годыны бъ я въ неволи не жыла
И власною бъ рукою іи збулась! (*Схыля голову на руки, а дальше проводыть рукою по чоли*).
Шисть литъ, якъ день, мынуло, уплыло
Въ якомусь сни химернимъ, въ пьянимъ чади,
У пестощахъ, у любощахъ палкыхъ,
Яки мене зненацька огорнулы,
Й зацыпылы крыкъ болисный души.
Вже сталося мынуле мое млою:
Мовъ марево далеке вырына,
Хвылюется, прозоре та хороше...
Прыдывышся, згадаешъ—и нудьга
Знову обивье вужемъ жывучымъ серце,—
Нема снагы забуть незабутнé!..
Ой, Боже мій! Та дай же мени трунку,
Щобъ вытруивъ вси спогады въ чоли!
Не треба ихъ, я прагну супокою...
Воны жъ печуть... дратують... Дали все!
Одирвана, потурчена навикы!

Выхидъ 3-й.

Маруся и Леся.

Маруся (*зуздрившы Лесю, що пидходыть, встае до неи радисно*).

Лесунечко, видрадосте моя!
Тебе Господь мени пославъ на втиху!

Леся. Господарько, владычыце моя,
Якъ дякувать за ласку—я й не знаю!

Маруся. Господарько? Владычыце? Ты зновъ
Образыты, напевно, мене хочешъ?
Я скилькы разъ просыла... Ты мени—
Та жъ подруга, а я тоби—Маруся.

Леся. Тоди булы мы ривни, а теперъ
Ты досягла могутносты и влады,
Пышаешся въ роскошахъ чаривныхъ,
А я—твоя рабыня...

Маруся. Ты? Хочъ заразъ
Леты соби де хочешъ...

Леся (*сплеснула рукамы*). Боже мій!
Такъ можу я полынуты на волю?

Маруся. Мене саму покынуть рада ты?

Леся (*змишалась*). Пробачъ, просты!.. Така нудьга въ неволи,
На чужыни... такъ порыва мій край,
Украина тыхесенька...

Маруся (*мовъ нарошне хоче перебыть настрій*).
Этъ, годи!
Хиба тебе нищо тутъ не вража?
Ни цей паланъ хымерный, ни шпыли
Спычастыи высокыхъ минаретивъ,
Ни цей садокъ роскишно—чаривный,
Ни пахощи, що дурманять повитря,
Ни холодокъ видъ водометныхъ сливъ,
Ни море те безкрайне, сынье—сынье!

Леся. Пробачъ мени, а марморъ и кришталь
Лышень слиплять та холодомъ одгонять;
Цей кыпарысъ, ажъ чорный, отдали
Нагадуе ченця чи трунну свичку,
А сынее те море гоминке
Безмежнистью прыныжуе, жахае
И потай все щось гризне буркотыть...

Ясни у насъ въ зеленыхъ рямахъ плеса,
Струнки, гнучки тополи по гаяхъ
И любьязнѣ мыгтять на неби зори...

Маруся. Ахъ, зновъ!.. Трывай! Хиба чуже все зле?
Хиба свого неможна вже й забуты,
А край чужый неможна полюбыть?
Та вся любовъ—едына звычка, й годи...
То тилькы китъ звыка до мисця: такъ,—
Брыдня усе!

Леся. Ой не брыдня, николы!
Якъ ни було-бъ гараздъ на чужыни,
А ридный край все буде нашымъ раемъ:
Хто неньку намъ здолае заминыть,
Хто чуло такъ прыгорне, прыголубыть?
Хто втре слёзу? Розважыть серце хто?
Помолытся хто Богу?

Маруся. Годи, годи!
Ой, що мени ты прыгадала!..

Леся. Я?
То зъ-нехотя... пробачъ, голубко! (*Цилуе*).

Маруся. Знаю...
То я така вродылася дурна...
Зъ родыною померлою пошуся...
Яка й краса! Степы, лугы й степы...

Леся. А зновъ боры, гаи, дибровы, лукы,
Мережани квиткамы й ковылемъ...
А риченькы яскрави та прозори,
Билесеньки хатыны и садкы...

Маруся (*захоплюючысь*). Свій кревный людъ, свій людъ хрещеный, мылый,
Укохана ричъ наша, голосна
И чаривна, журлыво-чула писня—
Ой ридный край!.. Охъ, якъ болыть отутъ,
И сылъ нема... (*перебыва себе*). Щось я хотила знаты
Й забулася... Все маю роспытать...

Та й не зберусь... Ты такъ недавно зъ намы...
А! Розскажы, якъ сталось, що ты тутъ?
Яка тобе спиткала люта доля
Зъ того часу, якъ насъ забралы двохъ
И вывезлы навикъ?

Леся. Смутніи згады,
Бодай-бы ихъ забуты! Хтила я
Не разъ сама на себе зняты рукы,
Такъ не далы й того мои каты—
Мій кожный крокъ пидъ пыльнымъ бувъ доворомъ.
Ой матинко, ой мылый Боже мій!...
Яка нудьга, яка страшна грызота
Тоди мени всю душу поняла!
Але проте мене ще шанувалы,
Вважаючы, щобъ не лыла я слизъ,
Щобъ на выду видъ горя не марнила.

Маруся. Такъ, такъ, щобъ взять дорожче на торгу.

Леся. Татарынъ мій купцивъ водывъ чы-мало...
Але мене не зважывсь, якъ другыхъ,
Показувать... боявсь мого одчаю
И дорожывсь циною... Рокивъ тры
Нихто не мавъ снагы мене й купыты,
Але знайшовсь нарешти багатырь,
Що заплатывъ и взявъ мене въ рабыни...
На щастя, винъ у мене закохавсь
И не хотивъ мене добуты гвалтомъ...
Та мала я й кинджала про случáй...

Маруся. Така й мене отутъ спиткала доля:
И мій паша, закоханый на смерть,
У нигъ лежавъ, благаючы кохання—
И ростопывъ нарешти серця лидъ.

Леся. Бо перше ты никого не кохала,
Не знала ты жагы...

Маруся (*тривожно*). А молодый,
Зъ якымъ взяла святе я заручення?

Леся. Сохронъ, женыхъ? То ынче почуття!..
Омана, вирь: ёго ты шанувала,
Якъ лыцаря, якъ друга, и—не бильшъ!
Вогнемъ палкымъ до ёго не горила...

Маруся. Але то грихъ...

Леся. Не вильни въ серци мы,—
Воно одно надъ намы есть владыка
И прымхою иде наперекиръ...
Ты подолать ёго не мала сылы...

Маруся. Такъ, такъ було... боролась я дарма.
Молылася, рыдала дни и ночи,
Але зъ паши не зводыла очей...
Себе кляла... Сохрона въ серци крыла,
А винъ все блидъ и брався туманбмъ,
И обняла мене пекуча мрія:
Вона мене до любощивъ тягла,
До цилуваль зъ коханымъ бусурменомъ...
Ажъ соромомъ пашыло у лыце...
А я думокъ прогнать не мала сылы,—
Воны рослы у душну ясну ничъ,
Мовъ надыхавъ жадання мисяченько...
Ну, й сталося... Въ коханни винъ спалывъ
Мене зовсимъ... Зомлила я.

Леся. Отъ бачъ,
А якъ колысь на мене прогнивылась!..

Маруся. Тебе не разъ згадала я...

Леся Але
Я не могла мынулого забуты
Й перемогты це серце нависне...
Хотила вже на себе зняты рукы,
Та доля ще зоглянулась:—мій панъ,
Мій володарь, умеръ чогось раптово;
Тоди ёго разпродалы гаремъ,
И твій паша купывъ мене...

Маруся. Мій Боже!

И ты въ садку робыла може зъ рикъ,
Покы тебе выпадкомъ не спиткала...
Голубочко! (*Обнима*).

Леся. Мени той свитлый день
Щаслывишымъ ставъ днемъ.

Маруся. Моя зирныце! (*Цилуе*)
Якъ въ очи ци блакитни я дывлюсь,
То мовъ друге, далеке бачу небо...

Леся. Колы воны вражають такъ тебе,
То вырву ихъ...

Маруся (*зъ лякомъ*). Для мене? Ай! Не треба!!
Раднише ты прыняты всякыхъ мукъ...
А я тебе пустыть не маю сылы...

Леся. Куды мени? Винъ, певно, вже забувъ...
И одружывсь, або погынувъ въ сичи...
Вже стилькы литъ—ни висточкы!

Маруся. Просты,
Вразыла я твою болячу рану...
Ну, годи жъ, ну!.. Отъ краще заспивай...
Я такъ люблю твій голосочокъ слухать!

Леся. Мои письни нерадисни!..

Маруся. Спивай,
Нехай той сумъ хочъ душу одволожыть!

Леся (*спива*). Зеленая лищыноньно,
Чомъ не горышъ, та все курышся: и т. д.

(*Маруся спочатку слуха журлыво, а дали й сама вступае дуэтомъ*).

Ахметъ (*наблыжается и заслухается письни*).

Маруся (*зъ рыданнямъ кинча*).

Леся. Ой лелечко!.. Чы жъ не казала я! (*Упада*)

Маруся. Якъ боляче!.. Мовъ нижъ пройнявъ це серце...
Ты не турбуйсь: така вже моя стать...
Отъ, прыведы ты краще янголятокъ,
Моихъ обохъ. Укохани диткы,
Хочъ якъ-не-якъ, розважуть серце неньци...

Выхидъ 4.

Маруся и Ахметъ.

Маруся. И ты Ахметъ, заслухався писень?
Чи до смаку?

Ахметъ. Охъ! (*Втера слёзу*) Серце рвуть:
то-жъ ридни.

Маруся. Якъ?! Що сказавъ?!

Ахметъ. Зъ Украйны, пани, я...

Маруся. Украинець и евнухомъ?

Ахметъ. Не дыво;
Щб не здола надъ безоружнымъ гвалтъ!
Знесылылы, скаличылы... а потимъ
Звелычылы у цей поважный чынъ...
Украинцямъ найбильшъ дiймають виры:
Воны цупки у слови...

Маруся. Зроду бъ я
У евнуси...

Ахметъ. Владычняя ханынье!
И ты жъ сама зъ святои стороны...

Маруся. Ты постеригъ?

Ахметъ. Въ Ахмета гостре око,
А ще гостришъ у серци почуття:
Не дарма жъ такъ воно мовъ прыкыпило
До тебе вмыть...

Маруся. Земляче! Ридна кровъ
Лыбонь безъ насъ до ридного насъ горне.

Ахметъ (*кланяется*). Твiй вирный рабъ!

Маруся. Не рабъ, а щырый
другъ;
На друга жъ всякъ покластысь може?

Ахметъ. Смило,
Якъ на скалу!

Маруся. Оддячыть тоби Богъ!

Выхидъ 5-й.

Маруся, Леся, дивчынка и хлопчыкъ.

Маруся (*кыдается назустричъ своимъ дитямъ*).
Ахъ, ось воны! Мои роскишни квиты!
Мій любый скарбъ, моя утиха, рай,
Мое жыття и радощи, и боли...
Якъ серденько солодко ные... ой,
Сюды, сюды! До мамы!

Хлопчыкъ (*побигъ*). Я сколишъ!

Дивчынка (*тежъ*). Постій и я!

Леся. (*За руку держыть*). Ну, копкы, копкы! Прудко!

Маруся (*обохъ прыгорта и цилуе то одно, то друге*).
Любесеньки, гарнесеньки! Якъ макъ,
Красуетесь, якъ огирочкы мыти...
Чи-жъ е у кого кращи диточкы? (*Обертается до Ахмета*).

Ахметъ. Доправды ни... надъ вси!...

Леся. Краса-красою!

Маруся. То може такъ, щобъ догодыть мени?
Очыци ци, якъ теренъ! (*Цилуе*). А въ того,
Якъ та блакить! (*Цилуе*) А кучери, а лычкы,
Пампушечкы (*Цилуе*).

Дивчынка. Ой, мамо!

Маруся. Задушу́!
И отъ цёго хлопчыська...

Хлопчикъ. Мамо, Феска!

Ахметъ. Чи ба, уже хызуется!

Маруся. Зюли!
(*Поправля*). Риднесенька! О, кучери шовкови!!
(*До Леси*). Чи краща жъ е утиха на земли?
Любовъ до ныхъ—безбурне, ясне щастя,
Воно мени гамуе и журьбу,
Й нерозважну́ грызоту мого серця:

Якъ обниму, якъ прыголюблю ихъ,
То цилый мыръ слизъ, стогону и мукы
Зныка зъ очей передъ оцымъ мыркомъ...

Л е с я (*зитха*). Не знать мени такого щастя.

А х м е т ъ. Боже,
Судылося мени ёго на хвылю взнать,
Щобъ тяжчою здавалася неволя!

Х л о п ч ы к ъ. А въ мене йе опýка!! (*Котыть*).

З ю л и. Въ мене óбидъ,
А кыдай, ну!! (*Той кыда, Маруся бижыть за нымъ*).

Л е с я (*бере Зюли за руку*). Ну, хутко! Доганяй!! (*Забигають*).

В ы х и д ъ 6.

Гирей—Паша и Ахметъ.

Г и р е й (*входыть и озырается*).
Нема зори. и цей Эдемъ—пустыня,
Мовъ саваномъ укрывся жалибнымъ,
Мовъ хмарою повывся середъ ночи...
И смутно страхъ, и цвынтаремъ скризь тхне;
А хай блысне зъ за хмаръ пивденный проминь—
И зразу все засяе, ожыве:
Веселкою заграють водометы,
Зашепотять чынаръ и кыпарысъ...
О, якъ іи кохаю я!... Що-день
Моя жага и любощи зростають.
И краю имъ, вбачается, нема!
Шисть литъ жыву въ эдеми я пророчимъ,
Якого врядъ чи й знае Магометъ,
Бо гуріи нема такои въ неби...
Не поривнять зъ іи очыма зорь,
Зъ іи чоломъ—снигивъ горы Лывана,
Изъ лыченькомъ—троянды пелюсткивъ;
А що душа—то Божая зирныця,

Вона сія и надиля тепломъ
Все те, куды долыне іи проминь... (*Озырается*).
Та де-жъ вона? Зъ палацу выйшла въ садъ,
А тутъ нема... Вона чогось сумуе
Й ховается въ самотыни... Це все
Турбуе страхъ мене.... Аговъ, Ахмете!

Ахметъ (*схылывшы голову и прыложывшы до грудей рукы*).
Владыко мій! Я тутъ, якъ вирный песъ,
Чекаю-но вчыныты твою волю.

Гирей. Де сонця свитъ, моя ясна *ханымъ*,
Владычыця, жыття мого утиха?

Ахметъ. Господарька, краса усихъ красотъ,
Пишла туды гулятыся зъ дитками...

Гирей. Зъ дитками... а! А якъ, смутна́, чи-ни?

Ахметъ. Въ останній часъ пры Леси охвитниша:
Втишалася, сміялася...

Гирей. Аллахъ
Ховай іи видъ всякои грызоты,
Хай хмаронька не крые ій чола!
Я дуже радъ, що ій знайшлась землячка:
Хочъ будыть це за риднымъ краемъ нудъ,
Але ёго ничымъ не погамуешъ...
(*Зуздрившы*). Ахъ, онъ вона... души моеи скарбъ!
(*Ахметъ видходыть*).

Выхидъ 7.

Гирей и Маруся.

Маруся (*пидбига зъ глыбыни кону*).
Ловы, ловы!.. Клубочкомъ покотыся!
А хто кого? Ципъ, ципъ!

Дивчынка. Ой, мамо, ой!
Якъ весело!

Хлопчыкъ. Мене ты не піймаесъ?

Маруся. Не дожену? А ось! (*Ловытъ и цилуе обохъ*).

Диты (*смиются*). Ха, ха, ха, ха!!
Гирей. Ось певный рай,—нема другого раю!
Маруся. Мій сокилъ тутъ? (*До Леси*). На, одведы дитей!
Гирей. Трывай! Дай, я ихъ обниму...
Диты (*кыдаются на шыю*). Ой, тато!

(*Маруся дывытся чуло, зрушено; Леся выводыть дитей*).

Маруся. Такъ любышъ ты своихъ орлятокъ?
Гирей. О,
Якъ свій коранъ, якъ пахощи лилеи;
Воны твои, то досыть и того...
Маруся. Мои й твои, мій любый, мій коханый,
Мій пышный панъ, мій лыцарь дорогый!
Гирей (*обнима*). О, квите мій, красо садкивъ Эдемськыхъ!
Усе жыття въ тоби й для тебе... Ахъ,
Якъ серце гра, яке тутъ запьяненння!
Боюся я, позаздрыть намъ Пророкъ
И затмянйть ясне, безкрайе щастя...
Маруся. Чи-жъ винъ лыхый?
Гирей. Але-жъ и самъ Аллахъ
Поквапытся на наше раювання...
Маруся. Щаслывый ты, мій орле?
Гирей. Якъ ковыль,
Колы его витрець гойдае тыхо,
Якъ рыбонька на воли у води,
Якъ лотосъ той пидъ проминемъ пекучымъ...
Ни, ни, не те! Щаслывишый за все,—
За цилый свитъ!... Вси щастя зкупи зважъ,
И ихъ мое, напевно, переважыть...
Маруся. (*обнима*) О, втихонько!
Гирей (*сида зъ нею на мармори*). А ты, моя зоря,
Щаслыва?
Маруся. Я? Колы тебе я бачу
И голубьятъ пестую,—все тоди...
Втышается—и спбгады и боли...

Гирей. Тильки тоди? (*Зитха*) Я радый и за це;
Але скажы, моя райська утихо,
Чого до васъ душею не лежышъ
И серденькомъ цураешся? И доси
Мынулого не хочешъ ты забуть?...

Маруся. Охъ, не пытай...

Гирей. Ты щось въ души ховаешъ...
Выходыть те, що ты не вся моя?

Маруся. Не ображайсь, тебе я...

Гирей (*цилуе*). Дяка, дяка...
Але, красо, ты журышся, бува,
Завважывъ я—и слизонькы часамы
Брынилы тутъ, (*цилуе*) мовъ перлы на очахъ:
Тебе нудьга грызе...

Маруся. Що-жъ? То не дыво:
Кому жъ отця и матинкы не жаль?
Звиря—и те батькивъ своихъ кохае
И памьята ихъ ласку скилькы литъ...
А я жъ не звирь... людына...

Гирей. Правда, правда:
Те почуття мицнище надъ уси;
Але цёму якъ пособыть—не знаю...
Сюды бъ усихъ ласкаво запросывъ,
Якъ родычивъ, якъ ривныхъ зъ намы въ стани,
Прыдобу бъ давъ, вси прысмакы въ жытти,
Права... абы тоби тымъ догодыты...

Маруся. Мій батько вмеръ... и ненька, певно, тежъ:
Безъ донечкы не жыты ій, я знаю,—
Невольныцтва мого ій не знесты...

Гирей. Невольныцтва?!

Маруся. Для неи все-жъ я бранка.
Едыный братъ... та, певне, й той...

Гирей. А я?
Невже мое кохання невгасыме
Не замистыть и на краплынку ридъ?

Маруся. То, пакъ, одне, а то щось ынче, друге...
Щаслыва я зъ тобою и дитьмы...
Гирей. Яка жъ тоби неволя?
Маруся. Що-жъ, мій орле,
У прымхахъ тутъ я вильна; въ мурахъ цихъ,
Якъ пташка, я у клитци на прыпони...
Трывай! Тебе не маю я корыть,
Бо й самъ ты рабъ своихъ тяжкыхъ звычаивъ;
У васъ жинкы рабыни, а у насъ
Воны въ правахъ зъ козацтвомъ майже ривни;
У насъ жона,—чи матиръ, чи сестра,—
По всихъ свитàхъ гуляе, ходыть вильно,
На бéсидахъ зъ юнацтвомъ, на ральцяхъ,
На весилляхъ, на радахъ навить часомъ...
А у симьи—то мати голова...
Гирей. У насъ того коранъ не дозволяе...
Маруся. Бо й вы сами насъ маете за цяць,
Захованыхъ для хити потайнои,—
Не за людей...
Гирей (*перебыва*). Та ты ханыня тутъ...
Маруся (*усьмихнулась*). Въ гареми? Такъ! Старшà рабыня...
Гирей. Зоре,
Не можу жъ я гарема розигнать;
Раднишый бы, та здіймуть гвалтъ...
Маруся. Звычайно....
Я виры йму, що я одна ханымъ
И що тоби надъ сылу...
Гирей. Все, що можу...
Я пры тоби зминывсь цилкомъ...
Маруся. За те
Й кохаю я тебе, мій мисяць ясный,
Що ты не ставъ невольныкивъ держать,
Що ты зминывъ жорстокости на ласку,
Що твій гаремъ теперъ взявъ людську стать...
За те, що давъ есы мени двохъ дитокъ

Любесенькыхъ, гарнесенькыхъ... та ще
За те, що ты поклявсь мени Пророкомъ,
Що до жыття вважатымешъ мій край,
И що ёго не будешъ руйноваты.

Гирей. Такъ, крине мій; але про те Дыванъ
И падишахъ...

Маруся. Охъ, бидна Украино!
Нихто тебе не захыстыть, нихто,
А всякъ чыга, щобъ лыхомъ дозолыты...

Гирей. Все журышся... Ну, чымъ бы ту нудьгу
Розважыты? Здается бъ давъ пивъ-свита!
Заклыкавъ я сюды въ гаремъ метцивъ,
Щобъ танцямы побавылы хочъ трохы
Мою зорю небесну... Зволышъ ты
Ихъ допустыть на свои ясни очи?

Маруся. Що-жъ? Хай идуть!... Мене вража до слизъ
Твоя тонка упадлывисть...

Гирей. О, щастя!! (*Бье въ долони*).

(*Зъявляются одалискы и ведуть пидъ музыку схидный, плавный и тыхый танець*).

Маруся (*по танци*). Спасыби! Я цымъ танцямъ не дывую:
Красыви,—такъ; але нема вогню...
Мовъ плавають лебедкы тыхо, чынно,
И рухамы сонлывымы...

Гирей. Тривай,
Мы й ынше ще покажемо пашыни,
Цикавнише! (*Бье въ долони*) Поклыкать арабчатъ!

(*Вбигають маленьки чорни хлопьята и ведуть оригинальный танець*).

Маруся (*усмихается*). Яки смишни! Та жвави, мовъ ти дзыгы...
Такъ крутятся, що й окомъ не змыгнешъ!
Але у насъ танцюють въ парахъ...

Гирей. Заразъ
Я покажу тоби черкесивъ... Гей! (*Бье въ долони*)

(*До музыкы*) Левгинку ты! (*Маруси*) Накинь
мерщій чадру!

(*Выбигають одна чы двы пары черкесивъ и танцюють зъ киндж-жаламы запальну лезгинку*).

Маруся. Це гарно! Отъ, спасыби за утиху...
Нагадуе лезгинка й нашъ танèць...
Тильки козакъ буйнищый... Дуже рада!!

Гирей. А я й потúмъ!! (*До всихъ*) За втиху ясній крали
Ихъ надилыть зъ скарбныци! Ласка всимъ! (*Робыть жестъ рукою*).

(*Вси выходють*).

Выхидъ 8-й.

Маруся и Гирей.

Маруся (*бере за руку пашу*).
Просты мою слёзу нудну—я справди
Зъурочена, чы що... Ну, къ дидьку нудъ! (*Обнима ёго*)
Ты, любый мій, та диточкы й кохання...
Та тыхая порада... мій конакъ...
Втишатымуть мене... и навить зъ часомъ
Вси болещи вгамуются...

Дирей. Мій рай,,
Найкращый мій зъ веселкы ясный проминь!
Царыцею ты мусышъ буты тутъ,
Хай надъ усымъ твоя пануе воля!
Я самъ—твій рабъ! (*Обнима*) Ахмете! Гей сюды!

Ахметъ. (*Зъ-за дерева выходыть*).
Величній мій владыко!.. До послугы!

Гирей. Оповисты всихч одалисокъ ты,
Що надъ усымъ владычыця тутъ пани,
Моя ханымъ, мое жыття, мій духъ:
Уси, й я самъ, корытыся ій мусымъ,
Іи наказъ для всихъ васъ „ираде“!

(*Цилує*). Ну, прощавай! Мене чекають справы...
(*Ахметъ кланяется и одходыть*)
Якъ одженешъ смутный одъ себе нудъ,
И серденькомъ зриднышся зъ нашымъ краемъ,—
Видъ радосты, видъ щастя я умру...
Я самъ пиду оружною рукою,
Куды твое жадання поведе.

Маруся. О, свите мій! Яка-жъ то я щаслыва! (*Обнимае*).

Гирей. Ховай тебе зъ диткамы нашъ Аллахъ!! (*Выходыть*).

Выхидъ 9-й.

Маруся и потимъ Ахметъ.

Маруся. (*Писля паузы*). Такъ, справди... нудъ, журьбу, забуты треба:
Я коринемъ въ Турецькій вже земли,
Кохання тутъ, и найлюбиша втиха,
И ласощи роскоши и пыха...
А тамъ у мли за темно-сынимъ моремъ,
За кылымомъ степивъ... тамъ вже нема
Ни батенька, ни неньки, а ни брата,—
Тамъ тилькы людъ коханый та церквы,
Та дорога, спивоча, ридна мова,
Та... охъ, нехай то буде сномъ
Въ моій души, роскишнымъ сномъ, яскравымъ
И мрією моихъ дивочыхъ литъ!
Такъ, такъ! Розвійсь ты маревомъ мынуле,—
Не вернешся, зъ теперешнимъ тра жыть...
Часъ и пора туркенею ставаты...
Прощай, прощай! (*Зымыслюется*).

(*Въ цю хвылыну оддали стае чуты хорову писню, яка зблыжается и росте*).

Хоръ (*за кономъ*). Ой у поли два яворы,
Третій зелененькый,

Та занедужавъ пры дорози
Козакъ молоденькый... и т. д.

(*Маруся, зачувшы писню, здригнула и мовъ остовпила, а дали ажъ потяглась невыдымою сылою за дорогымы згукамы, рыдаючы и ламаючы рукы*).

Маруся (*Задыхаючысь урывочно промижъ куплетивъ*).
Козачый спивъ?... Зъ моихъ краинъ святыхъ?!
Ой, серце рве! Прокынулось все знову!

(*За 2-мъ купл.*) Горыть... пече... Украина моя
Озвалася слёзамы... застогнала! (*Лама рукы, потимъ кыдается, якъ ужалена*).

(*За 3-мъ купл.*) Ай! хто тамъ, хто?... Мій мозокъ запалавъ...
Почувсь мени коханый, кревный голосъ.,.
Ой! Боже-жъ мій! (*Натыкается на Ахмета*)
Якый спива то гуртъ?

Ахметъ. Невольныкы...

Маруся (*сплеснула рукамы*). Невольныкы?! У пана?!
Въ моимъ садку?! Въ кайданахъ кревный людъ?
И може тамъ... Лукаве ошукання!!
Все кóла йде... Веды мене до ныхъ!

(*Ахметъ поклонывшысь руша, Маруся за нымъ*)

Зависа хутко спада.

ДІЯ III.

Берегъ моря. Кинъ перегорожено барканомъ. Злива за нымъ выдко садокъ паши. Просто за деревамы выдко навдали мисто. Коло моря накыдано дуже каминня; невольныкы ёго зносють сюды для якогось забудовання, що распочате.

Выхидъ 1.

Сохронъ, Малёваный, Степанъ, Охримъ Колій, Андрій Лобань, Иванъ Карпенко, Запорожци. Невольныкы въ кайданахъ сыдять на каминняхъ, на писку, на роспочатій будивли. Навдали Турецькыхъ

два вартовыхъ. Де яки перевьязують раны; други выдырають шпычкы зъ тила, де-хто щось замыва, инчый палыть люльку и передае одынъ одному затягтысь; де-хто щось йисть и дилытся. Степанъ лежыть и стогне).

Андрей (*по паузи зачына письню*)

Та не знавъ козакъ, не знавъ Сохронъ,
Якъ славонькы зажыты.

Гуртъ. Гей, зибравъ військо, війско запорожське,
Тай пишовъ Туркивъ быты. и т. д.

(*Остатній куплетъ може затягты и самъ Сохронъ якый осторонь сыдыть, зажуреный*).

Сохронъ. Спасыби вамъ братци, що про мене письню зложылы; тилькы вона доkиръ мени, та ще й велыкый. По своїй справи, по дорогій... пидбывъ васъ до походу, тай завивъ у неволю!

Андрій. Ну, то вже Боже попущення, а бывся ты, якъ и чортякы не бьются у досвита.

Иванъ. Ха, ха! Справди головы бусурменьски злиталы, якъ качаны! Просто ажъ смихъ мене взявъ: що обступыла ёго сыла ворожа, чысто якъ хмарою вкрыла, а винъ маха, тай маха шаблею, мовъ блыскавкою навкругы грае.... а голомози, якъ снопы... то тамъ гепъ, то тамъ гепъ!... Крычать „алла"! крутятся, та ничого не вдіють... Я задывывся, залюбовавъ, а мене якась тварюка и шелеснула по голови!...

Андрій. И не доставъ бы нашого отамана ятаганомъ жоденъ псявира, колы-бъ не накынувъ якыйсь проклятый собака арканомъ.

1 Запорож. Та й то попоборсалысь...

2 Запорож. (*сміется*). Багато шкареберть стало...

Сохронъ. А все-жъ такы затяглы горлянку й звязалы. Эхъ! уже я й пальци двомъ одкусывъ бувъ,—думка, що стусоне кинджаломъ... такъ ни!—Жывцемъ захотилы ыроды взяты!

1-й Запор. Звычайно, корысть... чують, кляти, що дорога голова.

Иванъ. Тай добре зробылы, бо то такы жывый, а то-бъ бувъ мертвый.

Андрій. Жывому й надія жыва.

Охримъ. А мертвому лежня та чудесный спокій: спы соби, скилькы влизе... безпешно!

Иванъ. Добре спы, якъ чорты зъ душею мотузятся. Якый же видъ сатаны може буть спокій?

Охримъ. До козачои души винъ не пидступытся

Андрій. Овва!

Охримъ. Не дуже й овва! Мы за святый хрестъ стоимо и головы ложымо, такъ хрестъ карбижемъ на души й стоить... отъ помкнется куцый іи вхопыты, та ба! Гляне на хрестъ, и хвистъ пидъ себе...

1 Запор. Отъ розсказавъ, мовъ самъ тамъ бувъ.

2 Запор. Звисно—характерныкъ... чорты ёму—своякы, прызнавався! (*Смихъ спильный*).

Охримъ. Своякы, не своякы, а у послушенстви; ты чорта не гудь.

2 Запор. Звисно; чы тютюномъ, чы горилкою часомъ надилыть...

Иванъ. То-то, я думаю, видкыля у ёго добрый тютюнъ? Ажъ то—родычи! (*Сміются*).

Сохронъ. Эхъ и людъ же зъ васъ, друзи мои, такъ такого катма на цилому свити: шыбай-головы, лыцари, ридни браты!

Андрій. Не дуже, поволи! На одынъ бикъ перехвалышъ.

Сохронъ. Не перехвалю, брате, нема стилькы сылы у мови, щобъ перехвалыты! Та дежъ, сыдять у кайданахъ, працюють якъ туры, безъ передыху, безъ одпочывку, гныють у тюрьми, йидять гирше за псивъ, поневиряются, терплять мукы нелюдськи—и не скаржутся, а жартують, и не клянуть прыводныка, а ласкаво ёму все выбачають... Охъ, яки-жъ вы, браты мои, щыросерди и якый я выноватець!

Андрій. Гай, гай, пане отамане, друже нашъ, брате! Та зацурай оту письню. Ни въ чому ты не повыненъ... На-

гналы мы холоду бузувирамъ, поплюндрувалы ихъ кубла, въ Кафы невольныкивъ слобонылы чы-мало... ну наскочылы на таку сылу, що, мовлявъ, була въ двадцятеро бильша за насъ: не дыво, що вскочылы и въ лабеты.

Иванъ. За те нагулялысь у волю!

Охримъ. Тай неволя ще розчудесна: и полежаты у ночи можна, и пидъ головы каминня дають, и на шпациръ водять, не дають застоюватысь сыли козачій... ей-Богу, чудесно!... Отъ тилькы не хвалю за звычай, шо що-дня чешуть шкуру... Ще за таволгу бъ я ничого, бо та тилькы карбуе й рубцюе... вернешся до дому, то ще краще дивчата упадатымуть, бо якъ помережаный; а отъ мени не до смаку шепшына та терныня, що позаганя тоби скризь у тило спычокъ, а воны мулять... ну й зновъ робота: сыды й выколупуй...

2-й Запор. Ну, тай недогадлыва жъ голова! Та то жъ для забавкы, щобъ не нудывсь, не скучавъ... Адже-жъ проказують, що

Козакъ душа правдывая
И журьбы не мае—
Горилку-пье, чи нужу бье,
А все не гуляе!

Бильшына. Правда, правда!

Степанъ. Охъ, братци ридни, подайте воды хочъ краплыну: пече... вогнемъ жерущымъ пече...

(*Хтось уставъ по воду*).

Сохронъ. Онъ, яка добра неволя! Скилькы вже лыцаривъ перегнала вона на той свитъ... Натишутся назнущаются азіяты, та якъ завважжуть, що почынаемъ вмерать, заразъ перепродають, и у кожного гаспыда лышаемо мы дороги товарыськи трупы...

Охримъ. Ну що-жъ, якъ бы не прыберавъ до себе Богъ козакивъ, то ихъ росплодылося бъ на ввесь свитъ, и сталы бъ воны буденною риччю, а то Богъ ихъ держыть для земли обмаль, щобъ козакомъ всякъ дорожывъ.

Андрій. И покрашае нымы свій рай...

Дé-хто. Такъ, такъ!

Други. Э, Андрій все зна, якъ гаплыкомъ прыстибне!

Иванъ. Що й казать,—зналецъ! (*Смихъ*)

Степанъ (*напывся*). Я, братци, выненъ! Черезъ мене, клятого, вси мукы... черезъ мене, Іуду... Чуе душа моя... збирается въ далеку дорогу... Та колы бъ швыдче рушаты...

Сохронъ. (*пидходыть, и други*). Та заспокойся, голубе: то ты охлявъ... Ще може одпустыть.

Степанъ. Ни!... Та то бъ и гараздъ... тяжкый у мене на души грихъ... Здіймить, мои друзи, може легше ій буде зъ тиломъ опростытысь.

Сохронъ. Та хто безъ гриха? Богъ мылосердый! А ты не надрывай себе!

Степанъ. Передъ тобою, товарыше, брате мій, найбильше я гришенъ... Я—Каинъ, гирше Каина!...

Сохронъ. Колы передо мною, то байдужè... Спочывай безпешно... отъ тоби слово козацьке, що все напередъ дарую; такъ и Богови скажы!... (*Степанъ обнима ёго й задыхается*).

Охримъ. Отъ и гараздъ, а то мы не попы, покуты не накладаемо... Насъ въ решети возыты не прыйдется. Отъ, якъ бы пани-матка була, ту бъ повозывъ.

Степанъ. Маты моя риднесенька... черезъ мене, проклятого, ниженькы свои стари бье, очи выйидае слизьмы... немошне тило рве тернамы, сыве волося мочыть дощамы... Ой, чы й жыва вона, моя ненька безталанна?

Сохронъ. Не рвы себе: Божа ласка надъ намы!.. Пани-матуся наша жыва; чуе мое серце... що вона прынесе намъ рятунокъ.

Степанъ. Матинко моя! Пробачъ!.. Просты!!

Сохронъ. Отъ и я тымъ передъ моимъ товарыствомъ выненъ, що похопывсь сюды безъ пидмогы... Загорилось серце, занялась душа... Эхъ, простить мене!!

Вси. Та годи тоби, пане отамане! Вси мы запалылысь, всихъ взяла нетерплячка.

Выхидъ 2-й.

Тижъ и назорця турокъ.

Назорця. Гей, вы, джавры, до роботы! Вмыты!! (*Козакы встають и почынають каминня носыты*). Заразъ мени, псы! Проворнишъ! Повывертались, якъ свыни, ще й вють... Отъ я васъ повыю! Зъ шкуръ ремнивъ надеру! Повертайся, собако, повертайся! (*Бье то одного, то другого*).

1 запор. Та не бый же, дурню, по рукахъ и ногахъ, бо робыты не будуть!

(*Дозорця зъ невольныкамы виддаляется за кинъ по каминня*).

Сохронъ. (*по паузи*). Свиты́ сходывъ... здоровья, сылу стратывъ,
Натерпивсь мукъ, и все те надарма̀:
Я не здолавъ довидатыся навить,
Куды мою голубку занеслы,
Де гаспыды знущаются надъ нею?
Тутъ, кажуть, десь, а саме де—не знать!
Не видаю, а чы й жыва сердешна?
Напевне, ни!.. Козачая дочка,
Попивського, велебного ще роду,
Скоришъ порве сама соби жыття,
А нижъ пиде́ невири на поталу...
Охъ, якъ болыть це серце по тоби,
Мовъ каминь той лежыть воно у грудихъ,
Мовъ сиркою горючою пече!
А! Хочъ-бы знать! Хочъ-бы зырнуть на зирку!
Колы жъ нема іи на свити симъ,
То глянуты хочъ бы катузи въ вичи
Й напытыся тіеи помсты въ смакъ,
Тоди и смерть прынявъ бы за утиху...
А раньше, ни!, О, де жъ ты, зоре, де?
Хочъ стогономъ до мене озовыся,
Хочъ буйнымъ цимъ ты звистку перекынь,

Защебечы хочъ ластивкою зтыха...
Нужуся-жъ я... ношу зъ собою скризь
Тутъ пекло зле (*показуе на груды*), терплю не-
людськи мукы...
Колы-жъ кинецъ? О, Боже мылый, зглянься!

Выхидъ 3-й.

Назорця, Тетеря, Панасъ, а дали й невольныкы.

Назорця. А ты чого, собако, загулявся? Колы за тебе выкупу не шлють, то робы, хочъ здыхай! Я зъ тебе, отамана, олію варыть буду, джавра клятый!

Сохронъ. Колы зъ другыхъ варышъ, такъ зъ мене й овшемъ. А стою я тутъ, бо дожыдаю каминня... воны носять и возять, а я кладу: такъ мене будовнычый поставывъ...

Назорця. Будовнычый! Я тебе поставлю! А це смердо̀, чого валяется?

Сохронъ. Не рушъ ёго, каваджа,—винъ слабый... може умира...

Назорця. Заплатылы гроши за падло! Гей, рушай, хочъ натишусь до твого здеху...

Сохронъ. Не рушъ ёго: я видроблю и за свій пай, и за ёго!

(*Надходять невольныкы; той везе на тачци, той несе на плечихъ каминня; де-яки вартови пидганяють ихъ прутамы*).

Назорця (*штовха ногою Степана*). Вставай, собако

Степанъ (*натужуется встаты и знов̾ъ пада*). Не можу. Добый!

Сохронъ (*пидходыть*). Не рушъ, невирне вухо... я за ёго видбуду!

Назорця. Ахъ ты, шайтанськый послидъ! Такъ ты за ёго видробышъ? А спыною за ёго хто видбудется? На всихъ васъ, собакъ, розложыть ёго пай, чы що?

Де-хто. Хочъ и на всихъ... а вмырущого быты не можна...

Назорця. Васъ, гадынъ, пытатысь ще? Гей, всыпать кожному по пьять джутивъ добрыхъ!

Сохронъ. Чого всимъ? Мени всыпъ, колы ласка... Я за Степана беру роботу и муку ёго визьму... а воны тутъ ни прычому!..

Назорця. Гараздъ! Вьяжить ёго до стовпа!

Сохронъ. Чого вьязать? Я й самъ стану!

Вси (*глухо, а дали гризнище*). За що отамана? Не попустымо на знущання... жаловатысь треба паши... Що се за гвалтъ?!

Назорця. (*Бье въ долони*). Гей, спагы! (*Наблыжается турецька пихота и стае зъ рушныцями бикъ невольныкивъ*).

Андрій. Ты не лякай насъ спагамы! Хочъ и закованы въ зализо, а свого отамана не дамо!

Иванъ. Перебый усихъ,—тоди й знущайся!

Назорця. Быйте ёго, пурбегою-батогомъ! (*Вартови замьялысь*).

Степанъ (*трохы пидводытся*). Мене катуй, прыйму за мылость... Скороты мои мукы... а ёго не чипай!.. Не чипай! (*Плазуе*).

Назорця. Що жъ вы мнетесь? Лупить!!

Невольныкы (*гризно*). Не рушъ!!

Сохронъ. На Бога, братци! Вы наклычете соби лыхо... Хай на мени зирве злисть!

Степанъ (*трясе рукамы въ кайданахъ*). Не займай отамана, мого брата, якый черезъ мене... черезъ Каина терпыть мукы!.. Ой!!

Назорця. Оточить ихъ, спагы! (*Військо обступа, але невольныкы просуваются*). Ни зъ мисця! Переколю всихъ!

Вси. Колы, а отамана не дамо!

Назорця. Побачымо жъ! Я самъ ёго покарбижу! (*Ударывъ зъ ненацька палыцею по спыни Сохрона, ажъ кровъ выступыла*).

Степанъ. Ай! Шайтанъ клятый!! (*Бье его наручнямы по голови, такъ що й чалма спала; але якъ слабый, той самъ упавъ*).

Назорця (*бье его кинджаломъ*). Собака! Песъ! Здыхай!!

Степанъ. Спасыби! (*Хапается рукою за груды*).

Вси. Убывъ? Такъ смерть ёму! (*Кыдаются*).

Сохронъ. Не рушъ! (*Пиднима руку*). Отамана наказъ, до послушенства!!

Вси (*одступають*). Наши головы!

Назорця (*мовъ не пры соби, хытается и хапается за голову, ёго одводять назадъ, прымочують голову водою и надивають чалму; поралются коло ёго, покы йде сцена матери зъ сыномъ*).

Сохронъ (*пиддержуе Степана, якый ще жывый*). (*Спагы стоять непевно, нерищуче*).

Выхидъ 4.

Ти-жъ и Ганна.

Ганна (*ввиходыть въ цыганьскій одежи*). Гей, паны вирни, владыкы, и воякы велыки, и вы, невольныкы калики! Всимъ до послугы: чы погадаты, чы що вылываты, чы кому у слидъ нашептаты... маю и прыворотъ, и одворотъ, и заворотъ... и на кохання, и на ненáвисть... и на щастя, и на погыбель... и кровъ напускаты, и кровъ замовляты.

Степанъ (*корчучысь*). Ой... голосъ... голосъ! поклычте.. остатнье сконання... Боже! Просты!.. Прыймы!

Сохронъ. Поклычте... хочъ кровъ бы спыныты.

Де-хто. Цыганко, сюды!.. Замовъ кровъ!.. (*Цыганка пидходыть*).

Иванъ. Тутъ сатана отой корпыснувъ запоясныкомъ нашого козака бранця.

Цыганка (*тривожно озыраючысь*). Де? кого?!

Иванъ. А онъ!

Цыганка (*хутко оглянувшы, похытнулась, та май-же упала й прыпала до Степана*). Сыну мій!! Порадо моя!!

Степанъ. Ой, мамо!! (*Занимилы*),

Сохронъ. Пани-матка?! (*Ловыть и цилуе іи руку*).

Андрій и Иванъ. Тыхше! Щобъ не догадалысь!

Охримъ. Обступить! (*Де-яки обступають*).

Ганна (*рыдаючы здержано*). Згоривъ... Убылы!.. О, помсты жъ, помсты! Дытыно моя, сыне едыный!!

Степанъ. Ихъ ратуйте... а мени смерть—вызволення видъ мукъ... Простить мене... мамо! Просты, брате, и вы, мои товарыши!.. Я грихъ тяжкый ношу... покутувавъ ёго... Я... я продавъ сестру мою Марусю.

Ганна (*сплеснувшы рукамы*). Ты?!.. Ты?!.. (*Одхытнулась*).

Сохронъ. Мою заручену?.. Побратымъ? Другъ!!

Вси блыжчи. Ой, грихъ! Але велыке й каяття!

Степанъ. Простить! Я Каинъ... душогубець... зраднykъ и вироломъ! Але я знесылывсь одъ мукы... Поневирявсь, смерты скризь шукавъ... Не проклынайте мене, мамо, брате, друзи!! Ой, тяжко зъ проклёнамы души йти до Бога! Уже руша... Простить, простить!! (*Лама рукы въ конвульсіяхъ*).

Ганна (*хмуро*). Богъ мылосердный... мылосерднишый за насъ...

Сохронъ. Такъ! Вороття нема... Просты ёму Боже!

Блыжчи. Пробачъ ёму, Господы, якъ пробачылы мы...

Степанъ (*безъ памяты*). Браття, друзи... не помынайте лыхомъ... Всихъ... Боже!.. Мамо! благословить: передъ судъ иду...

Ганна (*зрушено*). Сыну мій! (*Кладе рукы*). Иды спокійно: молытыметься маты за твою гришну душу.

Сохронъ. Брате мій! Нещасный брате!!

Степанъ (*простяга рукы*). Де вы? де? Не бачу!! (*Умира*).

Выхидъ 5 й.

Ти-жъ и Леся.

Леся (*прыбига и пизнавшы Степана, кыдается зъ рыданнямъ*). Степане!!.. Ой!! (*Зомлила*). (*Блызши коло трупа сталы навколишкы*).

Назорця (*оправывшысь*). Що тамъ за бунтъ? Въ тюрьму всихъ! До росправы!! (*Спагы обступають, женуть невольныкивъ,*

яки пидбирають Степана). (*Цыганка зъ зомлилою Лесею иде за нымы*).

(*Кинъ минуту, чы дви порожній*).

Чуты за кономъ: Куды? Назадъ!!

Цыганкы голосъ. Пустить, молю Аллахомъ! То сынъ мій!

Голосы. Жены іи! Геть, джавро!! До шайтана!

Цыганкы голосъ. На Бога! На Пророка!!

Голосы. Бый іи джутомъ!!

Выхидъ 6-й

Ганна сама.

Ганна (*выбига*). Мене... мене... до сына не пустылы?..
Знущаючысь видъ трупа одтяглы...
О, будьте жъ вы перекляти до смерти,
Щобъ цилый викъ ни вы, ни весь вашъ ридъ,
Не зналы й дня щаслывого, годыны...
Щобъ мукы вси, яки у пекли суть,
Невидступнó, вамъ душу мордувалы...
Щобъ серце вамъ все струпомъ понялось,
Щобъ въ печинкахъ засилы чорни жабы,
Щобъ робакы точылы скризь нутро,
Щобъ въ мозоку звелы гниздо гадюкы,
Щобъ очи вамъ повыйидала тля!..
О, гаспыды, ненатли бузовиры! (*Пауза*).
Однымъ одна на свити сырота!
Все дороге, все ридне пидъ землею—
И мужъ, и сынъ... дочка жъ? Лыбонь десь тутъ;
Але хто зна?.. Замучена, въ неволи...
Видирвана на викы... все одно,
Що й у земли... и зновъ одна на свити!
Безъ сподиванъ и безъ меты... Ни, годи!
Гартоване це серце не въ слёзахъ,
Зостанется ёму утиха—помста...

И помстою я душу вдовольню!
Але идуть... Ховайся въ серци горе,
Не проступай, для глуму, на выду!! (*Одступа за каминъ*).

Выхидъ 7-й.

Ти-жъ и Маруся зъ Ахметомъ.

Маруся. Де жъ, де жъ воны?.. И беригъ ось... Немае
Никого тутъ...

Ахметъ. Але на мисци симъ
Що-дня воны працюють, господыне;
Онъ и кіоскъ новый розпочалы...

Маруся. Нема жъ, нема.

Ахметъ. Може, погналы дали?..

Ганна (*ажъ кынулась*). Ой, хто жъ то, хто? Пройнявъ мене ножемъ...
Той голосокъ... Не добачають очи...

Маруся. Я чула гвалтъ и лементъ...

Ахметъ. Звыкла ричъ,
Може кого каралы...

Маруся (*сплеснуе рукамы*). О, злочыньство!
Яка страшна омана!.. Значыть, тутъ
Така жъ, якъ скризь, дративля мого люду?!
Невольныцтво? О, зрада!.. Спала я
На подушкàхъ шовковыхъ—и не знала,
Що вся пыхà и роскишъ ся райськá
Купована за кровъ и слёзы бранцивъ...
А може ще мижъ ными... Боже мій!..
Учувсь мени знаёмый, рідный голосъ...
Веды, веды!..

Ахметъ (*мнется*). Але...

Маруся. Ты чувъ наказъ?
Законъ для васъ—моя владычня воля!..

Ганна (*на бикъ*). Вона, вона! Моя яснà зоря!
Мое дытя! Хытаюся зъ несылы! (*Занимила*).

Ахметъ. Я ій корюсь, пашынье... Але й самъ
Не видаю, куды и якъ...

Маруся. Хочъ въ пекло!

Ахметъ. Невильно тутъ... Забороня коранъ...
По мисту скризь...

Маруся (*упарто*). Веды, я потрибую!

Ахметъ. Трывайте! Вмыть! (*Забачывшы Ганну*).
Онъ хтось стоить въ кутку.
Цыганка? Такъ, іи тра роспытаты,
Куды зайшлы...

Маруся. Поклычъ іи сюды.

Ахметъ. Аговъ! Сюды!.. Гей, цыганыхо, чуешъ?
Тебе зове владычыця!..

Ганна (*оправывшысь*). Ту-жъ мыть.

Маруся (*до себе*). Зъ Украины цыганка (*Ахмету*) Видступыся!
Іи сама я хочу роспытать. (*Ахметъ кланяется и видходыть*).

Выхидъ 8-й.

Маруся и Ганна.

Маруся. Ты чула? Такъ? Стоявъ тутъ гвалтъ и лементъ...
Зъ якыхъ прычынъ?

Ганна (*стае въ тини и зминя голосъ*). Невольныкивъ навчавъ
Дозорця...

Маруся. Якъ? Завищо? Що вчынылы?

Ганна. Прыйшла ёму охота, ну и квитъ!
Тай слидъ, щобъ имъ не выгоилысь спыны...

Маруся. Напастныкы, каты!!

Ганна. Чы жъ жаль тоби,
Яснійшая пашывье, того быдла?

Маруся. Не лай мени нещасный людъ!

Ганна. Пробачъ,
То жъ псы лыхи...

Маруся. Цыганко, дякуй Бога,
Що ты лыбонь зъ Украины...—не то бъ,
Звелила я тебе провчыты добре,
За речи си...

Ганна. Велычнійша ханы́мъ
Яснійшого владыкы на схидъ-сонци,
А що тоби гяурськый дыкый край,—
Хиба ёго ты знаешъ?

Маруся (*нервово*). Знаю, знаю!!

Ганна. Мечетій тамъ нема, а все церквы
Зъ хрещатымы дзвиныцямы... и вира
Не права тамъ, а хрыстіянська...

Маруся (*збентежено, на бикъ*). Ой,
Що діется зи мною? Голосъ... голосъ...
(*до Цыганкы*). Хто ты есы?

Ганна. Цыганка изъ степивъ,
Знадъ Роси...

Маруся. Якъ? Знадъ Роси?.. Боже мылый!

Ганна. Хиба и Рось ты знаешъ?

Маруся. Знаю все.
И Богуславъ...

Ганна (*зблыжается*). Такъ, знаты, пани звидтиль?..
И не забула й доси тыхъ краивъ,
За роскишшю, за бучною пыхою,
За втихамы, за чадомъ...

Маруся. Зроду ни!
Хиба здола́ хто вытруиты зъ сердця
Пытымый ридъ, красу родынныхъ мистъ.
Але хто ты... на Бога? Голосъ... голосъ!
Изъ малку винъ у серденьку бренивъ,
Пидъ згукы ти воно жыло и былось...

Цыганка (*зрушено*). Цыганка...

Маруся. (*хутко пидходыть*). Ни! Не крыйся, я молю,
Не одвертай прыхыльного облыччя,
Не мучъ мене!.. Я вся тремчу... Поглянь,

Моя душа щось прочува...

Ганна (*не выдержала, кыдается и обнима*). Марусе!

Маруся. Ой! Мамо!! (*Прыпада зъ рыданнемъ*) (*Занимилы*).

Ганна (*по паузи*). Такъ!.. Дытыно!.. Моя кровъ!.. (*Обнима*).

Риднесенька, едына!..

Маруся. Я стеряюсь... (*Истерычно цилуе и рукы и выдъ, рыдаючы*).

Матусенько... Лебидочко моя!
Ой, якъ пече... якъ солодко... якъ любо!..
Це, певне, сонъ...

Ганна. Ни, це не сонъ,—жыва я!
Пивъ-свита я сходыла, щобъ дизнать,
Де донечка, моя остання втиха,—
Щобъ вышукать и вызволыть зъ рабынь...
Видъ тугы я звелась на тинь, Марусе,
Видъ катувань постарила вкинець...

Маруся. Ой, ненечко!.. Моя порадо тыха!!.
Якъ по тоби нудылась страшно я...
Якъ радисно... яке тепера щастя!
Не знаю пакъ, що й діется мени...
И плачу я й сміюся... Маты Божа!
Ты зглянулась...

Ганна (*пыльно*). Чы Панни пресвятій
Ты молишся, чы може вже Пророку?

Маруся (*змишалась*). Невильно тутъ... Що жъ проты сылы?

Ганна (*строго*). Ни!
Зламать законъ, занехтуваты виру
Мене бъ нихто прымусыть не здолавъ!

Маруся. Душею я все та-жъ...

Ганна. Такъ утечимо
Въ Украину!

Маруся. Мамусю... а диткы?
Жоною я коханого...

Ганна. Ой, доню,
Хочъ пошануй... Мени бъ раднише чуть,
Що згынула видъ гвалту, а выходыть—
Ты серденько по воли продала,
И зрадыла и Бога, и дружыну...

Маруся (*кыдается въ ногы*). Матусенько, простить
мени, простить!
Погляньтеся ласкавымъ окомъ. . дони
Не прокленить! (*Цилуе ногы*) Я вынна...
Серце вразъ...

Ганна. И ворога Украйны покохала?

Маруся. Не ворогъ винъ!.. Винъ прысягавсь мени,
До вику край мій ридный бороныты,
Не брать въ ясыръ... въ гаремъ...

Ганна. Ха, ха, ха, ха!!
Гараздъ поклявсь... и поняла ты виры?

Маруся. Не крывдывъ винъ у слови...

Ганна. Якъ?! Та ты
Чы зъ чаду, чы слипуешъ нарочыто?
Не крывдывъ? Ха!! Та винъ дурывъ тебе,
Якъ те давча...

Маруся (*сплеснула рукамы*). Ой, мамо, мамо! Що вы?!

Ганна. Такъ, все дурывъ!... И розумъ твій спьянывъ
Роскошамы: невольникивъ тутъ сыла—
Край палацу сыдять вони въ тюрьми.

Маруся (*лама руки*). Не знала я... не видала... клянуся...
Ой, лелечко!.. Ой, ненечко... повирь!
Яке страшне пробудження видъ сону...
Яка сама соби стаю гыдка!
Спьянила я, чы... одибравъ Богъ розумъ...
Чы кара то за втиху гришну... Ой,
Омана зла, нечуте ошукання!
Яка жъ теперъ безщасна я!! Ой, чомъ
Мене малу ты до схидъ-сонця, мамо,
Не кынула въ колодязь? Чомъ мене

Ты въ пелюшкахъ не задавыла зразу?
На-вйщо ты пустыла на сей свитъ
Свое дытя,—на горе, на грызоту,
На поквилъ злый... на слёзы нависни?!
Ой, лелечко!... Не можу-жъ я прызнаты,
Щобъ мій Гирей... щобъ мисяць мій ясный....
Мене дурывъ...

Ганна. Пиды въ тюрьму,—тамъ гыне
Видъ мукъ тяжкыхъ хрещеный руськый людъ,
Краса бойцивъ, лыцарство наше славне,
Що виру й край бороныть видъ сипакъ,
Що и сюды забылося зъ завзяття,
Щобъ вызволыть тебе видъ бусурманъ,
Вернуть у ридъ Марусю Богуславку...

Маруся (*не пры соби*). Ой лелечко, (*хытается*) зза мене стилькы мукъ?
Я буду тамъ... я попрошу Гирея—
Винъ выпустыть... То все надужыва
Безъ видома... ёго дозиръ...

Ганна. Ты певна?
Боронйшъ все ты ырода пашу?!
Такъ похопысь... бо хоче винъ сёгодня,
Якъ бунтаря, Сохрона покарать,
На люту смерть оддать твою дружыну...

Маруся. Сохронъ мій тутъ?! Дай руку, бо впаду...
Туманъ въ очахъ... зомлило серце въ грудяхъ...
Не виддыхну... я вся мовъ на ножахъ...
Сохронъ мій тутъ?..

Ганна (*пиддержуе*). За всихъ прыймае мукы.
А мій Степанъ, твій ридный братъ, умеръ...
На мисци симъ... сёгодня... пидъ кынджаломъ
Довирного твого паши...

Маруся (*несамовыто*). Рятуй!
Рятуй мене одъ пекла, мылый Боже!
Я прбклята.... я гришныця тяжкà...

Нема мени мижъ людомъ риднымъ мисця...
Викы мынуть—мене клястыме людъ,
Кисткамъ моимъ не буде супокою!
Зъ-за ласощивъ я виру продала,
Зъ-за любощивъ забула край свій любый,
Зъ-за тыхъ роскôшъ потурчылась на викъ,
Учадила... и пьяна не змогла я
Обороныть ни брата, ни орливъ...
И братъ умеръ... а той, зъ кымъ обручылась,
Вже у кативъ. О мамо, мамо, вбый (*дае кинджалъ*)
Свою дочку зрадлыву!.. Ты у серце,
Щобъ на ножи все кривыю запеклось!...
Геть, причъ усе!! (*Зрыва и кыда оздобы*).
Запроданкы оздобы,
Добути вы за ридну руську кровъ...
О, якъ теперъ ненáвыжу себя я,
Гыдую якъ пашею и всима
Невирамы...

Ганна. О моя доню люба!

Маруся. Клянусь тоби цымъ небомъ пресвятымъ,
Клянусь судомъ, клянусь своимъ покволомъ,
Украины покоемъ я клянусь,
И славою сынивъ іи завзятыхъ,
Клянусь отцемъ,—що вызволю усихъ.
Не допущу вже бильше до знущання:
Я вымолю слёзамы у паши...
А колы ни,—ключи у ёго вкраду,
Спьяню, прысплю... зарижу, задушу...
А воленьку братамъ моимъ добуду
И помстою за мукы заплачу!

Ганна. Дытя мое! Морозомъ бытый квите!
Прокынулась въ тоби отецька кровъ...
Ты зновъ моя... зновъ наша...

Маруся. Украина
Не прыйме вже... такои...

Ганна. Прыйме, вары!
И все простыть, якъ я тоби прощаю...
До помсты-жъ!!

Маруся. Такъ! До помсты!!

Ганна. И въ нашъ край!!

Зависа.

ДІЯ IV.

Направо видъ зрытеливъ ганокъ роскишного будынку, въ слупамы, шырокымъ рундукомъ, марморовымы сходами, за нымъ здіймаются шпылемъ минаретъ зъ кружганкомъ. Ливоручъ на другимъ пляни—тюрьма, муры, брама... Просто—море, затока; навдали, на другимъ боци затокы, выдко—городъ, минареты, мечети... Вечиръ, а дали ничъ.

Выхидъ 1-й.

Ганна и вартовый.

Ганна. Нема іи (*озырается*). Чы вдача, чы невдача?
Душа въ мене холоне... Часъ иде,
Іи жъ нема...! (*Потимъ, глянувшы надокола и до вартового*) Гей, правовирный брате,
Куды це вси збираются?

Вартовый. Въ мечеть.

Ганна. Въ яку-жъ?

Вартов. Въ генъ ту, що мріется по тій бикъ.

Ганна. И на довго?

Варт. На цилу ничъ...

Ганна. А мы
Зосталемось самисеньки?

Варт. На вежахъ
По одному зъ вартовыхъ...

Ганна. Двое всихъ?
Ой, лышенько!... Ясный паша звеляе,

Щобъ пробула я ничъ зъ ёго ханымъ,—
То я боюсь...

Варт. Чого? Безпешно, пани....
Черезъ ланцюгъ нихто не проплыве,
А тутъ свои...

Ганна. Та чы ёго-жъ замкнуто?

Варт. Напевно.

Ганна. Я бъ хотила позырнуть...
Ты проведешъ?

Варт. Неможна...

Ганна. Маешъ лиру...

Варт. Хай пани жде, якъ вырушать уси...

Ганна. Гараздъ, гараздъ! (*На бикъ*). Не вернешся ты звидтиль! (*Выходыть*).
Хвылыны йдуть, я жду, мовъ на ножахъ...
И слушный часъ вже блызько, тилькы й можно
Въ цю мыть звольныть невольныкивъ; іи-жъ
Нема й нема!... Може, прызналась кату
И справу тымъ зламала? Або й те,—
Що постеригъ и винъ іи замиры,
Тай забыра зъ собою... Охъ, бида!

(*Знову вызыра, заглядa на рундукъ и въ двери; завважъ:вшы, що вартовый пишовъ обходомъ кругъ вежи, надходыть крадькома до зализныхъ дверей и тыхо стука*).

Голосъ Сохрона. Хто тамъ?

Ганна. Це я, я—матиръ зъ Богуслава.

Сохронъ. Матусенько!!

Ганна. Що, кары не було?

Сохронъ. Видложено черезъ велыке свято...

Ганна. Молитеся! Чы знаете пакъ вы,
Якый у насъ сёгодня день велыкый?

Сохронъ. Де жъ знаты намъ! Мы погубылы й дни...

Ганна.. Сёгодня тамъ въ Украини велыкдень:
Хрыстосъ воскресъ!

Сохронъ. Воистыну воскресъ!
Голосы. Во-истыну!
Сохронъ. Ой, мамо дорога!
Що ты мени и всимъ намъ прыгадыла!
Слёзамы насъ умыла... Тяжкый скрутъ!
За моремъ тамъ, въ коханій Украини,
И дзвинъ гуде, и церква сяе вся,
А тутъ... муры, зализо... темна ничъ.
Ганна. Надія е у Бога... незабаромъ,
Може и васъ Всевышній воскресыть,
Якъ воскресывъ свого святого Сына...
Молитеся й чувайте! Але йдуть... (*Видходыть*).

Выхидъ 2-й.

Ти-жъ и Маруся.

Маруся. Добула ось паши мого ключи—
И видъ скарбныць, и видъ тюрьмы, й видъ брамы,
Що море це й прычалы замыка...
Въ оцій руци—добро ёго, и влада,
И супокій, и самее жыття...
Я ласкою, цилункомъ, прыгортаннямъ
Добула ихъ... и мовъ Іуда той
Передаю на згубу мого квита...
Якъ боляче! Що винъ мени вчынывъ?
Кохавъ, жаливъ, всимъ потуравъ бажаннямъ,
Зъ мене очей не зводывъ, витрецю
Не дозволявъ въ мое облыччя віять,—
И я за те ёго ще предаю...
Що-жъ скоивъ винъ? Забула (*Пауза*) А! згадала,—
Невольныкивъ почавъ держаты зновъ,
Наперекиръ моимъ бажаннямъ... правда.
А може то безъ видома ёго?

Лыбонь що ни!... Ой, тяжко зневиратысь
Тому, кому це серце виры йме;
Але про те... кровъ, ридна кровъ волае
Поквитовать неправду викову...
Такъ мусыть буть, нема другого шляху...
Невольныкы замучени на смерть,
Воны неслы зъ-за мене катування—
Повынна я забуть себе для ныхъ...
Повынна я зъ грудей це серце вырвать,
Все вытруить... А дали, дали що?
Заставыты умерле знову бытысь?
На камени садыть нови квиткы?
Ой, зроду ни! Се не можлыве чудо!..

Ганна (*пидходыть*). Марусенько... чы вдача?

Маруся. Ось ключи...

Ганна (*бере*). Хвала тоби, нашъ мылосердный Боже!..
А я уже боялась и спытать,
Якъ вгледила, що ты смутна, журлыва...

Маруся. То такъ соби...

Ганна. Звычайно, скрытый страхъ...
Тривога тежъ... за блызьке, свитле щастя...
Бикъ радосты часамы плыне сумъ...
(*Маруся мовчыть*). Ты не вважай... А що жъ готова?

Маруся (*не зовсимъ розуміючы*). Я бъ то?

Ганна. Эге-жъ, чы все взяла? Або й то,—кынь
Здобутее тутъ гвалтомъ соромицькымъ...
А байданы й галеры де?

Маруся. Генъ-генъ
За ланцюгомъ, въ затоци... Вси ключи тамъ...

Ганна. Такъ до тюрьмы!

Маруся (*збентежено*). Тривайте, ще жъ Паша
Не выйихавъ зъ своимъ надворнымъ військомъ...
Якъ вырушать...

Ганна. Колы жъ то, ой, колы?
Тамъ нудятся...

Муэзинъ (*на минареті*). „Алейкумъ эль, Рамзане!"

Маруся. Вже муэзинъ завивъ...

2-й муэзинъ. „Ля илляга
Иля Аллахъ у Магометъ Расудъ!"

Ганна. О,
И тутъ, и тамъ...

Маруся. За мыть одну уси
Вже вырушать на той бикъ.

Ганна. Треба заразъ
Поглянуты,, де замкнуто ланцюгъ? (*Заходыть*)

Маруся. Я вся тремчу, думокъ зибрать не можу...
Щось давыть тутъ и стукотыть въ выскы:
Прощатыся... Стричатыся... Ой, скрута!

Муэзинъ. „Ля иль Аллахъ у Магомедъ Расуль!!"

Выхидъ. 3-й.

Маруся и Гирей.

(*Минареты осяюются одынъ, другый, третій; муэзины перекликаются. Спаги въ глубыни сцены шыкуются. Выводять пышного коня Гирею. Самъ винъ выходыть зъ палацу*).

Гирей (*до війська*). До лавъ!

Офицеръ. До лавъ! (*Військо шыкуется*)

Гирей. Батавою!

Офицеръ. Батава!

Гирей. Въ Али въ мечеть ходою! Гей, рушай!!

(*Військо вырушa, Гирей пидходыть до Маруси*).

Не хочешъ ты въ мечеть? Сёгодня-жъ свято...

Маруся. Не можу я покынуть... щось дитки
Мовъ-бы слаби... чы прыстрить то, чы зубы...

Гирей. Такъ зоставайсь, ховай васъ всихъ Аллахъ!
Безъ тебе такъ мени нудлыво йихать,

Що й свято це не въ свято... Цилу ничъ
Далеко буть... безъ квиткы, безъ перлыны,
Безъ радосты, безъ втихы всихъ утихъ.

Маруся. Що жъ станется?

Гирей. За спокій я безпеченъ,—
И ящирка не прошмыгне сюды...
А все-жъ добу ты будешъ въ самотыни.

Маруся. Доба не викъ...

Гирей. Для мене—довгый викъ...

Маруся. То не гараздъ... Людына—на хвылыну:
Жыття у насъ, якъ павутына,—вмыть
Його порвать здолае подыхъ витру...

Гирей (*збентежено бере іи за руку*). Яку сумну розмову завела...
У мене й такъ журьба чогось на серци,—
Чы пречуття, чы за тобою нудъ?
А ты ище про смерть. Хвылыны навить
Не прожыву безъ тебе... Не здригне
Оця рука порвать жыття никчемне,
Колы бъ мене хотивъ скарать Аллахъ...

Маруся (*зрушено*). О, любый мій, часъ гоить наши раны.

Гирей. Марусе?! Ты такъ думаешъ?...

Маруся. Уси
Говорять такъ...

Гирей. Та не уси такъ чують...
Зъ тобою я душею злывсь на викъ:
Порвешъ одну—порвется й друга разомъ.

Маруся. А тамъ... на тимъ (*показуе на небо*) чы будуть вкупи зновъ?

Гирей. Аллахъ злуча коханцивъ на тимъ свити...

Маруся. Такъ насъ нихто не може розлучыть...

Гирей (*цилуе*). Нихто й нищо!

Маруся (*гирко*). Отъ тилькы прыкро й смутно,
Колы въ жытти ламаются слова

И запада йидке зневирря въ душу,—
Такъ боляче!...

Гирей (*збентежено на бикъ*). Невже вона все зна?
(*До неи чуло*). Не вильни мы, моя голубко тыха,
Въ окружнимъ зли; не переробышъ всихъ...
Не зминышъ вразъ звычаивъ, обычаивъ...
Безъ видома дозорець гне свое...

Маруся. Я певна... Такъ! Тоби я хочу вирыть
Ты щырый...

Гирей. Вирь! Языкъ мій лжи не зна,
И серце се тильки тобою бьется.

Маруся. О любый мій, коханый, золотый!
Якъ я тебе люблю!

Гирей. Моя богыне!..

Маруся. Визьмы, молю, видъ мене клятьбу злу,
Пекельную, страшенну, невблагану,—
Що ни за що, ни для якыхъ потребъ,
Ни для якыхъ волань чы обовьязкивъ...
Що ни для слизъ, ни для проклёнивъ... Ни...
Ни для всёго святого... а тебе я
Не кыну тутъ, не зражу...

Гирей. Що ты, що?!
Не тямышся... зтурбована... въ тривози...
Ты щось таишъ?...

Маруся. Ничого не таю
Й не видаю ничого, прысяй-Богу...
Щобъ не простывъ мени грихивъ благый,
Щобъ проклята була я на тимъ свити,
Щобъ Пресвята, Пречыста...

Гирей. Схаменысь!

Маруся. Щобъ диточокъ я любыхъ...

Гирей. Годи, годи!
Тебе лыбонь збентежывъ сонъ страшный,
Чы око зле; я помолюсь Пророку,
А ты вблагай своихъ святыхъ: Господь

Для всихъ одынъ. Ну, зоставайсь щаслыва! (*Обнима*).

Маруся. Прощай, прощай! (*Кыдается нервово*).
Стій, ще на мыть одну!
Дай глянуты въ твои хороши очі...
Ясни, ясни... я вирю имъ!... Нема
Лукавства въ ныхъ...

Гирей. Найпаче проты тебе.

Маруся. Мій соколе! (*Обнима*).

Гирей. Ну, поцилуй дитокъ
И зоставайсь щаслыва! (*До конюхивъ*) Гей, Арапа!

(*Пидводють ему коня. Винъ сида и робыть рукою прощальный знакъ*).

Маруся (*зновъ кыдается, хапа за стремена*).
Стій, потривай! Погляну ще хоть разъ,
Щобъ на весь часъ въ души видбылысь рысы
Прекрасного та любого лыця...

Гирей. Марусенько! Та що зъ тобою, проби?
Лякаешъ ты... Чы часомъ не слаба?
Чы чуется тоби навысле лыхо?

Маруся. Ни, ни! Не те...

Гирей. Такъ заспокойсь!

Маруся. Ще разъ
Дай обниму! (*Паша цилуе*). Ну, а теперъ доволи!
Хай крые Богъ тебе видъ всякыхъ бидъ! (*Паша пойихавъ*).
Прощай навикъ, мій соколе, мій раю!
Маруси вже тоби не прыгортать,
И не почуть навикъ іи воркоты...
Охъ, занимій-же серце! Чую я,
Що вже тоби не довго трипотатысь,—
Натишылось,—ну радости й кинецъ:
Вона й злита до насъ тилькы на хвылю...
Охъ, а про те... якъ тутъ пече! Вогнемъ

Проймае скривь... неперможна мука.—
А! маты онъ... Вже блызытся кинець!!

Выхидъ 4.

Маруся и Ганна.

Ганна. Прыспала я вартового и зъ гака
Зняла ланцюгъ, и винъ шубовснувъ въ море...
Теперь скоришъ, не тратьмо мы часу...
Де видъ тырьмы тутъ ключъ?

Маруся (*показуе*) Ось, ось-де винъ.
Вы одимкнить... а я мерщій зъ збройныци
Мушкеты имъ и зброю прынесу...

Ганна. Гараздъ! Хапайсь, моя едына доне,
Украинко найщырша... О, за це
Твое имья не вмре у риднимъ краи,
А буде викъ честытысь у письняхъ! (*Пишла до тюрьмы*).

Выхидъ. 5-й.

Маруся сама.

Маруся (*по паузи*). Для неи такъ, для Украины неньки,
Охвировать повынна сердце я:
До матери любовъ йе найсвятиша,
Вси почуття схылятысь мусять ій..
Повынни.. ахъ! А часомъ сей повынъ
Такый тяжкый... видъ смерты навить тяжчый.
Симья и ридъ... отчызна, любый край,
Крещенный людъ—все кревне... але диты?
До ныхъ любовъ одъ Бога—те-жъ свята:
Якъ матери зректыся грихъ пекельный,
Такъ и дитей... О, Боже всеблагый!
Наставъ мене и выведы изъ нетривъ
На шляхъ правый... я въ немощи слаба...
Видъ мукъ тяжкыхъ зомлила серцемъ кволымъ...

Ахъ, щó чыныть? Отчызна, ридный край—
Для тебе все... Нема чого вагатысь! (*Хутко выходыть*).

Выхидъ 6-й.

Ганна, Сохронъ, Иванъ, Охримъ и друг. невольныкы. Ганна (одмыка двери въ тюрьми.)

Ганна. Хрыстосъ воскресъ! Вы вильни, мои диты,
Хапайтеся: Украина васъ жде!

Сохронъ (*выход.*). О, Господы, яка нежданна радисть!
Тебе, тебе прыславъ воскреслый Богъ!

Вси (*цилують Ганни руку*). Заступныце, рятовныце ты наша!
Хай радости воскреснуть зновъ тоби!

Андрій. Якъ насъ теперъ изъ мертвыхъ воскресыла.

Иванъ. Не стямлюсь я!

Сохронъ. Се чудо изъ чудесъ!

Ганна. Вчыныла все Маруся Богуславка,
Дочка моя, а вамъ усимъ сестра:
Ключи вона украла у Гирея
Видъ кайданивъ и видъ тюрьмы... Вона,
Якъ и була йе щыра Украинка! (*Передае ключи*).

Сохронъ. Зоря моя! Мій сонця-правды свитъ!!
И воля зновъ, и неомирне щастя!
Нежданный рай!! Стеряюсь я!!

Андрій. Трывай!
Видъ втихы? Ни!

Охримъ. Маруси Богуславци
Хвала!

Иванъ. Хвала!

Вси. Хвала и слава ввикъ!

(*Невольныкы хаплыво почынають одмыкать кайданы; де-яки терпугомъ перепылюють, а де-хто каминемъ розбыва*).

Андрій (*дывытся на ногы*). Чы ба яки, ажъ сыни видъ
зализа!..

Иванъ. Не встою, ни! (*Пробуе ходыть*)
Охримъ. Не зручно, бра, ходыть!
1-й запор. Мовъ не свои...
Андрій. А й справди...
2-й запор. Дыбкы, дыбкы!
Сохронъ. То звыклы такъ до кайданивъ...
Охримъ. Не дыво,
Звыкають же панны вси до наручень...
2-й запор. Чы до перстнивъ... воно такы й краса!
Иванъ. Та що й казать—велыке дило звычка!
Андрій. До голоду, напрыкладъ...
Охримъ. Чы й до лозъ!
1 запор. Тоби того ще закортыть и дома!
Охримъ. Ащо-жъ, колы за возомъ бигты звыкъ,
То побижышъ и за санкамы...
Вси (*сміются, тупають ногамы*). Правда!
Сохронъ. Помолымся Творцеви щыро мы,
Що зглянувся на наше бидування
И вызволывъ насъ зъ кайданивъ тяжкыхъ...

Вси (*стають навколишкы, спивають, чы промовляють*).
Тоби Хрысте, що вставъ жывымъ изъ гроба,
И смертію що смерть поправъ—хвала!
Учуй, благый, молытву нашу щыру
И ласкою до дому насъ керуй!! (*Встають*).

Выхидъ 7-й.

Ти-жъ и Маруся зъ Лесею.

(*Выносять всяку зброю*).

Маруся. Ось зброя вамъ, браты мои и друзи!
Берить іи, кому що по руци—
Одъ ворога й на ворога, ветъ за ветъ!

Вси. Хвала тоби и слава, сестро люба! (*Кыдаются и розбырають зброю*).

Леся. Усихъ покинить... гадюкъ и гадинятъ!
Все мисто вамъ до плюндрования!!

Ганна. Лесю!
Красо моя безщасна! (*Обнима*).

Леся. Мамо, я
Для помсты-но зосталась жыть на свити!
(*Ганна обнима Лесю и потиша*).

(*Невольныкы розбирають зброю, пробують, чы зручна.*)

Маруся (*стоить осторонь и не пидийма очей, мовъ прысуджена смерти*).

Сохронъ (*пидходыть до неи неришуче*).
Марусенько! мое подружжя любе,
Мій тыхий рай... невже не пизнаешъ?

Маруся (*злякано*). Сохронъ мій?! Ай!!

Сохронъ. Бачъ, якъ змининло горе...
Каликою ставъ, старцемъ.

Маруся (*сплеснула рукамы*). Боже мій!

(*Ганна щось тыхо говорыть Лесю; та бижыть до минаретивъ, вытяга зъ схову килька факеливъ, передае Ганни и де-кому; запалюе свій, збига на минаретъ и маха нымъ, радисно показуе, що запорожци вже тутъ. Дали збига и зъ юрбою кыдается въ палацъ, а Ганна въ тюрьму*).

Сохронъ. Пизнать мене неможна, але серце
У мене те жъ, якъ и було колысь,
Та жъ и душа незминна, незрадлыва...
Тебе, зорю, кохаю тилькы бильшъ,—
Розлукою кохання наболило...

Маруся (*до себе*). Не стямлюсь я... холоне въ жылахъ кровъ
И на вустахъ ниміе слово...

Сохронъ (*пидходыть*). Рыбко!
Ты вся тремтышъ, немовъ моровыть страхъ...
Зи мною ты не прывиталась навить?..

Маруся. Негаданне... спитканвя... пдывъ... жаль...
Все врушыло...

Сохронъ. И тилькы подывъ?!

Маруся. Друже,
Я рада страхъ, що ты жывый зоставсь,
На славоньку... Украйни бидній щастя...

(*Черезъ кинъ прокрадается килька козакивъ то сюды, то туды, зъ факеламы, ножамы, а дали стае тыхо, и Маруся зъ Сохрономъ сами*).

Сохронъ. Украини!

Маруся. Украйни и мени...
Бо я тебе, якъ лыцаря, якъ брата...
Я рада (*простяга рукы*)

Сохронъ (*бере ихъ*). Охъ, не радуются такъ...
Намъ Богъ веливъ и инакъ прывитатысь:
Стоялы мы на рушныку святимъ,
Предъ Господомъ въ коханни прысягалысь...
И злучени святымъ кильцемъ навикъ...
Ось перстинь той, завьязаный въ сорочку,—
Якъ святощи ёго ховаю я,
Зъ клейнодомъ цымъ до смерти не розстанусь...
А де жъ то твій?

Маруся. Пограбылы мое...
Це все чуже... якъ у рабыни...

Сохронъ (*рвавувъ себе за чупрыну*). Доле,
Яка жъ ты зла! У пекли бувъ мій рай...
Але душа твоя зосталась вильна,—
Скаличыты нихто іи не змигъ?..
И серденько все жъ наше, ридне...

Маруся. Друже!
Душа все та жъ, а серце—мертвый струпъ:
Видъ мукъ страшныхъ зотлила я...

Сохронъ. Голубко!
Мыне бида—и ожывешъ...

Маруся. Ой, ни!
Не ожывать вже мертвому до суду...
Сохроне мій, не та вже я, не та!
Убыта вже Маруся Богуславка,
А це стоить потвора...

Сохронъ. Не вражай!
Для мене ты та жъ сама, якъ и перше,
Ще бильшъ лыбонь тебе кохаю я,
Моя красо, мій квите!

Маруся (*лама рукы*). Боже мылый!
Поглянь, пожальсь!! Для чого, брате мій,
Не выкынувъ ты зъ серця тіи бранкы,
Що згынула въ Турещыни? На що
Ты въ памьяти державъ мене ажъ доси?
Часъ гоить же вси вразы и стыра
Вси спогады, вси почування наши...

Сохронъ. Марусенько!!

Маруся. Охъ клята, клята я!
Не можу вже я серцемъ видизватысь—
Нема ёго!.. Забудь мене, забудь!!
Не можу я твоею, друже, буты...
Не можу, вирь... не стою я тебе...
Ганеба брать таку соби въ подружжя:
Я у паши рабынею була,
Коханкою...

Сохронъ. О, ыродъ! Звирь несытый!!
Нетреба, цыть!.. То бувъ нелюдськый гвалтъ...
Про ёго я не хочу й знаты: кривью
Ворожою я змыю ту ганьбу...
Але тебе... ты неповынна въ тому...
Такая жъ ты, якъ и була...

Маруся. Ой ни!
Я видъ паши двохъ дитокъ маю...

Сохронъ. Пекло!
Ай, якъ пече! Пьять литъ скорботъ страшныхъ
И катувань немылосердныхъ, лютыхъ—
И все те знисъ... Для чого, Боже мій?—
Щобъ скоштувать ище такои мукы,
Якои, вирь, и въ пекли не бува!!

Маруся. Покынь мене, забудь и залышы...

Сохронъ. Що Богъ зъеднавъ, того не розъеднаты...

Маруся. Ой, горенько! На-що тоби така?
Визьмы другу, хорошу, чесну дивку,—
Въ Украини багато е квитокъ,
И кожна зъ ныхъ вважатыме за щастя...

Сохронъ. Не треба ихъ! Це серце нависнѐ
Не минытся; кого вже покохало,
То й до труны кохатыме... Хочъ бый,
Хочъ рвы ёго на шмаття, хочъ заливомъ
Проймы наскрізь, хочъ вугиллямъ печы,—
До другои воно не затрипоче...
Не зминытся, якъ гадына...

Маруся (*гирко*) Якъ я?!
За те, що я дитей своихъ кохаю,
Що въ пелюшкахъ не задавыла ихъ?!

Сохронъ. Пробачъ мени, просты за прыкре слово:
У печинкахъ то запеклася кровъ
И мукою страшенною озвалась...
Пробачъ, погляньсь... покынь отыхъ щенятъ,—
То гвалту слидъ... Що жъ проты сылы вдіешъ?
Ты горлыця, яка була й колысь,
Ты якъ крышталь и чыста, и прозора,
За першый снигъ билиша серцемъ ты...
Клянусь тоби, я розмечу сей мозокъ,
Колы винъ що, хочъ пôтай, спогада.
Шисть зôйшлыхъ литъ мынулы геть безъ слиду,—
Ихъ не було... ихъ зъ памьяты зитру...
Учора мы зъ тобою обручылысь...

Учора, вирь... Малжонка ты моя!..
Покынь... турчатъ, и все мынуле згыне!..

Маруся. Дитей своихъ? Свою бъ то душу й кровъ?
Та швыдче я зъ грудей це серце вырву!
Ты правышъ те, на що не пиде й звирь.
Не видаешъ, що матиръ чуе въ дитяхъ?
Въ ныхъ все жыття, вси думы, вси гадкы,
Вси матерни найкращи порывання,
Утихы вси, и радощи земни,
И пáмьятка перéбутого щастя...

Сохронъ (*хапа іи за руку*).
Такъ щастя? А?! Зазнала, значыть, втихъ?
Учадила видъ пестощивъ... зъ коханцемъ?
Мене жъ... ха, ха!.. забула? Продала
И честь свою, и гоноръ мій, и Бога,
И вси клятьбы́ невири зъ-за роскошъ?
Змія! Убыть!! (*Добува запоясныка*).

Маруся (*розпахуе одижъ*). Проймы це серце нáскризь,
Нехай воно заклякне у крови!
О, буде то мени рятунокъ въ скрути!

Сохронъ (*кыда нижъ*). Кинець всёму! Тутъ пустка! (*На перса*).

Маруся (*по паузи*). О, просты!
Богъ попустывъ, чы сатана пиднадывъ...
Я не змогла перебороть жагы,
Яка мене зненацька охопыла:
Чы чарамы це серце понялось,
Чы хто наддавъ мени отруты-зилля,
Чы нашептавъ...—не видаю,... а вмыть
Вогнемъ занявсь мій мозокъ... кровъ збуяла!
Любыла першъ, якъ друга, я тебе,
Якъ лыцаря, якъ брата... а кохання
Ище тоди не видала цилкомъ;
Але воно озвалось самовладно
И всю мене спалыло на нивѐць!

Сохронъ. И ты забуть невиры не здолаешъ?
(*важко дыше*). Дитей... турчатъ покынуть...
Маруся (*сплеснула рукамы*). Боже, ни!
Надъ сылу то, надъ сылу!
Сохронъ. А! такъ годи жъ!
(*Добуває шаблю*). Поквитовать зъ нымъ горе!
Маруся (*кынувшысь уздрила, що палацъ горыть; хапа Сохрона за руку*).
Ай! Рятуй!!
Горыть палацъ... изъ виконъ дымъ и пломины!
Ой, диты тамъ! (*Біжыть*]. На Бога! Проби!

(*Кыдается въ двери; але воны затасовани и горять; пробуе марно влизты въ викно*).

Сохронъ (*спочатку остовпивъ, але заразъ до Маруси*).
Стій!
Погынешъ вразъ!.. Я вырятую диты...
Ище тоби въ останнье послужу
Своимъ жыттямъ огыдлымъ!

Выхидъ 8-й.

Ти-жъ и Ганна.

Ганна (*перебига кинъ*). Помсты! помсты!
Сохронъ. Гей матинко! Марусю стережить,
(*держучы Марусю*). Не выпустить, бо кынется у пломинь...
А я мерщій... (*Вскакуе въ двери, що горять*).
Маруся (*пручается*). Пустить!.. Ой, нене... тамъ
Въ вогни... въ дыму... мои кохани диты...
Мое жыття!.. Крычать... мене зовуть...
Ганна (*держыть*). И ты для ныхъ... для тыхъ байстрятъ на згубу
Дружыну ще послала? О звиря!
Зламала все, збрудныла честь жиночу...
И зрадыла дружыну, виру, край...

Маруся. Ой, леле, ни! Украину люблю я...
Але-жъ и ихъ, моихъ дитокъ, люблю...
Не можу ихъ покынуть! Мамо, мамо!
Ты жъ видаешъ любовъ оту й сама!
Ганна. Покынь ихъ тутъ...
Маруся (*рвется*). Пустить! Пустить на Бога!
Ганна. Не вырвешся!.. (*Удержуе*).

Вихидъ 9-й.

Ти жъ и Леся зъ невольныками.

Леся (*выбига зъ факеломъ*).
До помсты, гей! Плюндруйте! Мисто ваше!
Ганна (*до ныхъ*). За соромъ, глумъ, замученый нашъ край!
Щобъ тямылысь!!
Леся. За мною, браття мыли!

(*Вси зъ гыкомъ забигають. Чуты за кономъ гвалтъ, лементъ; тюрьма, мечети горять. Жарке зарево обійма весь кинъ*).

Выхидъ 10-й.

Ганна, Маруся, а потимъ Сохронъ.

(*Въ палаци щосъ рухнуло. Полумья языкамы выбуха зъ виконъ. Почувся крыкъ*).

Маруся (*божевильно*). Пустить!.. Горять... и я до ныхъ.
Ганна (*не пуска*). Ни, ни!
Маруся (*бьется*). Пожальтеся!.. Вже кучери шовкови
Понявъ огонь... До мене рученькы
Тамъ въ лементи нещасни простягають.
(*Рвется*). Ой, проби, ой!! (*Гризно*). Не маты вы!!! (*Вырывается*).
Ганна. (*зрушена, кыдается*). Ни, стій,
Мое дытя! Я, я пиду... я—маты!!

Сохронъ (*показуется зъ дитьмы на рукахъ у дверихъ*).
Жыви диткы!... Визьмы ихъ! (*Ставыть*).

Маруся (*кыдается навколишкы, обнима ногы Сохрону. Диты тремтять*). Боже мій! (*Прыпада до дитей. Лементъ и гвалтъ мовъ виддаляются*).
Ты... ты? Мени? Що зрадыла?... Не можу...
Розирвется вже серце... О, мои
Любесеньки, мылесеньки... хороши!
(*Обнима, прыгорта*).

Ганна. Невже й теперъ за вчынокъ сей святый
Не кынешъ ихъ?

Маруся. Ой, леле! Мамо! Друже!
Воны зрослысь зъ цымъ серцемъ нависнымъ...
Для матери вси диты ривни, люби...
Я грихъ тяжкый терпила за-для ныхъ,
Пидъ серцемъ ихъ носыла... Муку, соромъ...
Все вынесла—за усмихъ дорогый:
Въ ихъ очихъ—рай, въ ихъ голоскахъ—музыка,
Въ орлятахъ цыхъ—вси радощи мои!
О зирочкы, о мои ясни квиты,
Якъ васъ люблю!

Ганна. Такъ ты лышышся тутъ?
И лыцаря—дружыну зацураешъ,
Та ще яку дружыну?!

Маруся. Боже, ни!
Мое жыття... и серце недобыте...
И вся душа ёго—за ныхъ, за ныхъ!

Сохронъ. Марусенько! Чы-жъ переможешъ мукы?
Безвынна ты... То доля нависна
Оповыла въ таке насъ горе...

Маруся (*простяга руку*). Друже!

Сохронъ (*палко*). Не можу я и вирыть у той рай...
Охъ, а колы-бъ...—усе, усе забуду...
Ихъ полюблю... себе переборю...
(*Ришуче*). Беры дитей!

Маруся (*кыдается*). Мій любый!
Ганна (*зупыня строго*). Зглянься, доню!
Навищо намъ сей пбквилъ, глумъ и грихъ?
Невже ёму (*на Сохрона*) виддачышъ такъ жорстоко?
Кохае-жъ винъ... Образа въ ныхъ...
Маруся (*стерянно*). Охъ, такъ!
А я... Ой, що-жъ?... Я все зроблю... я мушу...
Ганна. Та й имъ, диткáмъ, тутъ краще у паши.
Сохронъ. Хай визьме ихъ... Хай украинци будуть
И ворогы напастныкамъ!
Маруся (*бореться зъ собою*). Ой, ни!...
Не слидъ... воны... Охъ, маты правду кажуть...
Такъ я сама... Ой, диточкы мои! (*Обнима*)
Прощайте! Я... (*прыпада*) васъ бильше не побачу! (*Прыгорта*).
(*Встае, хытается*) Теперъ—твоя! (*Млiючы трохы не впала*).
Сохронъ (*пидхоплюе, держыть*). Моя! Моя! Моя!!

Выхидъ 11.

Невольныкы.

Андрій. Все скризь пала, добро вже на „байдарахъ".
Сохронъ. На байдакы! Додому!!
Леся. Слава всимъ!
(*Вси вырушають до моря*).
Ганна (*Маруси*). Ну, поспишай!
Сохронъ. Вона слаба, зомлила...
Я на рукахъ... (*Хоче взять*)
Маруся (*прочумалась, жахнулась*). Ой, проби! Дайте разъ...
Хочъ разъ одынъ... останній... прыголубыть
Моихъ дитокъ! (*Кыдается до ныхъ*)
Мои, мои! (*Прыгорта*)

Диты (*ввесь часъ тремтилы перелякани*). Ой, мамо!
Не кыдай насъ!
Маруся (*не пры соби*). Хай васъ Господь...
Ганна (*одрыва іи видъ дитей*). Хапайсь!
Голосъ Охрима. Отамане, хутчій, бо чуты голосъ:
Гирей наша лыбонь то поспиша!
Маруся. Ой, диты... винъ! (*Іи майже тягнуть*)
Сохронъ (*одгукуе*). Рушайте вси! Я заразъ!
Я понесу іи мерщій!
Маруся (*вырываетося*). Ни, ни!
Нема снагы... немае въ мене сылы!
Розшарпани—и серце и жыття!
Не можу дать тоби я щастя, втихы:
Тутъ диточкы... тутъ батько любый ихъ...
Тамъ маты, людъ, дружына, край коханый...
Яка-жъ мени порада, друже мій?
Одна нудьга, одынъ проклёнъ и горе!
(*Тне себе кынджаломъ*).
Сохронъ. Марусю! (*До неи, пиддержуе*).
Ганна. Ай!
Маруся (*умыраючы*). Не проклянить мене!...
И ихъ... и ихъ!... (*Вытягуется*).
Сохронъ (*кладе іи; самъ стоить каминемъ*).
Умерла! Боже!
Ганна (*прыпада зъ рыданнямъ*). Доню!
Дытя мое! Моя нещасна кровъ!
(*Пауза. Чуты, якъ одчалюють чайкы*). *Тыхый покрыкъ*: „*На весла! Разомъ! Наляжъ!!*"
(*Полумья розжеврюе. Минареты займаются*).
Сохронъ (*падае передъ трупомъ на колина*).
Просты мене!.. Я тежъ твоимъ бувъ катомъ...
Не перемигсь... и квитоньку скосывъ...
Не проклынай! (*Зъ слёзамы*). Яка блида, хороша...
Мольба іи застыгла на выду,
А рученьки безвладни... (*Ришуче*) Мамо, мамо!

Берить дитей: душа іи у ныхъ...
А я—цей скарбъ... (*Пиднима трупъ*) (*Ганна прыгорта дитей*). О мій пидбытый квите!
Клянусь ховать твій заповитъ по викъ,
Твоихъ дитей любыть, якъ найриднишыхъ,
Украйни й йимъ—виддаты все жыття!!

(*Палацъ и тюрьма валются въ огни. Навдали розлягается гукъ гарматъ*).

Зависа хутко спада.

М. Старицкій.

Къ исторіи торговли кольцами Св. Варвары въ Кіевѣ.

Рѣдкій изъ бомогольцевъ, тысячами приходящихъ въ Кіевъ на поклоненіе мѣстнымъ святителямъ, не унесетъ на память колечка отъ мощей св. великомученицы Варвары. Такъ дѣлается теперь, такъ бывало и въ старину. Съ какихъ именно поръ возникъ этотъ обычай—нѣтъ точныхъ указаній. Одно лишь извѣстно, что съ давнихъ поръ кіевскіе мѣщане, ремесленники золотарскаго цеха, изготовляли такія колечки, съ именемъ великомученицы, и продавали ихъ мѣстнымъ торговцамъ для перепродажи богомольцамъ. Вѣроятно, этотъ мѣстный промыселъ породилъ и самый обычай, сразу понравившійся благочестивымъ паломникамъ. Такіе перстни, какъ и теперь, продавались повсюду, въ лавкахъ и на площадяхъ, и затѣмъ непремѣнно приносились въ Михайловскій монастырь для освященія при гробѣ великомученицы. Но въ концѣ 1830-хъ годовъ монастырское начальство хотѣло монополизировать эту торговлю и возбудило вопросъ о незаконности изготовленія такихъ перстней частными мастерами. Это породило небезъинтересную переписку, сущность которой мы и передаемъ въ настоящей статьѣ.

Въ сентябрѣ 1837 года въ Кіевѣ проживалъ нѣкоторое время командированный сюда по дѣламъ службы штабсъ-капитанъ черноморскаго флота Скандраковъ. Передъ отъѣздомъ онъ

посѣтилъ Лавру, пещеры и другія св. мѣста, купилъ на память, для подарковъ роднымъ и знакомымъ, 37 штукъ серебряныхъ перстней съ надписью „св. великомученицы Варвары“ и отослалъ ихъ съ унтеръ-офицеромъ въ Михайловскій монастырь для освященія, согласно обычаю, при гробѣ великомученицы. По совершеніи обряда, подошелъ о. намѣстникъ и, узнавъ, что перстни куплены въ частной, а не въ монастырской лавкѣ, арестовалъ ихъ, „какъ запрещенный для вольной продажи товаръ“, и потребовалъ указать ту лавку, гдѣ они были пріобрѣтены. Узнавъ о случившемся, офицеръ Скандраковъ заѣхалъ въ лавку купца Ивана Козловскаго, на Печерскѣ, получилъ отъ него расписку въ продажѣ перстней и отправился въ Михайловскій монастырь. Здѣсь ему пришлось объясняться съ самимъ настоятелемъ, преосвященнымъ Иннокентіемъ (Борисовымъ), епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ кіевской митрополіи; у него же онъ засталъ и частнаго пристава. На вопросъ Скандракова—на какомъ основаніи арестованы присланные имъ въ монастырь для освященія перстни?—преосвященный отвѣтилъ: „на томъ основаніи, что оные безъ пробы и что никто изъ вольнопромышленниковъ по закону не имѣетъ права продавать таковые, кромѣ монастыря“. Напрасно Скандраковъ приводилъ соображеніе, что, какъ ему извѣстно, по закону „проба на вещахъ, имѣющихъ вѣсу менѣе золотника, не выставляется“; преосвященный объявилъ рѣшительно, что не можетъ ему возвратить колецъ, а представитъ ихъ къ гражданскому губернатору и будетъ просить его взыскать съ продавца по законамъ“.

Въ то время должность кіевскаго гражданскаго губернатора не была замѣщена и его обязанности исполнялъ вице-губернаторъ Я. И. Пенкинъ. Къ нему обратился Скандраковъ съ просьбою вывести его изъ затруднительнаго положенія, что ему-де необходимо отправляться на мѣсто службы, въ Николаевъ, а онъ не можетъ получить обратно своихъ перстней, за которые заплатилъ 47 рублей ассигнаціями. Пенкинъ успокоилъ его обѣщаніемъ, что, по разсмотрѣніи дѣла, ему будутъ высланы или самые перстни, или же взысканныя съ виновнаго въ незаконной

ихъ продажѣ деньги. Такъ и уѣхалъ Скандраковъ изъ Кіева безъ заготовленныхъ гостинцевъ.

Все это происходило въ среднихъ числахъ сентября, и лишь 27 октября преосвященный Иннокентій прислалъ вице-губернатору слѣдующее письмо:

„Ваше превосходительство, милостивый государь Яковъ Ивановичъ! Правленіе Михайловскаго монастыря донесло мнѣ, что съ нѣкотораго времени начали быть приносимы богомольцами къ гробу великомученицы Варвары кольца съ надписью отъ ея имени, продаваемыя въ нѣкоторыхъ лавкахъ кіевскихъ, вслѣдствіе чего и велѣно было мною намѣстнику Михайловскаго монастыря сдѣлать надлежащія разысканія. Между тѣмъ недавно представлено гробовому при мощахъ великомученицы іеромонаху пріѣзжимъ богомольцемъ штабсъ-капитаномъ Скандраковымъ вдругъ 37 колецъ, купленныхъ имъ въ лавкѣ купца Козловскаго, на что имѣется и расписка отъ приказчика сего купца. Въ то же время посланный отъ монастырскаго правленія іеромонахъ купилъ въ этой лавкѣ еще 5 колецъ. Доводя о семъ до свѣдѣнія вашего пр—ства и препровождая для соображенія сего дѣла удержанныя въ монастырѣ безпробныя кольца и расписку приказчика, ихъ продавшаго, я покорнѣйше прошу ваше пр—ство приказать, кому слѣдуетъ, обратить вниманіе на столь явное злоупотребленіе священными вещами, воспретивъ чрезъ полицію купцамъ оное, и виновныхъ въ нарушеніи церковной собственности предать надлежащему суду и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ“.

Пенкинъ немедленно передалъ это письмо и перстни въ Кіевское губернское правленіе съ порученіемъ: „по соображеніи съ правилами о торговой промышленности и другими узаконеніями, настоящему случаю приличными, учинить немедленнно постановленіе“. Но не легко было исполнить это порученіе. Губернское правленіе перерыло весь Сводъ Законовъ и отыскало лишь слѣдующія „приличныя настоящему случаю“, постановленія: а) т. 2-го, ст. 882, 892 и 893, по которымъ наблюденіе за точнымъ исполненіемъ въ городѣ всѣхъ правилъ, по торговлѣ установлен-

ныхъ, принадлежитъ городской думѣ; б) того же тома ст. 461, гласящую, что никто не можетъ дѣлать золотыхъ и серебряныхъ вещей, не бывъ цеховымъ мастеромъ и не представивъ по себѣ поручной записи въ исполненіи правилъ своего мастерства, и в) ст. 462, по которой серебро во всѣхъ издѣліяхъ должно быть 84, и золото 72 пробы, и ст. 463, обязывающую мастеровъ представлять золотыя и серебряныя издѣлія въ учрежденныя правительствомъ пробирныя палатки для наложенія пробы и проч. На основаніи всѣхъ этихъ статей губ. правленіе учинило слѣдующее постановленіе: а) Полученныя отъ преосвященнаго Иннокентія кольца препроводить въ кіевскую градскую полицію и предписать ей, при бытности члена магистрата, открыть какъ мастера оныхъ колецъ, такъ и то: имѣетъ ли онъ право производить серебряныя издѣлія и почему не исполняетъ существующихъ правилъ относительно пробированія и клейменія издѣлій, и по какому поводу купецъ Козловскій имѣетъ въ лавкѣ безпробныя кольца и производитъ ими торговлю; б) велѣть полиціи при членѣ отъ городской думы, освидѣтельствовать означенныя кольца чрезъ пробирмейстера и, буде не встрѣтится какихъ-либо препятствій, означить на нихъ пробу, а между тѣмъ думѣ и полиціи принять строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всѣхъ правилъ, на счетъ торговли установленныхъ; и в) „отъ лица г. исправляющаго должность гражданскаго губернатора, отнестись къ преосвященному Иннокентію съ тѣмъ, что, какъ препровожденныя имъ кольца, ни до освященія ихъ, ни по освященіи, не бывъ жертвуемы въ пользу монастырской церкви, не могутъ почитаться собственностью оной, а составляютъ собственность частнаго лица, предъявившаго оныя кольца только для освященія, то и просить отъ его преосвященства увѣдомленія: на какомъ основаніи продажа тѣхъ колецъ почитается имъ нарушеніемъ церковной собственности? ибо губернское правленіе не имѣетъ въ виду на сей предметъ закона“.

Получивъ этотъ запросъ, епископъ Иннокентій далъ и. д. губернатора Пенкину такой отвѣтъ: „Правленіе Михайловскаго монастыря, представивъ мнѣ отобранныя имъ кольца съ надписью

великомученицы Варвары, отнюдь не имѣло въ виду обратить ихъ въ свою собственность, а представило ихъ единственно по двумъ причинамъ: 1) что на нихъ нѣтъ никакой пробы, что строго запрещено законами, и 2) что на нихъ изображено имя великомученицы Варвары, что не дозволено дѣлать никакому мастеру никакимъ закономъ. Таковыя кольца только подносятся Высочайшимъ особамъ и даются другимъ желающимъ бомогольцамъ отъ гроба великомученицы на благословеніе. Посему монастырь Михайловскій нисколько не хочетъ стѣснять торговли кольцами, а только покорнѣйше проситъ васъ запретить означать на кольцахъ имя великомученицы Варвары, что съ торговлею вовсе не соединено и противно самому понятію о предметахъ священныхъ".

Губернское правленіе, не дѣлая уже справокъ съ законами, а только, по канцелярскому обычаю того времени, безъ всякой нужды изложивъ со всѣми подробностями все дѣло, съ самаго начала, учинило дополнительное постановленіе: „Какъ, за изъясненнымъ отзывомъ епископа Иннокентія, къ отдачѣ препровожденныхъ имъ 37-ми колецъ купившему оныя штабсъ-капитану Скандракову не встрѣчается препятствія, то предписать полиціи, дабы она, по учиненіи предписаннаго освидѣтельствованія колецъ и означенія на нихъ пробы, буде затѣмъ не встрѣтится какихъ-либо особыхъ препятствій, возвратила оныя немедленно въ правленіе и о томъ, равно и объ исполненіи въ прочихъ статьяхъ даннаго ей предписанія, донесла рапортомъ; а между тѣмъ поставить въ обязанность полиціи воспретить мастерамъ и торговцамъ означать на кольцахъ имя великомученицы Варвары и имѣть за симъ неупустительное наблюденіе, о чемъ и городской думѣ подтвердить указомъ".

Минулъ мѣсяцъ, а полиція и не думала рапортовать объ исполненіи прежняго указа губ. правленія относительно злополучныхъ колецъ. Понадобился нарочитый губернаторскій нагоняй, и лишь тогда послѣдовалъ рапортъ, что указъ не исполненъ по винѣ городской думы, которая никакъ не надумается назначить депутата для производства предписаннаго слѣдствія.

Послали и ей нагоняй,—и только въ концѣ декабря въ городской полиціи, въ присутствіи гласнаго думы Николая Балабухи (который, по старой памяти, титулуется еще „ратманомъ городового магистрата“) состоялась экспертиза арестованныхъ перстней, при чемъ правящій должность пробирера кіевской пробирной палатки унтершихтмейстеръ Хотецкій далъ заключеніе, что они сдѣланы изъ серебра 84 пробы и что пробировать ихъ нѣтъ законнаго основанія, такъ какъ Высочайшимъ указомъ 30 августа 1829 г. мелкія золотыя и серебряныя издѣлія, вѣсящія менѣе двухъ золотниковъ, освобождены отъ пробирнаго клейменія; точно также, въ виду прописаннаго указа, нѣтъ основанія воспрещать выдѣлку и продажу перстней только потому, что на нихъ означено имя великомученицы Варвары, „ибо и самый Михайловскій монастырь покупаетъ кольца съ этою же надписью у мѣстныхъ мастеровъ, которые продаютъ ихъ и другимъ людямъ“.

Послѣ этого авторитетнаго разъясненія, со ссылкою на законъ, найболѣе „приличный“ къ данному случаю, но почему-то выпущенный изъ виду губ. правленіемъ, казалось, не было уже никакой надобности привлекать къ слѣдствію купца Козловскаго и при его содѣйствіи „открывать мастера“, изготовившаго злополучныя кольца; но такъ какъ губ. правленіе не отмѣнило своего прежняго постановленія, то полиція—правда, не скоро, лишь въ маѣ 1838 года—подвергла купеческаго сына Ив. Козловскаго допросу, и онъ показалъ, что, торгуя разными галантерейными, золотыми и серебряными товарами, имѣетъ въ своей лавкѣ и кольца св. Варвары и продаетъ ихъ „по обыкновенному купеческому праву“ желающимъ. Такимъ образомъ въ сентябрѣ 1837 г. онъ продалъ неизвѣстному офицеру такихъ колецъ до сорока штукъ: тогда же и іеромонахъ Михайловскаго монастыря Серафимъ взялъ у него 5 штукъ этихъ же колецъ подъ видомъ покупки, но слѣдуемыя деньги и до сихъ поръ ему не уплачены; самыя же кольца онъ покупаетъ у мастера, кіевскаго мѣщанина Сергѣя Анастасіенка. О томъ же, что колецъ съ именемъ св. Варвары продавать не дозволяется, онъ,

Козловскій, доселѣ не зналъ и таковой продажи ему никто не запрещалъ, а „публика и теперь ежечасно такія кольца у него въ лавкѣ спрашиваетъ".

Допрошенъ былъ и мѣщанинъ Анастасіенко, живущій на Подолѣ, и показалъ, что, занимаясь съ надлежащаго разрѣшенія выдѣлкою разныхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, онъ дѣлаетъ и кольца съ именемъ св. Варвары и продаетъ желающимъ, получая металлъ, по установленному порядку, изъ пробирной палатки, гдѣ ему объяснили, что, въ виду малозначительнаго вѣса этихъ колецъ, пробу выставлять на нихъ не слѣдуетъ. О томъ же, что колецъ съ именемъ св. Варвары выдѣлывать не можно, ни отъ кого предупреждаемъ онъ не былъ, да и отъ пробирмейстера о томъ не было ему сказываемо.

Этимъ и было закончено слѣдствіе. Получивъ о немъ донесеніе, губ. правленіе постановило: дѣло счесть оконченнымъ и сдать въ архивъ, а кольца выслать начальнику штаба черноморскаго флота для врученія собственнику, штабсъ-капитану Скандракову, возложивъ на него издержки по пересылкѣ въ суммѣ 4 р. 70 коп. Когда въ январѣ слѣдующаго 1839 года кольца эти прибыли наконецъ въ Николаевъ и вручены штабсъ-капитану Скандракову, то послѣдній рѣшительно отказался платить израсходованные на ихъ пересылку 4 р. 80 коп., а въ обсненіе своего отказа подалъ своему командиру слѣдующій рапортъ: „Какъ таковыя кольца удержаны были у меня настоятелемъ Кіево-Михайловскаго монастыря несправедливо, о чемъ я ему тогда же объявлялъ, что пробы на вещахъ, менѣе золотника вѣсу имѣющихъ, не выставляются, и представивъ расписку, взятую мною отъ купца, у котораго они были куплены, просилъ лично епископа Иннокентія о возвращеніи мнѣ оныхъ колецъ потому болѣе, что они уже были освящены въ Михайловскомъ монастырѣ; но онъ мнѣ объявилъ при частномъ приставѣ, что не можетъ возвратить, по причинѣ, что оныя безъ пробы и никто не имѣетъ права продавать таковыя, кромѣ собора, а представитъ ихъ къ гражданскому губернатору для взысканія съ продавшаго мнѣ оныя кольца по законамъ; нынѣ же по слѣдствію, произ-

веденному въ кіевскомъ губ. правленіи, оказалось, что продажа таковыхъ колецъ не воспрещается и пробы на оныхъ выставлять не должно: то и пересылочныя деньги должны быть взысканы съ того, кто оказался по сему дѣлу виновнымъ. Поэтому уплаты въ пользу почты за пересылку денегъ 4 р. 80 коп. я на себя не принимаю, тѣмъ болѣе, что чрезъ задержаніе оныхъ колецъ я понесъ уже убытку болѣе 50 рублей. О чемъ пріемлю честь просить сдѣлать съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніе".

Флотское начальство, видимо раздѣлявшее соображенія своего офицера, препроводило его подлинный рапортъ въ кіевское губ. правленіе, а это послѣднее, снова выписавъ въ докладѣ всѣ подробности даннаго дѣла, съ самаго начала, постановило: „поелику штабсъ-капитанъ Скандраковъ отъ платежа пересылочныхъ денегъ отказался, почитая себя къ тому необязаннымъ и отзываясь, что взысканіе оныхъ денегъ должно относиться къ тому, кто причиненъ въ отобраніи и удержаніи его собственности; отобраны же отъ него кольца въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ: посему губ. правленіе, признавая съ своей стороны таковой отзывъ Скандракова справедливымъ и пріемля во вниманіе, что не имѣется въ виду закона, воспрещающаго частнымъ лицамъ дѣлать кольца съ надписью имени св. великомученицы Варвары или другихъ святыхъ, полагаетъ: отъ имени начальника губерніи отнестись къ преосвященному Иннокентію и просить его распоряженія о взысканіи помянутыхъ 4 р. 80 коп. съ виновнаго въ неправильномъ арестованіи тѣхъ колецъ у штабсъ-капитана Скандракова, присовокупивъ къ тому свѣдѣніе, что таковыя кольца, по силѣ указа 1829 года, могутъ быть дѣлаемы и продаваемы безъ пробы, какъ имѣющія въ себѣ вѣсу менѣе золотника".

Преосвященный Иннокентій ничего не отвѣтилъ на это отношеніе, можетъ быть потому, что въ 1841 году состоялся его переводъ на епископскую каѳедру въ Харьковъ. Въ мартѣ слѣдующаго 1842 года кіевскій губернаторъ И. И. Фундуклей писалъ о томъ же преемнику Иннокентія, преосвященному Іереміи, епископу чигиринскому, отъ котораго былъ полученъ отвѣтъ:

„Такъ какъ въ дѣлахъ управляемаго мною Кіево-Михайловскаго монастыря никакого свѣдѣнія не оказалось объ арестованіи колецъ у штабсъ-капитана Скандракова, а въ монастырѣ, за перемѣною людей, никого нѣтъ теперь, кто бы хотя извѣстенъ былъ о семъ обстоятельствѣ, то требуемые вашимъ превосходительствомъ 4 р. 80 коп. ассигнаціями, составляющіе на серебро 1 р. 37 коп., по распоряженію моему взяты изъ экономическихъ монастырскихъ суммъ и вмѣстѣ съ симъ отосланы въ кіевское губ. правленіе“.

Тѣмъ и закончилась пятилѣтняя переписка о кольцахъ.

Л. Орельскій.

Взглядъ на ремесло палача въ старой Малороссіи.

Старинное южнорусское законодательство (Лит. Статутъ, Магдеб. право въ разныхъ его кодексахъ) по многимъ преступленіямъ опредѣляло смертную казнь, но такіе приговоры рѣдко приводились въ исполненіе по двумъ причинамъ: во первыхъ, осужденный почти всегда могъ заключить мировую съ потерпѣвшими отъ его преступленія, вознаградивъ ихъ матеріально (напримѣръ, за убійство заплативъ „головщину" родственникамъ убитаго), и такая сдѣлка, заявленная суду, обращала въ ничто судебный приговоръ; во вторыхъ, не всегда можно было найти лицо, которое взялось бы привести смертный приговоръ въ исполненіе. Въ настоящей замѣткѣ остановимся лишь на послѣдней причинѣ, столь характерной для минувшей эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, южнорусское общество XVI—XVIII в. далеко не отличалось утонченностью нравовъ; человѣческая жизнь—и своя и чужая—цѣнилась не дорого; человѣческая кровь на войнѣ, въ поединкѣ, въ буйномъ наѣздѣ и даже въ пріятельской пирушкѣ—изобильно проливались на каждомъ шагу; а между тѣмъ всеобщее отвращеніе къ роли палача было такъ велико, что нерѣдко смертные приговоры оставались безъ исполненія за невозможностью найти исполнителя. Хотя Лит. Статутъ (арт. 5, розд. 11) предписывалъ гродскимъ урядамъ держать „мистра, т. е. ката для каранья злочинцевъ", но въ южнорусскихъ областяхъ ни при одномъ гродскомъ (а тѣмъ болѣе земскомъ) судѣ такой долж-

ности никогда не существовало, и когда этимъ судамъ приходилось произносить смертные приговоры, то они отсылали ихъ, вмѣстѣ съ осужденными, для исполненія въ мѣстный магистратъ; если же таковаго въ данномъ городѣ не существовало, то лицамъ, заинтересованнымъ въ приведеніи приговора въ исполненіе, предоставлялось самимъ искать и приглашать палача, равно и вознаградить его за работу. Но и при магистратскихъ урядахъ должность „ката“ сплошь и рядомъ оказывалась вакантной, за неимѣніемъ охотниковъ занять ее, и въ случаѣ нужды въ палачѣ члены даннаго магистрата должны были ѣздить по другимъ городамъ и униженно просить о временномъ его одолженіи. Вотъ нѣсколько характерныхъ фактовъ такого рода. Въ г. Чортковѣ (въ нынѣшней Галиціи) въ 1703 г. былъ обокраденъ костелъ. Преступникъ былъ отысканъ и присужденъ къ отсѣченію рукъ и головы. Но въ городѣ не было палача. Стали искать его—и оказалось, что только въ Каменцѣ есть такой мастеръ. Но магистратъ Каменецкій опасался отпустить столь драгоцѣннаго служителя, боясь, какъ-бы чортковцы не сманили его совсѣмъ. И вотъ, послѣ долгихъ переговоровъ, пришли къ такому соглашенію: Каменецкій магистратъ согласился „занять“ на время Чортковскому магистрату своего „мистра“ и дать ему городской мечъ, недавно сдѣланный и уже испытанный, но съ тѣмъ условіемъ, что прибывшіе изъ Чорткова члены тамошняго магистрата—бурмистръ Александръ Злотницкій и лавникъ Антоній, впредь до возвращенія „занятаго“ ими палача, останутся въ Каменцѣ въ качествѣ заложниковъ. Чортковцы по неволѣ должны были согласиться на эту сдѣлку и выдали каменчанамъ формальную въ томъ расписку [1]). Въ 1707 г. мѣщане м. Баворова (нынѣ въ Галиціи) также выдали Каменецкому магистрату расписку въ томъ, что они останутся въ Каменцѣ до возвращенія изъ Баворова палача, занятаго на время для исполненія казни у Каменецкаго магистрата [2]).

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, часть V, т. 1, № LXX.

[2]) Тамъ же № LXXXIV.

Еще въ болѣе трудномъ положеніи очутился въ 1710 г. магистратъ г. Кременца, осудившій крестьянку Химу къ смертной казни за участіе въ убійствѣ ея мужа. По закону, такое тяжкое преступленіе ни въ какомъ случаѣ не могло остаться безнаказаннымъ, а между тѣмъ въ городѣ не было палача. Боясь законной отвѣтственности за промедленіе, члены магистрата ѣздили въ Броды, въ Дубно, въ Олыку и въ другіе города съ цѣлью „занять“ на время палача, но оказалось, что во всемъ Волынскомъ воеводствѣ и въ пограничныхъ городахъ такого мастера нигдѣ не было. Между тѣмъ въ апрѣлѣ въ Бродахъ была ярмарка; черезъ Кременецъ проѣзжало много торговыхъ людей. Кременецкіе цехи, которымъ осужденная Хима отдана была подъ стражу впредь до исполненія приговора, плохо стерегли ее, хотя держали „въ кайданахъ“, и она убѣжала съ кѣмъ-то изъ проѣзжихъ. Опасаясь отвѣтственности, магистратъ внесъ въ книги мѣстнаго гродскаго суда „манифестацію“, въ которой свидѣтельствуется Богомъ, что онъ не повиненъ въ случившемся, такъ какъ съ своей стороны употребилъ всѣ усилія къ пріисканію палача, и не его вина, что таковаго нигдѣ не оказалось [1]).

А между тѣмъ ремесло палача было довольно выгоднымъ. Кромѣ опредѣленнаго жалованья, уплачиваемаго магистратомъ, „катъ“ и его помощникъ „гицель“ получали отъ истцовъ особое вознагражденіе не только за смертную экзекуцію, но и за производство пытокъ, которыя обыкновенно ей предшествовали. Законъ не таксировалъ этихъ доходовъ, глухо опредѣляя ихъ размѣръ „давнимъ обычаемъ“, что представляло широкій просторъ требовательности палачей. Вотъ почему „вздать своего шкодника на муки“ и добиться „выконанья“ надъ нимъ смертной казни могли только состоятельные люди, ибо эта процедура требовала значительныхъ издержекъ. И тѣмъ не менѣе общественное презрѣніе къ профессіи палача было такъ велико, что это выгодное ремесло рѣдко прельщало кого, и „катовскія“

---

[1]) Тамъ же № XC.

должности при магистратахъ сплошь и рядомъ оставались вакантными. Въ основѣ этого чувства отвращенія къ кровавому ремеслу, безъ сомнѣнія, коренились исконныя черты славянской мягкости и добродушія, но можно полагать, что это расовое чувство окрѣпло и приняло опредѣленныя формы выраженія не безъ вліянія этическихъ воззрѣній болѣе культурныхъ народовъ Запада. Извѣстно, что XV и XVI вѣка были эпохой насажденія въ Южной Руси Магдебургскаго права, и цеховой системы, цѣликомъ заимствованной у нѣмцевъ. А въ Германіи въ это время въ цеховой практикѣ безусловно господствовалъ вполнѣ установившійся и для всѣхъ обязательный кодексъ понятій о честной и безчестной работѣ, по которому всѣ тѣ промыслы и занятія, гдѣ приходилось, хотя бы и противъ воли, по принужденію властей, имѣть соприкосновеніе съ преступниками, съ висѣлицей или орудіями пытки, всякое участіе при постройкѣ тюремъ, обращеніе съ падалью, убійство собаки и т. под.—все это считалось источникомъ безчестія и служило препятствіемъ для вступленія въ цехи. Цеховые рѣшительно отказывались принимать участіе въ погребеніи палачей, живодеровъ или ихъ родственниковъ; и принятіе сына палача или живодера въ извѣстный цехъ подвергало всѣхъ членовъ его опалѣ и презрѣнію со стороны остальныхъ цеховъ. Эти понятія отличались такою живучестью и устойчивостью даже въ концѣ XVIII ст., что, напримѣръ, прусское правительство, ведшее въ теченіе почти цѣлаго вѣка упорную борьбу съ народными воззрѣніями относительно честнаго и позорящаго труда и въ своемъ ремесленномъ законодательствѣ проводившее принципъ, что всякое полезное занятіе и трудъ должны признаваться равно почтенными, все-таки было вынуждено сдѣлать исключеніе относительно промысловъ живодеровъ и палачей[1]). Совершенно тѣ же воззрѣнія господствовали и среди малорусскихъ мѣщанъ, а чрезъ нихъ распространились и въ другихъ классахъ. Въ 1705 году ковель-

[1]) Цеховая система въ Пруссіи XVIII вѣка. Н. Молчановскаго, стр. 139—143.

скій мѣщанинъ Иванъ Горбачыкъ былъ исключенъ изъ цеха, съ воспрещеніемъ заниматься своимъ ремесломъ, лишь за то, что о немъ прошелъ въ городѣ слухъ, будто онъ убилъ собаку [2]). Исключенный энергично отрицалъ справедливость этого позорнаго слуха, да и изъ судебнаго слѣдствія видно, что его обвиняли въ случайномъ убійствѣ собаки, а никакъ не въ профессіональномъ живодерствѣ; тѣмъ не менѣе ему съ большимъ трудомъ удалось добиться возстановленія своей чести. Что же было бы съ тѣмъ мѣщаниномъ, который прельстился бы выгоднымъ ремесломъ палача? Вѣчный позоръ и отверженіе постигли бы не его одного, но и весь его родъ. Да такихъ случаевъ никогда и не бывало. Въ судебныхъ актахъ того времени палачи обыкновенно упоминаются глухо, подъ однимъ лишь нарицательнымъ именемъ: „катъ", „мистръ", „оправца"; въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ называютъ одними личными именами, но безъ фамилій и безъ обычнаго обозначенія сословія, изъ чего можно заключить, что они набирались изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества, такъ называемыхъ его „подонковъ". На ту же мысль наводитъ и то обстоятельство, что, среди многихъ тысячъ просмотрѣнныхъ актовъ, намъ не приходилось еще встрѣчать такого случая, чтобы палачъ выступалъ истцомъ или отвѣтчикомъ въ гражданскомъ искѣ, дарилъ, продавалъ, завѣщалъ или самъ получалъ по завѣщанію какое-либо имущество и, вообще, чтобы онъ съ помощью закона осуществлялъ какія-либо свои гражданскія права. Такъ какъ Литовскій Статутъ формально не лишалъ палачей гражданской правоспособности, то остается предположить, что они не пользовались ею по своему происхожденію, рекрутируясь, вѣроятно, изъ среды тѣхъ бездомныхъ и безправныхъ паріевъ, которые въ Статутѣ именуются „лезными людьми" и „гультями" и почти не пользовались покровительствомъ закона.

Отверженные по суду общественному, палачи съ позоромъ изгонялись и оттуда, куда открытъ новоизбранный входъ всѣмъ желающимъ и гдѣ съ любовью и всепрощеніемъ пріемлются

---

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, часть V, т. 1, № LXXVIII.

отъявленные грѣшники: разумѣемъ церковь и религіозное общеніе ея членовъ. Здѣсь происходило то же самое, что мы видѣли уже въ области гражданскихъ правоотношеній. Напрасно стали бы мы искать въ церковныхъ законоположеніяхъ какихъ-либо ограничительныхъ постановленій, касающихся палачей: ихъ не было и тогда, какъ нѣтъ и въ настоящее время; но сила общественнаго мнѣнія и народныхъ понятій о честномъ и безчестномъ ремеслѣ была такъ велика, что властно проникала и въ эту область и, вопреки писанному закону, низводила и здѣсь палачей въ разрядъ отверженныхъ. Оказывается, что не только сельское, но и городское духовенство лишало палачей молитвъ, таинствъ и даже воспрещало имъ входъ въ церковь. Вотъ характерное о томъ свидѣтельство, отысканное нами въ документѣ, доселѣ не опубликованномъ.

Въ началѣ XVIII ст. въ Полтавѣ, при смѣшанномъ судѣ, состоявшемъ изъ полковыхъ и магистратскихъ урядниковъ, должность палача занималъ нѣкій Θеодоръ—опять человѣкъ безъ фамиліи. Жестокое ремесло не мѣшало ему быть набожнымъ, и его не столько огорчало общественное презрѣніе, сколько тяготило отлученіе отъ участія въ церковныхъ молитвахъ и таинствахъ. И много разъ молилъ онъ мѣстнаго протопопа, о. Луку Семеновича, снять эту тяготу съ его совѣсти и дозволить хотя бы входъ въ церковь, но тотъ хотя и сожалѣлъ о немъ по христіанскому милосердію, не считалъ однако себя въ правѣ отступить, какъ ему казалось, отъ церковнаго закона и могъ лишь дать совѣтъ—отправиться въ Кіевъ и просить разрѣшенія у высшей духовной власти, и самъ вызвался написать о немъ ходатайственное письмо въ консисторію. Θеодоръ такъ и сдѣлалъ: побывалъ въ Кіевѣ, поклонился отцамъ консистористамъ, былъ и у самого митрополита Варлаама Ясинскаго—и привезъ полтавскому протопопу нижеслѣдующій письменный консисторскій репримандъ:

„Пречестний отче протопопо полтавский, мой зичливий отче и брате!

„Полтавский житель Өеодоръ, отъ васъ присланий, что имѣлъ, духовному (суду?) исповѣдалъ и раздрѣшенъ есть іерейскою и архиерейскою властию, и причастился святихъ таинъ. А что вы з невѣжества и простолюдного розсужденія своего возбраняли ему до сихъ временъ с прочиими христиани, яко правдивому христьянину кающомуся, входа церковного, святои исповѣди и причастия святого, питаюся я: по якимъ то правамъ албо правиламъ святихъ отецъ чинилисте? Якое правило и якого собора того учитъ? В правду о вась бы рещи слова Христовы потреба: прелщаетеся, не вѣдуще сили, ни писания. Катовство, правда, нечестное дѣло, еднакъ и не грѣшное. Катъ никого не судитъ, ни забиваетъ невинного, но осужденного и обвиненного от майстрату, и тое самое не ему, но повелѣвающому причитается; бо кто через иного что творитъ, самъ собою видит ся творити. Ежели церулика[1]), что лѣчачи человѣка, подчасъ и значние члонки урѣзуетъ, або кровъ пускаетъ, або, не знаючися добре на лѣкарствѣ, о смерть человѣка приправляетъ[2]),—свѣцкое право не караетъ и духовная власть от церкви не отлучаетъ, далеко барзѣй катъ, который не з своеи волѣ, но з волѣ старшого творитъ, не маетъ быти от церкви отлученнимъ, но яко правдивий християнинъ и правди исполнитель, по латинску executor justiciae (такъ посполите ката зовутъ) с иними правовѣрними да сообщается. А что простии люде з глупства своего таковими гнушаются, вамъ, іереемъ, разумъ имущимъ, непотреба ихъ невѣжеству послѣдовати, но противно и самимъ разумѣти, и прочихъ учити. Тое пишу по указу архиерейскому и по совѣту суду консисторского. З катедри митроп. Киевского, року 1707, мая 4.

Твой братъ и слуга іеромонах Іоаникий, намѣстникъ святософѣйский киев. митроп.“.

Можно полагать, что эта острая отповѣдь болѣе изумила, чѣмъ вразумила полтавскаго протопопа,—до такой степени она

[1]) Т. е. фельдшера. Буквально *церуликъ*—парикмахеръ, но въ XVI—XVIII ст. это ремесло соединялось съ врачебнымъ.

[2]) Т. е. доводитъ до смерти.

шла въ разрѣзъ съ привычными для него и для другихъ его собратій понятіями по данному вопросу. Письмо ходило по рукамъ грамотныхъ полтавцевъ, какъ любопытная новинка, а полтавскій городовой писарь Романъ Лозинскій, на память потомству, внесъ его даже въ „мѣскія“ актовыя книги, откуда и мы его заимствуемъ [1])

Когда, въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, въ Малороссіи составлялся полный сводъ „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“, то его составители, узаконяя положеніе палача и въ тоже время зная, какимъ поносным безславіемъ и всеобщимъ отвращеніемъ пользуется въ странѣ это ремесло, сочли нужнымъ выступить на его защиту и въ 13 артыкулѣ 25 главы Свода сочинили слѣдующую апологію, приводя въ ней воззрѣнія, тожественныя съ тѣми, какія высказаны въ консисторскомъ судѣ:

„Катъ, или палачъ, хотя званіе на себѣ поносное и ненавистное имѣетъ, которое обще въ народѣ обносится мерзостно для единого того, что чрезъ него дѣйствуется мученіе и кровопролитіе человѣческое, однако онъ въ томъ дѣйствіи тако всему обществу человѣческому потребенъ есть, что безъ него надлежащее правосудіе, самому всѣхъ судий Богу пріятное, яко отъ него узаконенное, а всѣмъ людемъ самонужнѣйшое, исполниться не можетъ: вотще же бы для такого правосудія и права на злодѣевъ установлени были, еслибы не было того, кто бы оныя самимъ исполнилъ дѣломъ. А понеже и тое самое пролитіе крове и мученіе человѣческаго тѣла не отъ его палачевой злобы и безчеловѣчія, но отъ показаннаго правосудія и справедливости происходитъ, того ради яко за то свое званіе онъ предъ Богомъ немерзокъ и яко грѣшникомъ признаванъ быть не долженъ, наипаче слугою справедливости ненеприлично называтись можетъ, такъ за то жъ всякому человѣку во омерзеніи его имѣть не надлежитъ, и священный чинъ сообщенія съ вѣрными, входа

[1]) Подлинная актовая книга „мѣскаго“ Полтавскаго суда 1673—1740 гг., изъ библіотеки А. М. Лазаревскаго. Данный документъ вписанъ на 368 листѣ.

церковного и причастія божественныхъ таинъ возбранять ему не долженъ" [1]).

Это академическое разсужденіе не могло повліять на измѣненіе обычныхъ въ Малороссіи понятій о ремеслѣ палача—уже по одному тому, что сводъ малороссійскихъ „Правъ" никогда не былъ введенъ въ дѣйствіе; но оно заслуживаетъ вниманія, какъ первое (по времени) открытое признаніе за палачемъ правъ гражданина и христіанина. Дальнѣйшее государственное и культурное сближеніе Малороссіи въ Великороссіей привело, наконецъ, къ тому, что съ теченіемъ времени среди образованныхъ малороссійскихъ классовъ старинный взглядъ на ремесло палача если не совершенно видоизмѣнился, то во всякомъ случаѣ потерялъ прежнюю остроту и рѣзкость. Но среди простого украинскаго народа это кровавое ремесло и нынѣ пользуется тѣмъ же позоромъ и омерзеніемъ, что и въ старину. Самое имя „катъ" въ малорусскомъ языкѣ не только поносное слово, но во многихъ выраженіяхъ является синонимомъ понятія „чортъ", „нечистый". Существуетъ множество бранныхъ поговорокъ и реченій, въ которыхъ употребляется имя „чорта". Болѣе деликатные изъ простолюдиновъ, избѣгая упоминанія имени нечистаго, замѣняютъ его словомъ „*катъ*": вмѣсто „*чортъ* ёго беры" говорятъ: „*катъ* ёго беры"; „чортъ-зна-що"=„*ка*(*тъ*)-зна-що"; „до *ката*"=„до чорта" (т. е. очень много) и т. под. Такимъ позоромъ. какъ отождествленіе съ нечистымъ, заклеймлено въ народномъ украинскомъ языкѣ, кромѣ „ката", еще одно историческое имя—царя Ирода, губителя невинныхъ младенцевъ.

Ор. Левицкій.

---

[1]) „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ", изд. профессора А. Ѳ. Кистяковскаго, 1879 г., стр. 753.

Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ.

(Окончаніе[1]).

Ничего выдающагося, ни въ смыслѣ обобщеній, ни по новизнѣ темъ и пріемовъ работы, не далъ отдѣлъ языка и письма. Въ большинствѣ случаевъ рефераты носили узко-спеціальный характеръ, и потому много говорить о нихъ намъ не придется.

Проф. П. В. Владиміровъ, въ рефератѣ *„О взаимной связи апокрифической иконографіи, древней русской литературы и народной словесности“*, остановился лишь на одномъ фактѣ, именно на изображеніяхъ Рождества Христова, которыя поставилъ въ связь съ преданіями и нѣкоторыми народными обрядами; вслѣдствіе небольшого количества разработаннаго авторомъ матеріала, и тема реферата, очень интересная сама по себѣ, не получила должнаго освѣщенія. Нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятниковъ нашей письменности касались рефераты проф. Сперанскаго и А. С. Раевскаго. *Проф. Сперанскій* остановился на вопросахъ *о славяно-русскихъ переводахъ Пчелы*, обратившись для выясненія вопроса къ греческимъ и славянскимъ рукописямъ. Изъ трехъ группъ, на которыя распадаются по времени греческіе тексты, русскій переводъ, сдѣланный въ XIII—XIV в., относится къ позднѣйшей; къ одной изъ болѣе раннихъ группъ примыкаетъ переводъ болгарскій; третій и послѣдній переводъ, западно-рус-

[1]) См. Кіевская Старина, ноябрь.

скій, сдѣланъ въ 1599 г. на Волыни, въ Дерманскомъ монастырѣ, съ печатнаго изданія Гесснера (1516 г.) и стоитъ въ связи съ Острожскимъ изданіемъ библіи. *А. С. Раевскій* подвергъ критическому разбору *часословъ библіотеки Ярославскаго архіерейскаго дома XVIII в., съ молитвами Ѳеодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго и славяно-католическими*, изданный раньше И. И. Срезневскимъ и уже бывшій темой для реферата Е. В. Барсова на VII археологическомъ съѣздѣ. Сдѣлавъ поправки къ мнѣніямъ о рукописи вышеуказанныхъ ученыхъ, референтъ считаетъ ее сводомъ, составленнымъ изъ часослова по студійскому уставу, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ котораго были размѣщены молитвы, сочиненныя печерскими иноками, Кирилломъ Туровскимъ, и взятыя изъ славяно-католическаго бревіарія, быть можетъ, Сазавскаго монастыря. По палеографическимъ особенностямъ—рукопись южнаго происхожденія, и, по предположенію референта, она могла быть прислана въ Ярославль (или Ростовъ) изъ Кіева въ руководство тамошнимъ монастырямъ. Какъ на очень цѣнный матеріалъ для изученія древняго языка, *проф. Н. В. Волковымъ* было обращено вниманіе съѣзда на *древнѣйшія церковно-славянскія нотныя книги;* хотя эти послѣднія идутъ лишь съ конца XI и первой половины XII в., но онѣ, благодаря особому характеру письма, удерживаютъ очень древнія формы языка. Нотныя книги, по системѣ нотнаго обозначенія, раздѣляются на знаменныя и кондакарныя; сохранились онѣ только въ русскихъ спискахъ, (извѣстно около 50-ти списковъ XI—XIV в.), но по языку онѣ древне-болгарскаго происхожденія, и значеніе ихъ, по мнѣнію референта, заключается въ томъ, что онѣ даютъ возможность отыскать первую редакцію перевода церковныхъ пѣснопѣній съ греческаго языка на славянскій, совершеннаго въ Кирилло-меѳодіевскую эпоху.

Критико-біографическій характеръ носили два реферата. Первый *Д. И. Абрамовича*—*„Къ вопросу объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Нестора Лѣтописца“*, гдѣ референтъ, ограничиваясь лишь однимъ источникомъ—Кіево-печерскимъ Патерикомъ и положивъ въ основу своего изслѣдованія

сравненіе различныхъ редакцій Патерика, даетъ очеркъ литературной исторіи произведеній Нестора, вошедшихъ въ Патерикъ, именно—житія прп. Ѳеодосія Печерскаго и ряда лѣтописныхъ статей, касающихся исторіи Печерской обители во вторую половину XI столѣтія. Второй рефератъ, *проф. Н. П. Дашкевича—„Нѣсколько соображеній о былевомъ Ильѣ Муромцѣ на основаніи нѣкоторыхъ кіевскихъ данныхъ (XVI—XVII вв.“)*, имѣлъ цѣлью послѣдовательный пересмотръ старыхъ кіевскихъ преданій объ Ильѣ и связанный съ этимъ вопросъ объ исторической основѣ преданій. Подвергнувъ разбору какъ нѣкоторыя лѣтописныя данныя, такъ и прозвище Ильи, референтъ дѣлаетъ предположеніе, что былевой Илья былъ родомъ изъ города Моровійска и могъ служить сѣверскимъ князьямъ и окончить свои дни въ Кіевѣ; поэтому нѣтъ основаній раздѣлять былевого Илью и святого, почивающаго въ кіевскихъ пещерахъ; по мнѣнію референта, это одно и то-же лицо. Изъ многихъ замѣчаній, вызванныхъ этимъ рефератомъ, отмѣтимъ замѣчаніе Н. Н. Троицкаго, указавшаго на то, что если для эпическаго Ильи можно найти историческое объясненіе, то и сказанія о подвигахъ его должны были возникнуть на фактической почвѣ.

Мало еще затронутаго вопроса въ нашей исторической литературѣ—о томъ значеніи, какое представляютъ для исторіи юго-зап. Россіи документы католическихъ костеловъ и монастырей, коснулся *свящ. І. Е. Шиповичъ*, передавъ содержаніе *лѣтописи Винницкаго капуцинскаго монастыря за 1744—1862 года*. Въ заключеніе упомянемъ о единственномъ, если не ошибаемся, рефератѣ по палеографіи, доложенномъ на съѣздѣ. Мы имѣемъ въ виду рефератъ *Н. М. Каманина—„Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв.“*. Изъ трехъ почерковъ, употреблявшихся въ это время—латинскаго, польскаго и русскаго, референтъ остановился на послѣднемъ и намѣтилъ четыре періода въ его видоизмѣненіяхъ: 1-ый періодъ самостоятельнаго развитія письма до половины XVI в., когда буквы являются упрощеніемъ уставной скорописи; 2-ой — съ половины XVI в. до начала XVII., когда письмо принимаетъ

готическій характеръ благодаря польско-нѣмецкому вліянію; 3-ій— письмо теряетъ характеръ готическаго подъ вліяніемъ латыни, господствовавшей въ школахъ, устроенныхъ при братствахъ; этотъ періодъ заканчивается на правомъ берегу Днѣпра во 2-ой половинѣ XVII в. замѣной польскимъ письмомъ, а на лѣвомъ— сѣверно-русскимъ; 4-ый—господство сѣверно-русскаго почерка, который входитъ въ употребленіе на правомъ берегу въ концѣ XVIII в.

Благодаря давно назрѣвшей необходимости въ реорганизаціи у насъ невозможныхъ условій, въ какихъ находится архивное дѣло, уже на предыдущихъ съѣздахъ *археографическая секція* выказала много энергіи и жизненности. То-же самое можно сказать и о кіевскомъ съѣздѣ: археографическая секція, по числу записавшихся въ нее членовъ и по дѣйствительному участію ихъ въ разработкѣ какъ общихъ, такъ и частныхъ вопросовъ архивовѣдѣнія, была одной изъ самыхъ удачныхъ, если даже не самая удачная. Въ работахъ секціи замѣтно было единеніе, чувствовалось серьезное отношеніе къ дѣлу, хотя общее настроеніе членовъ секціи было не изъ радужныхъ, такъ какъ очевидна была та пропасть, которая лежитъ между начинаніями, идущими на помощь дѣлу, и практическимъ ихъ осуществленіемъ; обезкураживало къ тому-же и то равнодушіе, какое встрѣчали даже неотложные вопросы, какъ напр.—вопросъ о субсидіи архивнымъ комиссіямъ.

Начнемъ съ очень грандіознаго проекта *проф. Д. Я. Самоквасова*, вызвавшаго много дебатовъ. Хотя этотъ проектъ получилъ одобреніе секціи, но ему вѣроятно такъ и суждено остаться только проектомъ. Проф. Д. Я. Самоквасовъ, въ рефератѣ „*Централизація государственныхъ архивовъ въ Западной Европѣ, въ связи съ архивной реформой въ Россіи*“, привелъ сначала историческую и практическую справку объ организаціи архивнаго дѣла во Франціи, Англіи, Пруссіи и другихъ западно-европ. государствахъ, гдѣ, какъ напр. въ Англіи и Пруссіи, централизація архивнаго матеріала проведена на практикѣ. Перейдя затѣмъ къ Россіи, докладчикъ указалъ на дѣятельность комис-

сіи Н. В. Калачева 1873 г. и комиссіи 1892 г., оставшихся почти безъ всякаго результата, и въ заключеніе изложилъ свой проектъ архивной реформы. Проектъ этотъ обсуждался въ специальной комиссіи археографической секціи и сводится къ слѣдующимъ положеніямъ. Для общаго завѣдыванія всѣми архивами, для организаціи ихъ дѣятельности, снабженія штатами служащихъ, помѣщеніями и т. п. учреждается центральный органъ архивнаго управленія, подобный существующимъ въ зап.-европ. государствахъ. Дѣлопроизводства по 1825-ый годъ высшихъ и центральныхъ государственныхъ учрежденій, за исключеніемъ уже обладающихъ благоустроенными архивами, сосредоточиваются въ одномъ центральномъ публичномъ государственномъ архивѣ; дѣлопроизводства мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій по 1775 г. сосредоточиваются въ 12-ти центральныхъ областныхъ архивахъ; дѣлопроизводства же губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій 25-ти лѣтней давности—въ губернскихъ центральныхъ архивахъ. Далѣе, въ проектѣ опредѣляется отношеніе къ этимъ архивамъ существующихъ губернскихъ архивныхъ комиссій и предлагается немедленно издать циркулярное распоряженіе по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія какихъ бы то ни было бумагъ до учрежденія центральнаго архивнаго управленія

Выше упомянутой Калачевской комиссіи былъ посвященъ отдѣльный рефератъ *А. С. Раевскаго*—„*Что сталось съ Калачевской комиссіей 1873 года объ устройствѣ архивовъ?*", рефератъ, еще разъ напомнившій, какъ много работалъ Калачовъ на излюбленномъ имъ поприщѣ и какъ со смертью его заглохла и сама комиссія, продолжающая de jure существовать и по сей день. Интересно отмѣтить, что вышеприведенный проектъ проф. Самоквасова является не новостью. Еще въ 1876 г. въ комиссіи обсуждался проектъ правилъ о рѣшенныхъ дѣлахъ по министерству путей сообщенія; два года спустя проектъ этотъ обсуждался Комитетомъ министровъ, который рѣшилъ, что вмѣсто правилъ для отдѣльныхъ министерствъ необходимо поручить комиссіи выработать главныя начала устройства и управленія всѣми

вообще архивами. Изъ протоколовъ комиссіи видно, что такія основанія были уже выработаны раньше, въ 1875 году, но за наступившимъ затишьемъ въ дѣятельности комиссіи основанія эти такъ и не были проведены въ жизнь. Все ту же цѣль— преобразованіе архивнаго дѣла имѣлъ въ виду и рефератъ *А. Н. Львова—„Русское законодательство объ архивахъ“*. Картина, нарисованная референтомъ, наводитъ на грустныя размышленія. Полнаго спеціальнаго архивнаго кодекса у насъ нѣтъ; всѣ законоположенія являлись разновременно, по разнымъ частнымъ обстоятельствамъ и для различныхъ учрежденій; единство системы въ законоположеніяхъ отсутствуетъ; при изданіи архивныхъ правилъ цѣли науки совсѣмъ не принимались въ разсчетъ, на архивный матеріалъ смотрѣли только лишь съ канцелярской точки зрѣнія; накопившіяся дѣла представляли для канцелярій въ большинствѣ случаевъ ненужный хламъ, разборка его для выдѣленія дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію согласно законоположенію „объ уничтоженіи ненужныхъ дѣлъ“, поручалась лицамъ мало компетентнымъ, и въ результатѣ мы имѣемъ много фактовъ огульнаго истребленія очень цѣнныхъ въ научномъ отношеніи архивовъ различныхъ учрежденій. Все это приводитъ референта къ мысли о необходимости выработки основныхъ принциповъ архивнаго законодательства соотвѣтственно современнымъ потребностямъ архивнаго дѣла.

Мы коснулись рефератовъ, трактующихъ объ общихъ вопросахъ архивовѣдѣнія. Не мало было интересныхъ докладовъ и по болѣе частнымъ вопросамъ. *Проф. Д. И. Багалѣй* поставилъ на очередь вопросъ *о необходимости устройства центральнаго архива въ Харьковѣ*, по которому, какъ уже извѣстно, съѣздъ рѣшилъ ходатайствовать предъ правительствомъ. При Харьковскомъ университетѣ постепенно образовался очень богатый архивъ, который уже и теперь носитъ всѣ признаки центральнаго, но не имѣетъ ни опредѣленнаго положенія, ни связаннаго съ этимъ штата служащихъ. Референтъ охарактеризовалъ вкратцѣ содержаніе архива, состоящаго изъ отдѣленій Черниговскаго, Полтавскаго и Харьковскаго, и привелъ нѣсколько справокъ

о томъ, какъ составлялся архивъ изъ остатковъ прежде обширныхъ архивовъ лѣвобережной Малороссіи, уничтоженныхъ благодаря невѣжеству и равнодушію мѣстнаго общества. *Л. М. Савеловъ*, въ рефератѣ *„Объ архивахъ дворянскихъ депутатскихъ собраній“*, указалъ на неудовлетворительное состояніе и этихъ архивовъ, между тѣмъ какъ хранящіеся въ нихъ матеріалы зачастую оказываются очень цѣнными, такъ что очень важно было бы имѣть описи документовъ болѣе древняго періода. Приведеніе архивовъ въ порядокъ тѣсно связано съ техникой описанія ихъ содержанія. Почти въ каждомъ изъ нашихъ архивовъ существуетъ своя система описанія документовъ; археографическая комиссія Импер. Московскаго Археологич. общества, путемъ запросовъ, собрала свѣдѣнія о принятыхъ системахъ описанія въ разныхъ архивахъ, каковыя и дали матеріалъ для реферата *Г. Н. Шепелева*—*„Теорія и практика архивныхъ описей“*, реферата, заставившаго откликнуться многихъ присутствовавшихъ на съѣздѣ архивистовъ. Докладчикъ не остановился ни на одной изъ принятыхъ системъ, считая ихъ не вполнѣ удовлетворительными и пригодными для научныхъ цѣлей и выставилъ два необходимыя условія при составленіи описей—систематичность и возможную краткость. *И. М. Каманинъ* въ рефератѣ *„Объ экспертизѣ древнихъ подложныхъ документовъ“* коснулся нерѣдкаго, по крайней мѣрѣ въ не такъ давнее время, факта поддѣлки документовъ, особенно широко практиковавшагося у насъ на югѣ. Перечисливъ тѣ мѣры, какія принимались для искорененія этого зла, причемъ сначала экспертизы были поручаемы лицамъ мало свѣдущимъ, и только Комиссія 1892 г. признала архивистовъ исключительно компетентными при оцѣнкѣ подлинности или подложности документовъ и установила принципъ аппелляціи, для которой спорные документы должны посылаться въ Петербургъ,—И. М. Каманинъ высказался противъ такой отсылки и предложилъ устраивать періодическіе съѣзды архивистовъ. Къ мнѣнію референта присоединились и нѣкоторые другіе изъ присутствовавшихъ ученыхъ, однимъ изъ которыхъ былъ также

поднять вопросъ о желательности введенія въ Археологическомъ Институтѣ курса по западной и южно-русской палеографіи. По поводу предложенія И. М. Каманина о періодическихъ съѣздахъ, намъ кажется, что таковые уже могутъ быть организованы: архивныхъ дѣятелей есть достаточно въ Россіи, и, какъ видно изъ предыдущаго, назрѣвшихъ вопросовъ накопилось не мало, но въ такомъ случаѣ программа съѣздовъ должна быть выработана гораздо шире, а не исчерпываться лишь экспертизой или переэкспертизой сомнительныхъ документовъ.

И. М. Каманинъ совершилъ лѣтомъ 1898 г. поѣздку по Волынской и Подольской губ. для осмотра архивовъ; результаты этого осмотра и были сообщены имъ съѣзду въ рефератѣ „*О волынскихъ и подольскихъ архивахъ*". Вотъ общее впечатлѣніе, вынесенное изъ осмотра: архивы помѣщаются въ нижнихъ или подвальныхъ этажахъ, и только два или три—въ особыхъ зданіяхъ; въ самыхъ помѣщеніяхъ бумаги ничѣмъ не ограждены отъ сырости и пыли; нѣтъ ни коробокъ, ни закрытыхъ шкафовъ; большая часть дѣлъ почти во всѣхъ архивахъ, признанная ненужной для справокъ, уничтожена безъ просмотра описей спеціалистами... Цѣльное впечатлѣніе оставилъ послѣ себя рефератъ *О. И. Левицкаго*—„*О судьбѣ актовыхъ книгъ, относящихся къ исторіи юго-западнаго края и Малороссіи*". Референтъ прежде всего указалъ на характеръ и содержаніе актовыхъ книгъ, бывшихъ въ употребленіи въ правительственныхъ судахъ, старостинскихъ и частно-владѣльческихъ замкахъ, при каѳедрахъ православныхъ и католическихъ епископовъ, при церковныхъ братствахъ и пр. Почти всѣ такія книги погибли; сохранились лишь акты городскіе, земскіе и кое гдѣ магистратскіе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи были указаны мѣры, принимавшіяся къ охранѣ книгъ польскимъ правительствомъ въ XVI и до конца XVIII ст. и русскихъ—въ теченіе настоящаго столѣтія. Въ этомъ направленіи дѣйствительныя мѣры къ сохраненію и научной разработкѣ матеріаловъ были приняты лишь въ половинѣ текущаго столѣтія съ учрежденіемъ въ Кіевѣ Комиссіи для разбора древнихъ актовъ и съ устройствомъ въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ центральныхъ архивовъ.

Въ заключеніе, укажемъ на рефератъ проф. *Д. И. Багалѣя*—*„Объ историческихъ матеріалахъ, какъ источникахъ археологіи“*,—тема, которой проф. Багалѣй уже касался на прежнихъ съѣздахъ, но къ сожалѣнію призывъ его не вызвалъ пока соотвѣтственныхъ работъ. Настоящій рефератъ распадался на двѣ части: въ первой было указано на значеніе историческихъ памятниковъ для археологіи, во второй—это положеніе иллюстрировалось примѣрами на нѣкоторыхъ документахъ, заключающихъ въ себѣ чисто археологическія данныя. Имѣя въ виду несомнѣнное значеніе такихъ выборокъ изъ древнихъ рукописей, референтъ обратился съ предложеніемъ къ Московскому Археологич. Обществу—не возьметъ ли оно на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ. Рефератъ проф. Багалѣя былъ дополненъ замѣчаніемъ чешскаго ученаго д-ра Папачека, что, кромѣ письменныхъ памятниковъ, богатыя данныя въ области археологіи могутъ быть извлечены также и изъ народныхъ сказаній и преданій, которыя имѣютъ тѣсную связь съ прошлой жизнью народа.

Рефератовъ, касавшихся чисто историческихъ темъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи, доложено съѣзду очень немного. Большинство ихъ затрогивало тѣ или другіе вопросы прошлаго въ южно-русскомъ козачествѣ.

Проф. Н. П. Дашкевичъ изложилъ съѣзду *нѣсколько догадокъ о началѣ южно-русскаго козачества (до конца XV в.)*. Держась ретроспективнаго метода и соединяя историческія данныя съ филологическими, референтъ пришелъ къ выводу, что первичною формой южно-русскаго козачества можно считать небольшіе военно-промышленные отряды, съ атаманами во главѣ, возникшіе среди осѣдлаго населенія на окраинахъ Литовскаго Подолья и Кіевской земли. Начало ихъ можно отнести ко времени литовскаго завоеванія Подолья, хотя они могли развиться и раньше, благодаря совмѣстной жизни Подолянъ, и можетъ быть Поросянъ, съ татарами. Явленіе это, бывшее только лишь въ зачаточной стадіи развитія, не обращало на себя вниманія,

а потому и названіе „козакъ“ не имѣло широкаго распространенія и не попало въ письменные памятники того времени.

Какъ извѣстно, однимъ изъ чаще всего употреблявшихся козаками способовъ защиты, былъ „таборъ“—укрѣпленіе, составленное изъ возовъ. *Проф. П. В. Голубовскій* попытался указать, *съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Россіи* этотъ способъ защиты. Такъ какъ такого рода укрѣпленія возможно устраивать лишь въ мѣстностяхъ степныхъ, то онѣ и могли появиться у кочевниковъ. Приведя рядъ свидѣтельствъ объ употребленіи этого способа гуннами, венграми, печенѣгами, половцами, отъ которыхъ его могла заимствовать и древняя Русь, референтъ относилъ начало его къ дотатарскому періоду. Это заключеніе представляется намъ болѣе всего правдоподобнымъ и логически вытекающимъ изъ знакомства со складомъ жизни нашего юга, такъ что его нужно предпочесть нѣкоторымъ другимъ предположеніямъ, какъ напр.—о заимствованіи „табора“ у чеховъ, которыя были высказаны во время дебатовъ по поводу настоящаго реферата. Въ рефератѣ *„Къ вопросу о числѣ, порядкѣ и топографіи Запорожскихъ Сѣчей по новымъ архивнымъ даннымъ“* *Д. И. Эварницкій* старался разрѣшить нѣкоторые спорные пункты по отношенію къ нѣкоторымъ изъ сѣчей и заключилъ свой докладъ заявленіемъ, что имъ начато уже изданіе „Источниковъ для исторіи запорожскаго козачества съ половины XVII и до конца XVIII в.“, которое будетъ, по словамъ Д. И. Эварницкаго, *лучшимъ памятникомъ славному прошлому Запорожья (sic)*. Довольно серьезныя замѣчанія со стороны проф. Антоновича вызвалъ рефератъ *В. И. Щербины—„Послѣдніе слѣды козачества въ правобережной Украинѣ“*. De jure козачество здѣсь считается прекратившимъ свое существованіе въ 1711 г., вмѣстѣ съ Прутскимъ договоромъ, но референтъ совершенно справедливо полагаетъ, что такое важное соціальное явленіе въ жизни юга, какъ козачество, не могло прекратиться сразу. Свое положеніе В. И. Щербина подкрѣпляетъ ссылками на люстраціи Кіевскаго воеводства 1765 и 1789 гг., въ которыхъ упоминаются городовые козаки, которые несутъ одну повинность—воен-

ную, и только къ концу столѣтія, значительно уменьшившись въ числѣ, сравниваются съ остальнымъ крестьянствомъ. Возраженія проф. Антоновича заключались, главнымъ образомъ, въ указаніяхъ на то, что эти козаки лишены права самоуправленія и самосуда, не являются землевладѣльцами, у нихъ, какъ кажется, нѣтъ сословной наслѣдственности, и потому считать ихъ козаками въ собственномъ смыслѣ нельзя. Послѣдній рефератъ изъ этой группы—*А. В. Половцева*—„*О малороссійскихъ козакахъ на французской службѣ въ 1646 г.*“, разсматриваетъ частный случай изъ исторіи козачества, когда король Владиславъ IV, по просьбѣ принца Конде и кардинала Мазарини, послалъ во Францію, въ помощь противъ испанцевъ, добровольцевъ-козаковъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ осадѣ Дюнкерка.

Особое мѣсто въ ряду другихъ рефератовъ занялъ на съѣздѣ докладъ *Ѳ. Д. Николайчика*—„*Начало и ростъ Полтавской Вишневечины, по даннымъ Литовской Метрики*“, представляющимъ много новаго и важнаго для уясненія вопроса. Проф. Багалѣй, по прочтеніи доклада, указалъ, что сообщенные матеріалы интересны не только для исторіи колонизаціи лѣвобережной Малороссіи, но и слободской Украины; они, кромѣ того, даютъ новыя свѣдѣнія о введеніи и характерѣ Магдебургскаго права въ малороссійскихъ городахъ. Періодъ, охваченный рефератомъ,—послѣднее десятилѣтіе XVI в., когда Вишневецкіе впервые утверждаются на лѣвомъ берегу Днѣпра, и первая половина XVII в. Система, которой придерживались Вишневецкіе для увеличенія своихъ владѣній—система захватовъ и насилій; въ этомъ отношеніи грандіозностью своихъ подвиговъ особенно отличался кн. Іеремія Вишневецкій.—Мало использованные еще пока матеріалы, послужили основаніемъ и для реферата *В. И. Щербины*—„*Украинскія староства по люстраціямъ XVIII в.*“. Староства эти были сгруппированы въ Кіевскомъ повѣтѣ и населены потомками исконнаго населенія края съ очень незначительнымъ процентомъ польскихъ колонистовъ. Сравнивая люстраціи 1765 и 1789 гг., можно замѣтить какъ увеличеніе населенія, такъ и увеличеніе зависимости его отъ старостъ. Это послѣднее обстоя-

тельство, въ дальнѣйшемъ развитіи, привело къ почти полному уравненію положенія „подданыхъ“ королевскихъ имѣній съ частновладѣльческими; да къ тому-же, и сами староства, въ концѣ столѣтія, частью были обращены въ дѣдичныя имѣнія, а на четырехлѣтнемъ сеймѣ былъ составленъ проектъ и совершеннаго упраздненія староствъ.

Выясненію экономическаго положенія населенія лѣвобережной Малороссіи, именно 6-ти полковъ ея, былъ посвященъ докладъ *Е. П. Родаковой*—„*Данныя ревизій и компутовъ объ экономическомъ бытѣ малороссійскаго общества въ XVIII в.*“. На основаніи статистическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ архивныхъ матеріаловъ, оказывается, что довольно большой процентъ населенія (30%) можно признать беземельнымъ, что объясняется какъ тяжестью повинностей, такъ и отсутствіемъ мѣръ, препятствовавшихъ переходу земель изъ рукъ въ руки и сосредоточиванію ихъ въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Обладавшее земельной собственностью населеніе можно раздѣлить на двѣ группы: козаковъ грунтовыхъ и козаковъ малогрунтовыхъ, причемъ въ среднемъ на одну долю приходилось $4^1/_2$ четверти.

Д. П. Миллеръ, въ рефератѣ „*Пикинерскія вербунки*“, изложилъ одинъ эпизодъ изъ послѣднихъ годовъ Гетманщины, именно: прослѣдилъ исторію образованія, по проекту генералъ-поручика Мельгунова, въ 1764 г., особой губерніи на южной границѣ Гетманщины для оплота противъ Крыма. Сюда требовались какъ поселяне, такъ и „пикинеры“, и вербовка этихъ новыхъ поселенцевъ, въ кадры которыхъ записывались, между прочимъ, и „подданые“, повела къ немалымъ раздорамъ и несогласіямъ среди козацкой старшины. [1])

Юридическихъ древностей касаются два реферата. *Г. В. Демченко* избралъ темой своего реферата „*притомныхъ людей*“, упоминаемыхъ въ актахъ о копныхъ судахъ. „Притомными“ референтъ называетъ стороннихъ людей, не принадлежавшихъ къ числу копниковъ, но появлявшихся на судѣ по желанію истца, отвѣтчика, суда и вообще лицъ, заинтересованныхъ въ данномъ процессѣ. Не смотря на такую, повидимому случайную,

---

[1]) Рефератъ этотъ напечатанъ полностію въ настоящей книжкѣ журнала.

роль, притомные люди принимаютъ активное участіе во всѣхъ актахъ копнаго процесса. Съ этими выводами референта не согласился М. Н. Ясинскій какъ по отношенію къ терминологіи, считая болѣе умѣстнымъ сохранить древній терминъ „добрые люди", такъ и по поводу значенія стороннихъ людей въ процессѣ. О. И. Левицкій въ рефератѣ *Обычныя формы заключенія браковъ въ юго-западной Руси въ XVI—XVII ст*", на основаніи документальныхъ данныхъ, считаетъ возможнымъ утверждать, что въ юго-зап. Руси вышеуказаннаго періода не только среди простонародья, но и въ высшихъ классахъ существовало древнерусское воззрѣніе на бракъ, какъ на гражданскій договоръ и церковное вѣнчаніе имѣло значеніе лишь религіознаго, а на юридическаго акта. Излагая формы заключенія браковъ, референтъ указалъ на положеніе женщины того времени, которая пользовалась полною свободою и весьма значительной гражданской правоспособностью. Браку предшествовали „змòвыны" (сговоръ) и въ это время составлялась „шлюбная интерцыза" (предбрачный контрактъ), гдѣ опредѣлялись „посагъ" (приданое), „вѣно" и „привѣнокъ"—обезпеченія приданаго со стороны жениха, день „акта весѣльнаго" (свадьбы) и наконецъ „закладъ"—неустойка, въ случаѣ нарушенія одной изъ сторонъ контракта. Послѣ „змовынъ" слѣдуютъ „заручины", вмѣстѣ съ которыми нерѣдко совершалось и вѣнчаніе. Но это послѣднее не измѣняло положенія жениха и невѣсты: они продолжали жить врозь, не признавались супругами и, уплативъ неустойку, могли разорвать брачный контрактъ и вступить въ новый съ другими лицами. Только съ совершеніемъ „акта весѣльнаго" вступалъ въ силу дѣйствительный бракъ.

Три года тому назадъ, представляя читателямъ „Кіевской Старины" отчетъ о Рижскомъ съѣздѣ и указывая на ту видную роль, какую играла тамъ этнографія, мы сдѣлали пожеланіе въ этомъ смыслѣ и по отношенію къ будущему Кіевскому съѣзду. Наши пожеланія такъ и остались пожеланіями: на прошедшемъ съѣздѣ этнографія почти совершенно отсутствовала. Мы имѣемъ всего два реферата изъ этой обширной области знанія. *О. А. Фотинскій* доложилъ *о побратимствѣ и чинѣ братотворенія*;

по его изслѣдованію, обычай побратимства, возникшій еще въ глубокой древности, въ VI—VII вв. освящается особымъ чинопослѣдованіемъ, постепенно развивающимся до XVII вѣка. Въ Россіи онъ былъ широко распространенъ, не смотря даже на послѣдующія церковныя запрещенія; въ настоящее время онъ сохранился еще кое-гдѣ въ юго-славянскихъ земляхъ. Побратимство считалось духовнымъ родствомъ и, кажется, сопровождалось извѣстными имущественными отношеніями. Южно-русскія церковныя братства возникли изъ иныхъ побужденій, и потому требовали иного чина. Впрочемъ, въ началѣ XIX вѣка, вступленіе въ братство сопровождается чинопослѣдованіемъ, отчасти заимствованнымъ изъ чина братотворенія. Въ другомъ рефератѣ— *Х. П. Ящуржинскаго*—*„Обрядности и пѣсни, касающіяся жатвы хлѣба“*, авторомъ послѣдовательно разбираются различные моменты жатвы: „зажинки“, сама жатва и „дожинки“.

Бросая общій взглядъ на вышеперечисленные рефераты, мы замѣчаемъ большое ихъ разнообразіе; пестрота эта станетъ еще болѣе очевидной, если примемъ во вниманіе всѣ доложенные рефераты—мы вѣдь выдѣлили лишь тѣ, которые имѣютъ соприкосновеніе со прошлымъ южной Россіи. Разнообразіе это объясняется большимъ количествомъ научныхъ дисциплинъ, входящихъ въ программу занятій съѣзда; при такомъ положеніи, успѣхъ съѣзда и его значеніе зависятъ отъ содержательности если не цѣлыхъ секцій, то по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ рефератовъ, вносящихъ „новое слово“ въ область старыхъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, кіевскому съѣзду не посчастливилось въ этомъ отношеніи. Быть можетъ, слѣдующій съѣздъ, который соберется черезъ три года въ Харьковѣ, будетъ счастливѣе...

Н. Бѣляшевскій.

Къ портрету И. Ѳ. Тимковскаго.

При помѣщеніи въ Кіевской Старинѣ 1891 года, въ №№ 8, 9 и 10, статьи моей „Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени",—произошла ошибка, о которой было подробно разсказано въ замѣткѣ „Невольная ошибка", напечатанной въ декабрьской книжкѣ Кіевской Старины за тотъ же годъ, о чемъ теперь, въ виду прилагаемаго къ настоящей книгѣ портрета, надо напомнить читателямъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Желая приложить къ своей статьѣ портретъ И. Ѳ. Тимковскаго и зная, что въ Новгородсѣверской гимназіи сохраняются портреты двухъ первыхъ директоровъ ея—И. И. Халанскаго и И. Ѳ. Тимковскаго, я отнесся туда съ письменной просьбой снять и выслать мнѣ фотографическую копію имѣющагося въ гимназіи портрета И. Ѳ. Тимковскаго и въ отвѣтъ на эту просьбу получилъ портретъ, снимокъ съ котораго былъ приложенъ къ сентябрьской книгѣ Кіевской Старины, причемъ, по ошибкѣ типографіи, на немъ не было сдѣлано подписи.

Когда же статья моя появилась въ печати, находившаяся тогда въ живыхъ дочь И. Ѳ. Тимковскаго, Елисавета Ильинишна Андреева, передала мнѣ черезъ свою дочь О. А. Постельникову, что приложенный къ Кіевской Старинѣ портретъ изображаетъ не отца ея И. Ѳ. Тимковскаго, а ея дѣда И. И. Халанскаго (тесть И. Ѳ. Тимковскаго).

Изъ этого я увидѣлъ, что при исполненіи моей просьбы въ Новгородсѣверскѣ одинъ портретъ смѣшали съ другимъ—повидимому вслѣдствіе того, что въ гимназіи, сохранившей портреты двухъ первыхъ директоровъ своихъ, не сохранилось достовѣрной памяти о томъ, какой именно изъ этихъ двухъ портретовъ изображаетъ И. Ѳ. Тимковскаго и какой — И. И. Халанскаго.

Подобнымъ же образомъ, послѣ меня, и другія лица, желавшія имѣть портретъ И. Ѳ. Тимковскаго (какъ М. К. Чалый и Д. И. Багалѣй), получили изъ Новгородсѣверска снимки съ того самаго портрета, съ котораго и мнѣ былъ сообщенъ снимокъ, приложенный къ Кіевской Старинѣ.

Лицо, доставившее мнѣ снимокъ, когда ошибка обнаружилась, въ оправданіе своихъ дѣйствій, объяснило мнѣ, что снимокъ былъ сдѣланъ съ этого, а не съ другого портрета—потому, что на задней сторонѣ этого портрета имѣется надпись: „2-й директоръ И. Ѳ. Тимковскій“, что подтверждали мнѣ и другіе.

Когда и какъ случилось, что портретъ этотъ получилъ такую надпись—теперь нельзя опредѣлить. Если-бы ко времени появленія въ печати моей статьи не оставалось въ живыхъ близкихъ родныхъ И. Ѳ. Тимковскаго, ошибочность этой надписи вѣроятно никогда не обнаружилась бы и за портретомъ навсегда осталась бы репутація портрета И. Ѳ. Тимковскаго, за каковой въ Новгородсѣверскѣ и теперь продолжаютъ его выдавать. Въ виду же категорическаго утвержденія дочери И. Ѳ. Тимковскаго и внучки И. И. Халанскаго, что портретъ этотъ изображаетъ не Тимковскаго, а Халанскаго, я считалъ своею обязанностью, въ исправленіе сдѣланной ошибки, отыскать и доставить редакціи Кіевской Старины несомнѣнный портретъ И. Ѳ. Тимковскаго, который теперь и прилагается къ настоящей книгѣ.

Подлинникъ этого портрета, писанный масляными красками, принадлежалъ сыну И. Ѳ. Тимковскаго Василію Ильичу, а отъ него перешелъ къ его племянницѣ (внучкѣ И. Ѳ-ча)

О. А. Постельниковой, у которой и сохраняется въ настоящее время въ дер. Турановкѣ, Глуховскаго уѣзда.

Исполняя такимъ образомъ давно данное читателямъ Кіевской Старины обѣщаніе, отсылаемъ желающихъ ознакомиться съ дѣятельностью И. Ѳ. Тимковскаго, къ вышеупомянутой статьѣ, помѣщенной въ Кіевской Старинѣ 1891 года.

Н. Ш.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Памяти Алексѣя Петровича Стороженка. *(По поводу 25-лѣтія со дня его смерти).* 6 ноября текущаго года исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти А. П. Стороженка, одного изъ писателей малорусскихъ, произведенія котораго читались всегда съ большимъ удовольствіемъ и, вѣроятно, долго еще будутъ читаться съ неменьшимъ наслажденіемъ новыми поколѣніями въ нашей Украинѣ. Считаемъ умѣстнымъ по этому поводу посвятить имени А. П. Стороженка нѣсколько строкъ въ нашемъ журналѣ, чтобы вспомнить съ читателями все наиболѣе характерное въ жизни и литературной дѣятельности этого человѣка.

Въ жизни А. П. Стороженка (1805—1874 г. г.) нельзя отмѣтить ничего особенно выдающагося. Принадлежа по происхожденію къ полтавскому дворянству, ведшему свой родъ отъ старой козацкой фамиліи, А. П. Ст—ко обреченъ былъ родителями съ дѣтскихъ лѣтъ на прохожденіе въ будущемъ военной карьеры, почему и воспитывался въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. 18-лѣтнимъ юношей онъ уже поступаетъ на службу и послѣдовательно проходитъ всѣ первые военные чины, отличаясь на полѣ сраженія въ 1829 году, во время войны съ Турціей, и даже получая послѣ сраженія подъ Журжею почетную награду—орденъ св. Георгія, а затѣмъ участвуя въ усмиреніи польскаго возстанія въ 1831 г. Вскорѣ послѣ этого онъ покидаетъ военную службу и переходитъ въ гражданскую, занимая должность чиновника особыхъ порученій при ген.-губернаторѣ Бибиковѣ въ Кіевѣ, затѣмъ—въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и наконецъ—при ген.-губернаторѣ Муравьевѣ въ Вильнѣ, какъ разъ въ періодъ польскаго возстанія 1863 года, и слѣдовательно—теперь уже не въ роли защитника—воина, какъ было въ 1831 году, а въ качествѣ исполнителя

административныхъ предусмотрѣній съ перомъ въ рукахъ. Такъ-какъ вся эта дѣятельность ничѣмъ не связана съ послѣдующимъ его малорусскимъ писательствомъ, то говорить о ней подробнѣе не приходится. По выходѣ въ отставку, А. П. С—ко поселился въ своемъ имѣніи, въ Гродненской губерніи, и занималъ должности предводителя дворянства и предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей.

Указанные только-что факты изъ его жизни совершенно не объясняютъ намъ, какъ и почему онъ съ 50-хъ годовъ, будучи уже въ пожиломъ возрастѣ, обратился къ литературной работѣ на малорусскомъ языкѣ; скорѣе они могутъ объяснить нѣкоторыя изъ его статей на русскомъ языкѣ, какъ напр: «Встрѣча вновь назначеннаго довудцы», «Видѣніе въ Несвижскомъ замкѣ» „Эпизодъ изъ поѣздокъ по Западному краю", „Ксендзъ Мацкевичъ, предводитель шайки мятежниковъ", равно какъ и сотрудничество его въ такомъ органѣ, какъ „Вѣстникъ Западной Россіи", гдѣ и печатались только-что названныя произведенія въ 1864—65 годахъ. Думать надо, что писательство его на малорусскомъ языкѣ было результатомъ болѣе стихійнаго націонализма въ немъ, чѣмъ проявленіемъ идейности. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасный знатокъ малорусской народной рѣчи, образцово владѣвшій ею въ своихъ разсказахъ, онъ не только не выходитъ въ своихъ повѣстяхъ за предѣлы старинныхъ пріемовъ творчества въ духѣ анекдотическаго изображенія разныхъ сторонъ народной жизни, но даже и этнографическія черты Малороссіи воспроизводитъ въ какомъ-то романтически-сказочномъ освѣщеніи, не смотря на то, что къ началу 60-хъ годовъ въ малорусской литературѣ уже ясно обозначилось другое теченіе, болѣе приближенное и къ темамъ соціально-бытовымъ въ народной жизни, и къ воспроизведенію этой жизни въ образахъ вполнѣ реальныхъ. Говоря проще, А. П. Стороженко былъ человѣкъ съ громаднымъ талантомъ, но, какъ это нерѣдко бываетъ съ талантами, не установилъ для себя прочно обоснованныхъ принциповъ въ идеѣ народности. Поэтому, хотя онъ выступалъ съ большинствомъ своихъ разсказовъ въ „Основѣ" (1861—62 гг), но долженъ быть причисленъ къ той школѣ малорусскихъ писателей, которая даетъ, такъ-сказать, *этнографическую беллетристику* безъ соблюденія типичной вѣрности народныхъ чертъ, а главное—безъ привнесенія къ содержанію общественной подкладки. Нельзя не согласиться съ правдивостью характеристики разсказовъ Стороженка слѣдующими словами: «Онъ рисуетъ Малороссію какою-то сказочною

страною, гдѣ люди живутъ по всей своей властной волѣ, не зная ни горя, ни труда, живутъ себѣ, кушаютъ арбузы, пьютъ наливки, собираютъ карбованцы, поютъ пѣсенки да кохаются съ чернобривыми красотками. Счастливые обыватели Малороссіи не испытываютъ ни глада, ни труса, ни потопа, ни нашествія иноплеменниковъ» [1]). И не смотря на все это, повѣсти Стороженка, скажемъ опять, читались съ большимъ наслажденіемъ въ прошломъ, читаются съ удовольствіемъ теперь и будутъ еще читаться долго и впредь—такова ужъ сила таланта, завлекающаго васъ, даже при условіи сознанія съ вашей стороны того, что жизнь ставитъ на очередь иные вопросы и требуетъ на нихъ другихъ отвѣтовъ.

Въ чемъ-же именно сказывается сила таланта Стороженка, заставляющая насъ съ удовольствіемъ еще и еще разъ перечитывать его «Вусы», »Жонатый чортъ», «Се така баба, що ій чортъ на маховыхъ вылахъ чоботы подававъ» и проч.? Конечно, прежде всего въ томъ, что сталь и языкъ этихъ разсказовъ безупречно хороши и дышать всей прелестью сильной юмористической и вмѣстѣ съ тѣмъ художественной рѣчи малоросса-простолюдина, а также и въ томъ, что вы чувствуете въ нихъ вездѣ звучащую ноту чего-то своего, близкаго, ту ноту, которая въ васъ самихъ подогрѣваетъ любовь къ родному, любовь, естественную по своей природѣ, но иногда, подъ вліяніемъ слишкомъ сложныхъ жизненныхъ условій, уступающую мѣсто инымъ настроеніямъ.

В. Н.

Письмо къ редактору Кіевской Старины о стих. „Славянамъ".

М. Г., Владиміръ Павловичъ! Въ замѣткѣ вашей по поводу стихотворенія «Славянамъ», приписаннаго мною Шевченку (Кіевская Старина 1899 г. Іюль), Вы между прочимъ говорите, что вопросъ объ авторѣ этого стихотворенія останется открытымъ до тѣхъ поръ, пока я—не представлю мотивовъ, которые заставили меня приписать его Шевченку. Мотивы эти слѣдующіе: изучая хранящееся въ архивѣ Департамента Полиціи *Дѣло о Кирилло-меѳодіевскомъ обществѣ*, я обратилъ вниманіе на заявленіе донесшаго на это общество студента Петрова, который на допросѣ показалъ, что стихотвореній Шевченка

---

[1]) См. Н. И. Петровъ «Очерки истор. украин. литер. XIX в»., стр. 214.

онъ не имѣетъ, но что онъ могъ запомнить содержаніе только двухъ его стихотвореній: *Сонъ* и *Посланіе къ Родичамъ*. Когда, ознакомившись съ общимъ ходомъ дѣла, я приступилъ къ разбору бумагъ, захваченныхъ у каждаго изъ членовъ общества, то въ бумагахъ Н. И. я нашелъ недоконченное стихотвореніе, безъ заглавія, начинающееся словами: *Диты славы! Диты славы!*, которому я вслѣдствіе этого и далъ названіе *Славянамъ*. Хотя это стихотвореніе писано рукой, сильно похожей на руку Костомарова, но въ протоколѣ обыска, подписанномъ Костомаровымъ, оно приписано Шевченку. Предполагая, что это то же самое стихотвореніе, которое было извѣстно Петрову, подъ заглавіемъ: *Посланіе къ Родичамъ*, я счелъ себя въ правѣ приписать его Шевченку. Еще лѣтомъ прошлаго года я получилъ письмо отъ вдовы Н. И. Костомарова, въ которомъ она доказывала, что стихотвореніе *Славянамъ* принадлежитъ не Шевченку, но ея покойному мужу и было имъ самимъ напечатано въ *Основѣ* подъ заглавіемъ: *На добра нічъ*, а потомъ вошло въ собраніе его стихотвореній: *Збірныкъ творівъ Іереміи Галки*. (Одесса 1875 г.). Дѣйствительно, двукратное изданіе этого стихотворенія, и притомъ при жизни Н. И. Костомарова, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ общемъ оно принадлежитъ ему, но все таки остается вопросъ, кому же принадлежатъ 36 стиховъ въ стихотвореніи *Славянамъ*, которые Костомаровъ не счелъ возможнымъ включить въ стихотвореніе: *На добра нічъ?* Сличивъ стихотвореніе *Славянамъ* съ стихотвореніемъ *На добра нічъ*, я пришелъ къ заключенію, что послѣднее несомнѣнно навѣяно первымъ и что хотя въ ихъ обоихъ много тождественныхъ стиховъ, но въ стихотвореніи *Славянамъ* есть много стиховъ, которые не вошли, да и не могли войти, въ стихотвореніе *На добра-нічъ*, не говоря уже о томъ, что по духу они совершенно различны.—Вы справедливо замѣтили, что стихотвореніе *Славянамъ* носитъ на себѣ отпечатокъ славянофильскихъ идей, что оно проникнуто вѣрой въ возрожденіе славянства, тогда какъ въ стихотвореніи *На добра-ничъ* высказывается надежда на предстоящее обновленіе всего человѣчества въ духѣ правды и любви. Почему же не предположить, что написанные Шевченкомъ начальные куплеты стихотворенія *Славянамъ* вдохновили Костомарова, который, сидя въ крѣпости за славянскую идею, докончилъ стихотвореніе своего друга, но придавъ ему уже не славянскій, а общечеловѣческій характеръ, и для этой цѣли совершенно измѣнилъ его начало. Примѣры такого двойного авторства изрѣдка бываютъ въ ли-

тературѣ. Любителямъ поэзіи, вѣроятно, извѣстно прекрасное стихотвореніе Майкова *Старый Домъ*, но можетъ быть не всѣ знаютъ, что первые четыре стиха его:

> Ночь свѣтла, въ небесномъ полѣ
> Ходитъ Весперъ золотой,
> Старый дожъ плыветъ въ гондолѣ
> Съ догарессой молодой

принадлежалъ Пушкину и что, вдохновившись этимъ стихомъ, Майковъ только докончилъ начатое великимъ поэтомъ. Если предположить и въ данномъ случаѣ это двойное авторство, то станетъ вполнѣ понятнымъ и заявленіе Петрова, и то обстоятельство, что Костомаровъ безъ всякой оговорки подписалъ протоколъ обыска, приписавшій стихотвореніе *Славянамъ*—Шевченку. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ тутъ дѣло съ интересной литературной загадкой, которая, можетъ быть, разрѣшится только тогда, когда будетъ найдено окончаніе стихотворенія «Славянамъ».

Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи **Н. Стороженко.**

Гетманскій рецептъ отъ кашля. Д. И. Эварницкому удалось, какъ онъ сообщаетъ въ № 44 „Днѣпровской Молвы", при разборѣ частнаго архива землевладѣльца херсонск. у., Н. Н. Комотодіуса, найти одно письмо о томъ, какъ лѣчили простуду и кашель наши предки въ XVIII ст. Письмо это, написанное собственноручно гетманомъ Даніиломъ Павловичемъ Апостоломъ къ своей женѣ въ 1726 г. 28 ноября, слѣдующаго содержанія:

«Серденко. Еслиб лѣкарства разніе, от кашля вамъ даваеміе, в дефектѣ семъ не здѣлали никой ползы, то бы не худо было спробовать тихъ лѣкарствъ, которие я вамъ часто читалъ, а іменно: первое, на всякій кашель, и саміе удавнѣвшіеся,—положите въ яйце, въ смятку свареное, 4 золотника сѣрки, добре столченой; къ тому прибавте в величину гороха бенцоину, и випить яйце тое натощакъ; тоже здѣлать и у вечеру, спать ложась, и продолжать чрез нѣсколько дней. Бенцоинумъ есть гумма, которую выбирать, чтобъ была чистая, полискуючаяся, пахущая, а вовсе оставить такую, которая была б очень черная и нѣчимъ не пахла. Другое: возми 1 золотникъ

спирду теребентинного, 2 золотника цвѣтковъ сѣрчанихъ, називаемие flos sulfuris, или спирду резины в порошку, вложи в алембикъ, накритій слѣпою шапкою, перегонь, покуда повидишь капли в шапцѣ, и тогда готово. Доза или мѣра пріему отъ 8 капель в чистой водѣ до 10 капель. Вилѣчуетъ пулмонію, только б мало осталось еще что легкого, простуду и кашель. Все сіе можно спробовать, спросивши искусного лѣкаря и употребить, а безъ того я бы не совѣтовалъ для того, что лучше можетъ знать доброту ингредиенцій и мѣру, какъ можно іхъ полезно употребить, а особливо составъ алембика съ накритой слѣпой шапкой, котораго у насъ нѣтъ, и какъ в оное перегонить, огнем ли или пѣскомъ, а лучше б всего, когда б сего вамъ ненадобно было. Если бъ можно здѣлать такій алембикъ и достать всѣхъ вышепомянутих ингредиенцій, то бы лучше привезти сюда и тутъ здѣлать. Цѣлую васъ сердечне и Машенку. Остаюсь вашъ вѣрній мужъ Д. Апостолъ. 28 ноября».

Варіантъ пѣсни про дурня. Разсказъ о добродушномъ дурнѣ, который всюду суется съ добрыми пожеланіями и отовсюду получаетъ вмѣсто благодарности ругательства и побои, общеизвѣстенъ у многихъ народовъ, и не разъ былъ уже записанъ и въ Малороссіи (сравн.: Чубинскій, II, 489—492, Аѳанасьевъ, Сказки, III, 378—381; Grimm, Märchen, I, № 32; Zeitschrift für deutsche Mythologie, II, 386; Hahn., № 3; Врчевичъ, № 173). У великороссовъ варіантъ на эту же тему извѣстенъ въ стихотворн. формѣ, и впервые записанъ еще въ XVIII ст. Киршею Даниловымъ и изданъ Калайдовичемъ (см. Древнія россійскія стихотворенія, стр. 390—402). У насъ понынѣ извѣстны лишь два стихотворныхъ варіанта: одинъ, напечатанный въ V томѣ «Этнографічного Збірника», стр. 223—225 по записи Михаила Зубрицкаго, сдѣланной имъ еще въ 1880 г. въ Кропывныкѣ-Новимъ, Дрогобицкаго пов., и, затѣмъ, варіантъ, записанный въ Мизяковѣ (отъ лирн. Александра) г. Боржковскимъ и помѣщенный въ «Кіев. Старинѣ», за 1883 г. кн. XII ,стр. 640—642). Помѣщаемый нами ниже варіантъ взятъ изъ пѣсеннаго матеріала, собраннаго Максимовичемъ въ 1830—40-хъ годахъ. Гдѣ и отъ кого записана эта пѣсня—

не обозначено, хотя, судя по формѣ записи (карандашемъ, спѣшно), Максимовичъ записалъ ее со словъ пѣвца, въ моментъ исполненія [1]).

Дурень.

Ой якъ пишовъ Кузьма,
Ой якъ пишовъ дурень,
Голый по дорози,
Босый по морози.
Ажъ тамъ чоловикъ
Горохъ молотыть,
А винъ ёму каже:
«Дай тоби, Боже,
Симъ кипъ змолотыты,
Решето набраты!»
Ой тамъ Кузьму былы,
Дурня волочылы,
Чорныи кудри
Покривавылы!
Иде нашъ Кузьма,
Плаче, рыдае:
«Ой маты моя,
Маты Васылыхо!
На що мене ты навчыла
На такее лыхо?»
— «Ой ты, сынку, дурню,
Ой ты нерозумный!
Якъ трапытся вдруге
Таке дыво бачыть,
То ты кажы, сынку:
«Дай тоби, Боже,
Ни перевозыты,
Ни переносыты!»

—

Ой якъ пишовъ Кузьма,
Ой якъ пишовъ дурень,
Голый по дорози,
Босый по морози,
Ажъ тамъ чоловикъ
Дытыну ховае,
А винъ ёму й каже:
«Дай тоби, Боже,
Ни переносыты,
Ни перевозыты!»
Ой тамъ Кузьму былы,
Дурня волочылы,
Чорныи кудри
Покривавылы!
Иде нашъ Кузьма,
Плаче, рыдае:
«Ой маты моя,
Маты Васылыхо!
На що мене ты навчыла
На такее лыхо?»
— «Ой ты сынку, дурню,
Ой ты нерозумный!
Якъ трапытся вдруге
Таке дыво бачыть,
То ты кажы сынку:
«Вичная памъять,
А намъ на здоровья!»

—

Ой якъ пишовъ Кузьма,
Ой якъ пишовъ дурень
Голый по дорози,
Босый по морози,
Ажъ тамъ чоловикъ

---

[1]) Варіантъ, помѣщенный въ „К. Стар." взятъ въ основу для вольной передѣлки на ту же тему г. Гринченкомъ, подъ назв. „Кузьмына", въ брошюрѣ „Чыя робота важча. Кузьмына. Тры бажанна". Кіевъ, 1891 г.

Кабана смалыть.
А винъ ёму каже:
«Вичная памьять
А намъ на здоровъя!»
Ой тамъ Кузьму былы,
Дурня волочылы,
Чорныи кудри
Покривавылы!
Иде нашъ Кузьма,
Плаче, рыдае:
«Ой маты моя,
Маты Васылыхо!
На що мене ты навчыла
На такее лыхо?»
—«Ой ты сынку, дурню,
Ой ты нерозумный!
Якъ трапытся вдруге
Таке дыво бачыть,
То ты кажы, сынку:
«Дай тоби, Боже,
Самому пожыты
И людимъ роздаты!»

—

Ой якъ пишовъ Кузьма,
Ой якъ пишовъ дурень,
Голый по дорози,
Босый по морози,
Ажъ тамъ чоловикъ
Пидъ тыномъ с...
Кузьма ёму й каже:
«Дай тоби, Боже,
Самому пожыты
И людямъ роздаты!»
Ой тамъ Кузьму былы,
Дурня волочылы,
Чорныи кудри
Покривавылы!
Иде нашъ Кузьма,
Плаче, рыдае
Та на свою матиръ
Тяжко нарикае:
«Ой маты моя,
Маты Васылыхо!
На що мене ты навчыла
На такее лыхо?»
—«Ой ты, сынку, дурню,
Ой ты нерозумный!
Якъ трапытся вдруге
Таке дыво бачыть,
То ты изъ-за тыну
Каминемъ у спыну.

Ой якъ пишовъ Кузьма,
Ой якъ пишовъ дурень.
Голый по дорози,
Босый по морози,
Ажъ тамъ жинкы
Хусты полощуть,
А винъ изъ-за тыну
Каменемъ у спыну...
Ой тамъ Кузьму былы,
Дурня волочылы,
Чорныи кудри
Покривавылы!

Дополненіе къ тексту интермедіи „Замыслъ на попа“.

Въ дополненіе къ варіантамъ интермедіи «Замыслъ на попа», помѣщеннымъ въ «Кіевской Старинѣ» въ № 3-мъ 1885 г. и въ № 10-мъ

текущаго года, намъ присланъ М. Дикаревымъ новый варіантъ, записанный въ старинной тетради Острогожскаго купца Маркова подъ загл. «Прозба на попа слободы Нерушъ-мене отъ парафіанъ», мало чѣмъ разнящійся отъ приведеннаго въ 10 кн. текущаго года, на столько мало, что даже имена собственныя, обыкновеоно видоизмѣняемыя въ зависимости отъ новой редакціи, почти повсюду тождественны. Существенныя отличія встрѣчаются лишь въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Варіантъ 10 й кн.	*Новый варіантъ.*
Хто оченаша не вміе, той не причащае	А хто «оченашу» не знае, того и не исповѣдае, А якъ «троицѣ» не знае, то и не причащае.
Стѣижебо (?)	Отжебо
. . . на вѣрну Степѣвну	на Вирку Стецивну
Ось якъ дѣвуе и вѣцна небога	. . . Ивецка небога
Що й *на свѣтѣ* до неи нихто не загляне	. . . *на смѣхъ* . . .

Въ письмѣ дьяка:

бѣдныхъ защитителю всякой доброй надежды	. . . защитителю, сердцу доброи. . .
Новоглядинской епархіи	Навзглядской. . .

Затѣмъ слѣдуетъ вставка въ письмѣ дьяка, которой нѣтъ въ обоихъ раньше приведенныхъ варіантахъ. Беремъ за основаніе продолженіе варіанта 1885 года, какъ болѣе полнаго сравнительно съ варіантомъ 1899 года:

«Пресвитеръ Онуаріи Славолюбскій много намъ содѣлавъ пакости, удручаше бо великими наказаніями телеса наша и многое уже содѣлавше на хребтѣ нашемъ беззаконія, яже не бѣ лепно пресвитеру такова дела творити, яже тунеядець сеи пребеззаконныи изнуряетъ плоть нашу постомъ и молитвою, наигорше дѣяше, повелѣ бо небыти пѣснославленію, яже есть коляда, в пресвятый день Рождества Христова, также и прославленію честнаго пророка и мученика Предтечу Крестителя Иоанна, скакати юношамъ и дѣтямъ чрезъ огонь, обливаніе в пресвѣтлыи день Воскресенія Христова. Истребивъ сплетенія вѣнцевъ, аки мученическихъ, во время пяти

десятницы, но неудобѣ яже звѣрообразному оному пресвитеру Славолюбскому новая та веселия, яже бысть». . . Далѣе нѣсколько строкъ есть въ варіантѣ 1885 г.

Въ заключительныхъ строкахъ:

Варіантъ 10 й книги.	*Новый варіантъ.*
Благодарю покорно за вашу ласку, за ваши привѣты,	Благодарю покорно за ваши привѣты,
Иде пономарь до церкви звонити	Ходѣмо лишъ скорѣе, хочится питы
	Ато пора итичь до церкви звонити.

Заботы о брачныхъ союзахъ юношей духовнаго званія.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Кіевскій протопопъ и благочинный Дражевскій обратился съ „доношеніемъ" въ Синодъ, довольно оригинальнаго содержанія. Въ своемъ „доношеніи" протоіерей горько жаловался на то, что юноши духовнаго званія, окончившіе курсъ въ Кіевской дух. Академіи, а также по неспособности уволенные изъ нея, игнорируютъ дѣвицъ духовнаго званія и вступаютъ въ бракъ съ дочерьми Кіевскихъ мельниковъ, сапожниковъ, кожевниковъ и даже крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, имѣя въ виду приданное, которое дается за этими невѣстами; слѣдствіемъ такого положенія вещей является то, что дочери священниковъ и причетниковъ оказываются вынужденными выходить замужъ также за лицъ крестьянскаго званія и черезъ то теряютъ свои льготы, присвоенныя имъ по правамъ состоянія. Указывая на это обстоятельство, какъ на дѣло весьма обидное, протопопъ и доложилъ Синоду. Послѣдній, хотя и отослалъ „доношеніе" къ Серапіону Кіевскому съ приказаніемъ имѣть доносителя въ дикастеріи на примѣчаніи за подачу просьбы помимо епархіальнаго архіерея, однако, ссылаясь на св. Писаніе, правила св. отцовъ и законы, приказалъ, чтобы, если показаніе протоіерея справедливо, „о прекращеніи вышеозначенныхъ священно-церковнослужительскихъ дѣтей поступковъ приняты были надлежащія мѣры". («Русскій Архивъ, кн. 11»).

Текущія извѣстія.

М. А. Дикаревъ. *(Некрологъ).* 14 ноября, послѣ тяжкой болѣзни, скончался въ екатеринодарской больницѣ *М. А. Дикаревъ*, одинъ изъ прекраснѣйшихъ работниковъ въ области этнографическаго изученія малорусскаго народа, много потрудившійся для науки, какъ у насъ въ Россіи, такъ еще больше въ Галиціи, въ тамошнихъ научныхъ изданіяхъ. М. А. Дикаревъ между прочимъ былъ сотрудникомъ и нашего журнала, и еще такъ недавно (см. № 10-й текущаго года) помѣстилъ на страницахъ его свою статью, озаглавленную „Малорусское слово *паляныця* и греческое *πέλανος*“ и имѣющую цѣлью представить опытъ сближенія нѣкоторыхъ современныхъ украинскихъ обычаевъ и обрядовъ съ древне-греческими. Сообщая теперь кратко объ этой новой утратѣ для нашей науки, мы надѣемся въ ближайшихъ книжкахъ журнала дать болѣе подробныя свѣдѣнія о его біографіи и научныхъ работахъ. Погребеніе тѣла покойнаго было совершено 16 ноября, при чемъ на гробъ было возложено пять вѣнковъ и изъ нихъ одинъ съ надписью «Видъ землякивъ щырому украинцеви».

Труды Ф. Ржегоржа о русинахъ. Скончавшемуся недавно чешскому ученому Франтишку Ржегоржу (см. К. Ст. кн. XI, стр. 79) принадлежатъ между прочимъ, слѣдующіе труды о русинахъ, помѣщенные въ чешскихъ журналахъ—Průmyslové listy, Svetozor, Slovanský Sbornik, Zlatá Praha, Ruch, Kočty, Osvěta, Lumir, Vesna, Leda, Časopis Českého Musea, Zabavne listy, Narodni listy и др.: Гуцулы, Русины въ домашнемъ хозяйствѣ, Ордань у галицкихъ русиновъ, квѣтная недѣля, Ходачкова шляхта, Рождество Христово на Галицкой Руси, Рахманськый велыкдень, Пасхальныя игры, похоронъ Русиновъ, издѣлія и украшенія у гуцуловъ, день св. Юрія и ночь чаровницъ, свадьба, Меланки, народная медицина у Русиновъ, Гуцульская свадьба, церковныя братства въ Галицкой Руси, народный календарь Бойковъ, народный календарь Лемковъ и масса др.

Для собиранія матеріаловъ для упомянутыхъ работъ, Ржегоржъ совершалъ очень часто поѣздки по Галиціи; во время путешествій онъ

обращалъ вниманіе на внѣшній бытъ населенія, на кустарную промышленность, ручныя издѣлія крестьянъ и мѣщанъ, собиралъ обзоры и передавалъ въ музей Напрстковъ въ Прагѣ. Изъ всего этого составился довольно хорошій Русинскій отдѣлъ въ музеѣ. Кромѣ того онъ собралъ много украинскихъ книжекъ и періодическихъ изданій и отдалъ ихъ въ городскую публичную библіотеку въ Прагѣ, гдѣ онѣ также составляютъ особый отдѣлъ. Его смерть является крупной потерей какъ для чешской науки, такъ и для украинской. (Літерат.-Науков. Вістник, кн. XI).

Шевченко въ представленіи нѣкоторыхъ русскихъ писателей. Какъ хорошо нѣкоторые русскіе писатели знаютъ Шевченка, можетъ послужить образчикомъ слѣдующій, мелкій пожалуй, фактъ. Поэтъ Умановъ-Каплуновскій взялъ для сборника своихъ стихотворныхъ произведеній motto изъ Шевченка, изобразивъ его слѣдующимъ образомъ:

„За думою дума *риѳмъ* вилитае:
Одна давитъ серце, друга раздирае,
А третья тихо, тихесенько плаче
У самому серци—и нихто не бачить"

Извѣстный критикъ въ «Новомъ Времени» г. Буренинъ поднялъ на смѣхъ Уманова-Каплуновскаго: ибо если каждая риѳма давитъ и раздираетъ сердце поэта,—говоритъ онъ,—то г. Умановъ-Каплуновскій по этой причинѣ долженъ находиться въ очень печальномъ положеніи («Нов. Вр.» № 8468).

Тѣмъ не менѣе, ни поэтъ, ни г. критикъ по наивности и не подозрѣваютъ, что у Шевченка вмѣсто «риѳмъ» написано «роемъ».

Шевченко, какъ аргументъ въ пользу церковно-приходской школы. Въ № 17 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей« священникъ Липковскій, въ статьѣ «Псаломщики и церковныя школы», предлагаетъ проектъ—привлечь къ учительству въ этихъ школахъ сельскихъ псаломщиковъ (дьячковъ), и, между прочимъ, въ качествѣ аргумента въ пользу того, что дьячки могутъ быть годными народными учителями, приводитъ тотъ извѣстный фактъ, что «у дьяка началъ свое образованіе и украинскій поэтъ Тарасъ Шевченко». Жаль, что уважаемый

авторъ не подумалъ, ссылаясь на Шевченка, что за наука была у дьяка—пьяницы, и чѣмъ она завершилась... Аргументъ во всякомъ случаѣ, намъ кажется, не изъ удачныхъ.

Къ біографіи Н. Костомарова. Въ біографіяхъ Костомарова обыкновенно говорится, что, послѣ пребыванія въ Саратовѣ, историка пригласили на каѳедру русской исторіи въ Петербургскій университетъ. Теперь въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (сентябрь) напечатаны письма Костомарова къ управителю Казанскаго округа, откуда видно, что прежде, нежели пригласили Костомарова въ Петербургъ, онъ былъ приглашенъ въ Казанскій университетъ. Однако въ Казань ему не пришлось поѣхать, и упомянутое письмо отчасти объясняетъ и причины послѣдняго. Причиной, кажется, послужили «странныя писанія г. Саратовскаго губернатора», который «поставляетъ на видъ старыя событія изъ моей біографіи».

Лекціи г-жи А. Я. Ефименко объ И. П. Котляревскомъ. Въ актовомъ залѣ харьковскаго университета состоится публичная лекція г-жи А. Я. Ефименко, посвященная памяти автора «Перелицованной Энеиды» и «Наталки-Полтавки». Лекціи о Котляревскомъ г-жа Ефименко предполагаетъ прочесть также въ Екатеринославѣ и на родинѣ писателя—въ Полтавѣ. (Южн. Кр.).

Мѣсто для памятника И. П. Котляревскому. Мѣстомъ для постановки памятника Котляревскому въ засѣданіи думы 28-го октября, послѣ продолжительныхъ и горячихъ преній, избранъ бульваръ на Протопоповской ул., при чемъ опредѣленіе мѣста для памятника на бульварѣ предоставлено коммиссіи. (Полт. Вѣд.)

Служанка И. П. Котляревскаго. Въ Полтавѣ понынѣ живетъ крестьянка Варвара Делека, служившая у автора «Энеиды»; теперь ей уже болѣе 100 лѣтъ. Полтавская городская дума постановила, въ память Котляревскаго, выдавать ей на содержаніе ежемѣсячно по 8 руб. (Полт. Губ. Вѣд.).

Украинско-русскій народный Университетъ имени Шевченка. Въ концѣ октября во Львовѣ состоялось собраніе лицъ, дорожащихъ интересами народнаго просвѣщенія, въ томъ числѣ не мало молодежи,—по поводу основанія во Львовѣ народнаго университета имени Шевченка. Мысль объ этомъ возникла гораздо раньше, еще весной, передъ извѣстнымъ академическимъ вѣчемъ, поставившимъ требованіе объ основаніи полнаго украинскаго университета.

На собраніи, г. Е. Коссевичъ произнесъ рѣчь, въ которой обстоятельно изложилъ исторію развитія народныхъ университетовъ въ Европѣ, а затѣмъ г. Старосельскій прочелъ статутъ основываемой новой просвѣтительной институціи, дѣятельность которой будетъ всецѣло обращена на села.

Собраніе избрало коммиссію, которая должна будетъ разсмотрѣть предложенный статутъ и послать его затѣмъ въ Министерство. (Руслан, ч. 242).

Премія имени Гильфердинга. Годъ тому назадъ Петербургское Славянское Благотворит. Общество объявило конкурсъ на премію имени Гильфердинга за „лучшій очеркъ исторіи современнаго положенія зарубежной Руси“ (Галиціи, Буковины и Угорщины). По всей вѣроятности, на этотъ конкурсъ не поступило никакихъ трудовъ, такъ какъ „Сынъ Отечества“ (№ 272) извѣщаетъ, что срокъ подачи сочиненія отложенъ еще на годъ. (Премія равняется 3000 руб.).

Премія за сочиненіе, касающееся Украины. Имп. Одесск. Общ. истор. и древностей назначаетъ премію за наилучшій историческо-археологическій трудъ, касающійся Украины, изъ появившихся въ печати въ теченіе послѣдняго пятилѣтія. Премія будетъ выдана изъ процентовъ съ капитала имени Димитрія Княжевича. Срокъ пятилѣтія истекаетъ 14 ноября 1899 г. (Kwartalnik Historyczny).

Капиталъ, образуемый отъ продажи сочиненій Г. Ѳ. Квитки-Основяненко и находящійся въ распоряженіи харьковской уѣздной земской управы, опредѣляется теперь до 2,500 рублей. (Южн. Кр.)

Письма Гоголя. Послѣ скончавшейся въ маѣ текущаго года въ Москвѣ Н. Н. Соренъ, дочери извѣстной А. О. Смирновой, осталась очень большая и цѣнная переписка ея съ Гоголемъ, Жуковскимъ, и гр. Толстымъ. Особенно много писемъ Гоголя, изъ которыхъ одни подписаны его инициалами, а другія—полной фамиліей. (Изв. кн. маг. М. О. Вольфъ, Ч. III, кн. 1).

Земледѣльческіе кружки въ Галиціи. Въ № 1 (годъ II) журнала «Slovansky přehlend» помѣщена подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ статья С. Дашинской.

Земледѣльческіе кружки въ Галиціи существуютъ уже съ 1882 г. Цѣль ихъ—работа надъ поднятіемъ народнаго благосостоянія, просвѣщенія и нравственности. Къ концу 1898 г. число ихъ доходило до 1350, а число членовъ до—58.000. „Кружки" устраиваютъ по селамъ читальни, библіотеки, книги для каковой цѣли получаютъ отъ главнаго управленія. Затѣмъ, „кружки" въ цѣляхъ распространенія просвѣщенія устраиваютъ бесѣды и чтенія.

Огромной заслугой „кружковъ" является торговая дѣятельность,—основаніе торговыхъ заведеній (болѣе 1000) съ собственнымъ капиталомъ (болѣе 1.000.000). Лавки «кружковъ» снабжены не только предметами повседневнаго употребленія, но и желѣзными издѣліями, хлѣбомъ и т. п. Евреи совершенно исключены изъ этой торговли (въ число членовъ принимаются только христіане).

Малорусская труппа I. В. Скорбинскаго. Въ числѣ труппъ малорусскихъ, пользующихся болѣе или менѣе широкой извѣстностью, какъ труппы г. Кропивницкаго, г. Саксаганскаго, г. Суслова, въ районѣ Малороссіи, а часто и за ея предѣлами, дѣйствуютъ еще и малыя труппы въ достаточномъ числѣ. Одна изъ такихъ труппъ—труппа I. В. Скорбинскаго удачно ведетъ свои представленія въ Шаргородѣ, Под. губ., какъ объ этомъ извѣщаетъ корреспондентъ «Южнаго Края». Онъ пишетъ: «I. В. Скорбинскій гастролировалъ у насъ года четыре назадъ и оставилъ по себѣ хорошую память. Несмотря на то, что вслѣдствіе отсутствія удобнаго помѣщенія труппа вынуждена была играть въ заѣздѣ, сборы достигали 70—80 руб. въ вечеръ—суммы весьма солидной для такого захолустнаго мѣстечка, какъ Шаргородъ. Публика обрадовалась возможности поразвлечься; а театръ былъ

ежевечерно переполненъ какъ простымъ людомъ, такъ и интеллигентными лицами. Хотя играть въ заѣздѣ представляло массу неудобствъ, тѣмъ не менѣе спектакли проходили весьма удачно и въ сценическомъ отношеніи, благодаря тому, что въ труппѣ имѣлись хорошія силы. Особенно выдѣлялся игрой самъ распорядитель и глава товарищества г. Скорбинскій, успѣвшій стать популярнымъ далеко за предѣлами Шаргорода. На этотъ разъ не понадобилось играть въ заѣздѣ, такъ какъ въ помѣщеніи чайной попечительства о народной трезвости имѣется свободная зала съ готовой сценой и декораціями, приспособленная для игры кружкомъ любителей драматическаго искусства и отданная въ распоряженіе товарищества. На первый разъ поставлена была малорусс. оперет. въ 3-хъ дѣйств. «Сватання на Гончаривци», соч. Квитки-Основьяненка и водевиль „Если женщина рѣшила, то поставитъ на своемъ". Сборъ былъ порядочный, хотя не полный. На второй день поставлена была пьеса »Мартынъ-Боруля». И на этотъ разъ публика была въ восторгѣ отъ игры артистовъ вообще и г. Скорбинскаго въ особенности. Сборъ былъ порядочный. Затѣмъ поставлены были день за днемъ драмы: «Несчасне кохання» и «Жыдивка Выхрестка». До сихъ поръ спектакли прошли удачно, какъ въ сценическомъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи.

Крестьянскій театръ. Въ с. Полтавкѣ, херсонской губерніи, начальникъ почтоваго отдѣленія К. И. Балафатовъ, состоя членомъ общества трезвости и желая дать разумное развлеченіе населенію, пригласилъ нѣсколько человѣкъ изъ мѣстныхъ крестьянъ и предложилъ имъ устроить спектакль, на что они охотно согласились. Для перваго раза были разучены и поставлены двѣ пьесы: водевиль Дмитренка—„Кумъ Мирошныкъ" и Мирославскаго—„Кыйивськый ярмарокъ". Первый спектакль прошелъ съ такимъ успѣхомъ, что г. Балафатовъ рѣшилъ продолжать начатое дѣло,—и вотъ уже въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ каждый праздничный день въ Полтавкѣ устраиваютъ спектакли. Пьесы играютъ такія, какія можно было купить на мѣстѣ, на базарѣ у книгоношъ, т. е. большею частью не особенно высокаго достоинства:—„Козаче серце", „Богъ не безъ мылосты, козакъ не безъ щастя", „Бувальщына", „Замордованый Марко", но вмѣстѣ съ тѣмъ были уже попытки поставить и болѣе серьезныя и вполнѣ литературныя пьесы, какъ напр., «Розумный и дурень» Карпенка-Карого и «По

ревизіи» Кропивницкаго. Театръ посѣщается очень охотно не только мѣстными крестьянами, но и населеніемъ сосѣднихъ селъ. Сборы попусту не тратятся,—уже образовался капиталъ въ 150 руб., на который труппа намѣрена завести собственный оркестръ изъ 12 человѣкъ, тоже крестьянъ. Кромѣ лицъ, составляющихъ постоянную труппу, когда бываетъ надобность, приглашаются еще и другія лица, а также и хоръ; вообще, желающихъ принимать участіе въ спектакляхъ всегда находится очень много. Декораторомъ состоитъ г. Гладкій (почтальонъ), который устроилъ несложныя декораціи: видъ моря, видъ на село, лѣсъ и крестьянскую хату—богатую и бѣдную. Суфлируетъ г-жа Балафатова, режиссеръ—самъ г. Балафатовъ. Кромѣ послѣдняго, большое содѣйствіе этому благому начинанію оказываетъ мѣстный приставъ А. П. Александровъ.

Рядъ спектаклей въ деревнѣ—несомнѣнно хорошее и полезное дѣло, и можно только пожелать успѣха всѣмъ лицамъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ нему. Но при этомъ нельзя не выразить пожеланія, чтобы на будущее время и пьесы для спектаклей выбирались болѣе подходящія. Въ современномъ малорусскомъ репертуарѣ найдется очень много хорошихъ идейныхъ пьесъ,—ихъ то и желательно было-бы видѣть въ исполненіи актеровъ-крестьянъ и предъ сельской публикой, которая, конечно, сумѣетъ оцѣнить ихъ по достоинству. Несомнѣнно, что такіе спектакли окажутъ большую пользу мѣстному населенію, служа однимъ изъ средствъ умственнаго и нравственнаго развитія и облагораживая вкусы и привычки крестьянъ. (Кіев. Слово № 4254).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки Наукового товариства імени Шевченка. *Выходять у Львові що два місяці під редакцією Михайла Грушевського. Тт. XXV—XXX*

Даже поверхностнаго пересмотра этого изданія Галиціи совершенно достаточно для всякаго непредубѣжденнаго человѣка для того, чтобы увидѣть, какъ серьезна, какъ тщательна научная работа малороссовъ за предѣлами Россіи. Есть отдѣлы въ южно-русской исторіи, по которымъ немыслимо ученымъ въ Россіи не вѣдать того обширнаго научнаго матеріала, какой разработанъ въ Галиціи въ «Записках Наукового Товариства імени Шевченка». Не мало интереса въ этомъ смыслѣ приносятъ также особыя изданія того же Наукового Товариства по исторіи Украины-Руси, какъ напр. обширныя «Жерела до історії України-Руси» и, наконецъ большой томъ «Історії України-Руси» М. Грушевскаго.

Не мало интересныхъ статей и въ пяти томахъ, предстоящихъ нашему обзору.

Въ статьѣ *«Причинки до зносин Петра Дорошенка з Польщею в 1670—1672 року»*, принадлежащей перу Олега Целевича, читавшаго настоящій рефератъ въ исторической семинаріи, руководимой профессоромъ М. С. Грушевскимъ, находимъ документальныя указанія на дипломатическія сношенія Петра Дорошенка съ Польшею въ то время, какъ Московское правительство отвергло право Дорошенка на гетманство на лѣвой сторонѣ Днѣпра и, въ силу Андрусовскаго договора, отказалось отъ мысли соединить правый и лѣвый берегъ Днѣпра подъ своею державою. Извѣстно, что и Польша отказалась признать

правобережнымъ гетманомъ Дорошенка, слишкомъ автономнаго дѣятеля изъ среды козаччины. Острожская коммиссія окончилась избраніемъ въ гетманы праваго берега уманскаго полковника Михаила Ханенка, готоваго, какъ и большинство козацкихъ старшинъ, дѣйствовать въ угоду высшей власти, какою являлась въ то время Польша. Но Дорошенко и послѣ избранія Ханенка былъ ревностно поддерживаемъ украинскимъ народомъ, и польское правительство волей-неволей должно было вести съ нимъ дипломатическіе переговоры.

Г. Целевичъ указываетъ, что не легко было украинскому народу, издавна ненавидѣвшему татаръ и турокъ и издавна привыкшему бить ихъ, теперь признать въ нихъ своихъ союзниковъ и даже подчиниться турецкой власти. Между тѣмъ, Дорошенку только и оставалось, что признать надъ Украиной вассальную власть Турціи, хотя бы на время Ему нужно было, чтобы его краемъ завладѣли Турки и отняли бы его отъ Поляковъ; этимъ Турки развязали бы узелъ, завязанный Андрусовскимъ договоромъ, отнимавшимъ у Московскаго правительства право распоряжаться Украиной праваго берега Днѣпра. При такомъ условіи, онъ думалъ, Московское правительство охотно признаетъ его, Дорошенка, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Но прежде чѣмъ прямо идти къ этой цѣли, онъ всячески старался склонить Польское правительство къ болѣе благосклонному отношенію къ Украинѣ и къ нему, Дорошенку. Ему слишкомъ рѣзкимъ казался переходъ къ союзничеству съ Турками, чуялось, что добра изъ этого въ концѣ концовъ не выйдетъ. Отсюда рядъ его дипломатическихъ сношеній, рядъ писемъ его къ представителю тогдашней Рѣчи Посполитой, великому коронному маршалку Яну Собѣсскому.

Въ 1881 году появились эти матеріалы въ краковскомъ изданіи «Acta historica res gestas Poloniae illustrantia 1507—1795, vol II, tom 1, pars I—II» подъ особымъ заглавіемъ «Pisma do wieku i spraw Iana Sobieskiego». Матеріалами этими до сихъ поръ для уясненія политики Дорошенка еще никто не воспользовался. Авторъ по нимъ слѣдитъ сношенія Дорошенка съ Польшею до 1670 года, потомъ сношенія его со времени острожскихъ переговоровъ и, наконецъ, обстоятельства, вызвавшія турецко-козацкое движеніе за время 1672 г. Предъ читателемъ проходитъ здѣсь рядъ событій, показывающихъ, какъ Дорошенко, сперва весьма склонный на миръ съ Поляками, постепенно утрачиваетъ въ нихъ всякую вѣру и въ концѣ концовъ убѣждается въ необходимости вести свое дѣло въ союзѣ съ Турками. При этомъ

мы узнаемъ, какъ смотрѣлъ, на все дѣло Украины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на возможность Рѣчи Посполитой выйти съ нѣкоторой честью на свѣтъ божій, такой замѣчательный дѣятель, какъ будущій польскій король Янъ Собѣсскій.

По мнѣнію Собѣсскаго, существуетъ три способа вывести Польшу изъ труднаго положенія послѣдней четверти 17 вѣка. Первый, наиболѣе вредный и нечестный, это исполнить все, чего желаетъ Турецкій султанъ, отречься Польшѣ отъ Украины, совсѣмъ отъ нея отступиться. Способъ этотъ вреденъ и Польшѣ, и всему христіанскому міру, потому что при немъ увеличились бы силы Турокъ не малымъ числомъ храбрыхъ людей, да и Запорожье, вѣчно Туркамъ колющее въ очи, на вѣки бы загинуло. Другой способъ—допустить все, чего хочетъ Дорошенко, и какъ-нибудь позолотить эту пилюлю Ханенку для того, чтобы онъ оставался вѣренъ Польшѣ. Допустить все требуемое Дорошенкомъ надо: Украина крѣпко держится за Дорошенка, потому что за дѣло Дорошенка стоитъ не только Турція, но и Москва, и наконецъ потому, что и Ханенко не мало требуетъ отъ Польши— и уничтоженія уніи, и увеличенія числа запорожцевъ до 50. 000, и запрещенія расквартированія польскаго войска въ украинскихъ городахъ, и зачисленія въ козацкіе полки полка Подольскаго, такъ, чтобы Могилевъ сталъ пограничнымъ городомъ. Тогда Турки, потерявъ довѣріе къ козакамъ, соединятся съ Поляками и выгубятъ невѣрный украинскій народъ. А на случай если-бъ у Турокъ не пропала охота воевать съ Поляками, то имъ пришлось бы сперва нападать на Украину, и козаки, въ соединеніи съ Поляками, дали бы тогда Туркамъ себя знать, какъ это показываетъ Хотинская битва. Но при этомъ способѣ надо дѣйствовать поспѣшно, ибо если прибудутъ въ Украину турецкія войска, тогда Украина не будетъ больше «sui juris». Третій способъ—это храбрая борьба за отечество и христіанство. Но возможенъ ли этотъ способъ? Собѣсскій указываетъ на недостатокъ войска. Надо на войну и денегъ, а какъ положиться на тѣ подати, которыя утверждаетъ сеймъ.[9]

Янъ Собѣсскій предстаетъ предъ нами давнимъ фанатикомъ христіанской идеи искорененія Турокъ изъ Европы; для этого онъ очень не прочь воспользоваться силами козаковъ-украинцевъ, но, при измѣнившихся обстоятельствахъ, онъ тоже очень желаетъ «выгубить невѣрный Украинскій народъ» хотя бы силами тѣхъ же противниковъ христіанъ—Турокъ.

Очеркъ Целевича полезенъ въ научномъ отношеніи. Къ сожалѣнію только, авторъ, при большой специализаціи, не вводитъ читателя въ кругъ идей, которыя въ XVII в. преслѣдовалъ гетманъ Дорошенко.

Въ другой статьѣ г. Олега Целевича *«Участь козаків в Смоленській війні 1633—1634 рокахъ»* указывается, какъ естественное движеніе козаковъ къ реакціи польскому правительству было прервано въ 1633—34 годахъ участіемъ козаковъ въ походѣ короля Владислава на защиту Смоленска. Авторъ слѣдитъ за дѣятельностью козаковъ въ этой войнѣ на основаніи польскихъ дневниковъ, веденныхъ въ то время, и на основаніи другихъ источниковъ. Такъ, онъ беретъ свои свѣдѣнія изъ: 1) Dijaryusza wojny moskiewskiej 1633 roku» Яна Москожовскаго, изданнаго А. Рембовскимъ въ XIII т. библіотеки Красинскихъ, и считаетъ этотъ дневникъ наиболѣе обстоятельнымъ, 2) «Przyczynki do historyi wojny moskiewskiej z lat 1633—1634 wraz z planem oblęzenia Smolenska, изданія Лиске въ XI т. библіотеки Оссолинскихъ, 3) «Pamiętniki Albrychta St. X. Radziwilla» т. I., изданныхъ въ Познани въ 1839 г. Эдуардомъ Рачинскимъ, 4) Przylęcki: Pamiętniki o Koniecpolskich, 5) изъ перваго тома Русской Исторической библіотеки, заключающаго въ себѣ памятники, относящіеся къ смутному времени и въ частности «Отрывки дневника о войнѣ царя Михаила Өедоровича съ польскимъ королемъ Владиславомъ 1632—1634 г.», 6) изъ актовъ, собранныхъ въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи археографическою экспедиціею т. III, 7) изъ актовъ историческихъ, собранныхъ и изданныхъ археографическою коммиссіей т. III, и 8) изъ актовъ Московскаго государства, изданныхъ въ 1890 г. академіею наукъ въ Петербургѣ. Кромѣ того, авторъ пользовался еще многочисленными источниками, хранящимися въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, часть которыхъ онъ и приводитъ въ приложеніи къ своей статьѣ. Наконецъ, источниками статьи служили соотвѣтствующіе отдѣлы въ «Исторіи Россіи» Соловьева, также Вассенберга, въ „Gestorum glorissimi ac invictissimi Vladislawi IV, partis secundae liber primus“ и Котлубая „Odsiecz Smolenska i pokoi Polanowski“. Авторъ тщательно слѣдитъ за всѣми перипетіями войны, начиная отъ разрыва Деулинскаго перемирія въ 1633 году до Поляновскаго мира 1634 г. Война эта интересна между прочимъ по участію въ ней будущаго гетмана запорожскаго Богдана Хмельницкаго въ качествѣ сотника, но объ этомъ эпизодѣ г. Целевичъ не

упоминаетъ. Къ сожалѣнію, статья отличается спеціальнымъ характеромъ и читается съ нѣкоторымъ трудомъ.

Въ статьѣ *„Писаня І. П. Котляревского въ Галичинѣ“* д-ра И. Франка мы находимъ очень обстоятельный пересказъ о судьбѣ произведеній Котляревскаго въ Галичинѣ. Первые слѣды знакомства Галичанъ съ Энеидою не восходятъ раньше 20-хъ годовъ нашего столѣтія. Изданіе Энеиды 1809 года было въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, учрежденной въ 1817 году, и тутъ, вѣроятно, познакомилась съ произведеніемъ Котляревскаго нѣкоторые студенты-русины; университетская же библіотека имѣетъ только изданіе 1842 года, и то исправленное, вѣроятно, уже въ 1848 году. Съ Энеидою познакомился Шашкевичъ, вѣроятно, уже въ 1830—32 годахъ по экземпляру библіотеки Оссолинскихъ. По тому же экземпляру познакомился съ нею и Головацкій. Другое изданіе, изданіе 1808 гола, было только въ рукахъ Осипа Левицкаго, автора извѣстной грамматики 1838 г. Изъ съѣзда русскихъ ученыхъ 1848 г. мы имѣемъ отзывы о произведеніяхъ Котляревскаго, доказывающіе, что творенія его занимали замѣтное мѣсто въ галицко-русскомъ возрожденіи. Такъ, Николай Устіановичъ поминаетъ Котляревскаго, когда заявляетъ, что при желаніи Галичанъ веселой литературы, они должны браться за Котляревскаго. Затѣмъ, Головацкій въ своей «росправѣ о языцѣ южнорусскомъ и его нарѣчіяхъ», читанной на означенномъ съѣздѣ, говоритъ о Котляревскомъ, какъ о томъ, кто «первый показавъ дорогу до заведенія укр.-руськоі мови в книжну літературу, перелицевавши Енеиду и написавши кильва оперъ“. Тогда же Вагилевичъ отдалъ дань таланту Котляревскаго, призвавъ, что его произведенія всегда будутъ украшать украинскую литературу своимъ юморомъ и необыкновенно гладкой концепціей произведеній. Въ лекціяхъ своихъ Головацкій также высоко цѣнилъ Котляревскаго уже въ 1849 году. Онъ писалъ между прочимъ тогда, что Котляревскій «завсигды старався народнисть малоруску пиднести, языкъ малорускый пидвысыты, ставлячы его або въ противоположносты до кныжного, або до російского (великорусскаго)». Но Головацкій хотя и чуялъ чисто національное значеніе Энеиды, не умѣлъ однако оцѣнить его. Люди той поры отлично чувствовали свое русское происхожденіе и любили свою «руськість», но они видѣли передъ собою какую то абстрактную Русь, и потому то и возможенъ такой быстрый переходъ Головацкаго отъ формальнаго націонализма малороссійскаго къ абстрактному націонализму

«обще-русскому». Зналъ Головацкій и «Оду до Куракина», неизвѣстно отъ кого имъ полученную. Въ приводимыхъ имъ 20-ти первыхъ стихахъ этой оды замѣтны измѣненія въ текстѣ противъ изданія ея Кулишемъ. Все это свидѣтельствуетъ о живомъ интересѣ широкаго круга образованныхъ людей въ Галичинѣ произведеніями Котляревскаго. Но въ 1849 году эта живая струя рвется. Наступила пора удаленія съ живого пути русской интеллигенціи. Это удаленіе, объясняемое недостаточностью культурности, недостаткомъ знаній среди народныхъ массъ и отсутствіемъ пониманія соціальныхъ и экономическихъ нуждъ народа, было большимъ десятилѣтнимъ антрактомъ въ исторіи Галицкаго духовнаго развитія. То, что тогда утратили Галичане, и до сихъ поръ чувствуется галицкою интеллигенціею. Въ результатѣ тогдашнихъ утратъ галицкаго населенія былъ, между прочимъ, разрывъ съ духовнымъ проявленіемъ жизни на Украинѣ, съ развитіемъ ея литературы и идеаловъ. Мысли Кирилло-Меѳодіевскаго братства не проникли въ Галицію, да если бы и проникли, то едва ли были бы поняты тогдашнимъ іерархическимъ и чинопоклоннымъ обществомъ, которое въ то время «вело передъ» въ Галичинѣ. Только въ 60-хъ годахъ волна украинскаго вліянія снова набѣжала на Галицію. Въ это время несъ украинскія теченія въ Галицію Кулишъ. Но Кулишъ недостаточно проникся значеніемъ Котляревскаго. Онъ нерѣдко передѣлывалъ отдѣльныя мѣста въ его произведеніяхъ и въ такомъ видѣ издавалъ ихъ въ Галичинѣ. Затѣмъ покойный профессоръ Онишкевичъ положилъ первое основаніе для надлежащаго пониманія Котляревскаго. Но онъ не долго работалъ на этой нивѣ и показалъ, что невозможно приступать къ изданію Котляревскаго съ такимъ ничтожнымъ матеріаломъ, какой былъ въ его распоряженіи. Впослѣдствіи ученикъ его В. Коцовскій издалъ III т. «Руської бібліотеки», который можно назвать началомъ изученія національнаго возрожденія въ Галичинѣ; здѣсь указано и значеніе произведеній Котляревскаго на проявленіе этого возрожденія. Дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи принадлежатъ профессору Драгоманову.

Несомнѣнно, данный очеркъ д-ра Франка весьма важенъ для характеристики литературнаго положенія дѣлъ въ Галиціи въ первой половинѣ настоящаго вѣка. Даже высоко-талантливымъ произведеніямъ Котляревскаго, доступнымъ обширному кругу читателей, съ немалымъ трудомъ доводилось пробивать себѣ дорогу въ Галиціи.

Др. И. Франку принадлежитъ еще статья *«Галицкий москаль Чарівник»*. Авторъ приводитъ тутъ пьесу о. Степана Петрушевича, написанную на ту же тему о невѣрной женѣ, что и пьеса Котляревскаго, и написанную въ 30-хъ годахъ, во всякомъ случаѣ передъ опубликованіемъ «Москаля Чарівника», который былъ изданъ только въ 1842 г. О. Степанъ Петрушевичъ родился въ 1770 г. и умеръ 1860 г.; онъ былъ современникомъ Ивана Петровича Котляревскаго. Онъ много писалъ на своемъ вѣку, но до насъ дошелъ небольшой и недурной сборникъ народныхъ проповѣдей, напечатанный въ 1854 году въ «Przyjacelu domowym» въ Львовѣ съ нѣкоторыми цензурными выпусками. Д-ръ Франко при этомъ сомнѣвается въ справедливости догадки проф. Н. П. Дашкевича, будто Котляревскій имѣлъ надобность заимствовать свою тему изъ французской комической оперы «Le soldat magicien», текстъ которой профессоръ долженъ былъ отыскать въ British Museum. При этомъ др. Франко приводитъ еще нѣсколько варіантовъ разсказа о «Гостѣ Терентіи», столь многочисленныхъ и у насъ, и въ Галиціи.

Занимающійся славянской діалектологіей найдетъ для себя цѣнныя фактическія замѣтки въ обширной статьѣ г. Ивана Верхратскаго *«Знадоби для пізнаня угорско-руских говорів»*. По мнѣнію автора, говоръ угорскихъ русскихъ, числящихся всего въ полъ-миліона, представляетъ много подробностей, заслуживающихъ вниманія. Кромѣ того, авторомъ приведена масса мѣстныхъ малорусскихъ преданій, загадокъ, пословицъ и народныхъ пѣсенъ, какъ образцовъ угорско-русскаго говора, замѣчательныхъ тѣмъ, что всѣ они записаны съ соблюденіемъ фонетическихъ особенностей въ правописаніи. Заканчиваетъ авторъ статью свою небольшимъ лексикономъ особенныхъ словъ угорско-русскаго языка, переведенныхъ на малорусскій (галицкій) и на нѣмецкій языки.

Въ статьѣ г. М. Грушевскаго *«Описи Ратенского Староства з 1500—1512 р.»* дается продолженіе наиболѣе давнихъ инвентарей, которые началъ опубликовывать авторъ въ «Запискахъ наукового Товариства імени Шевченка». Ратенское староство, состоявшее изъ двухъ волостей, Ратенской и Ветельской, тянулось долгимъ (200 верстъ) поясомъ надъ верхнею Припетью, врѣзываясь клиномъ въ территорію в. кн. Литовскаго, между ковельскимъ староствомъ и Берестейской землею, и причислялось къ Холмской землѣ польской короны. Это было глухое полѣсье, и тутъ архаичныя формы общественныхъ отношеній держались дольше и прочнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, вслѣдствіе

чего ратенскіе инвентари особенно интересны. Отъ общественныхъ и административныхъ отношеній Ратенскаго староства въ началѣ XVI вѣка вѣетъ глубокою давностью: нерѣдко во многихъ отношеніяхъ мы переносимся ко временамъ формированія русской державной власти; такъ, тутъ, какъ и въ X вѣкѣ, медъ, куницы и бѣлки служили средствомъ для оплаты податей. Отъ дворища еще въ XVI вѣкѣ давали по бѣлкѣ, совсѣмъ какъ въ X вѣкѣ «по бѣлой веверицѣ отъ дома»; куницы фигурировали въ видѣ различныхъ оплатъ; лисицы тоже служили «данью». Медъ еще игралъ важную роль, какъ и въ X вѣкѣ, и давался подъ разными именованіями: давали медъ липовый, потомъ медъ осенній или медъ данный. Полюдье, про которое разсказываетъ намъ въ срединѣ X вѣка Константинъ Порфирородный, сохранило и свое имя, и свое значеніе до XVI вѣка. Оно извѣстно подъ терминами: поклонъ, почта, стація и по поясненію люстраціи 1564 г.: «полюдье зъ давнихъ часивъ дають на пидстарости въ певныхъ часахъ, якъ винъ прииздыть до нихъ на грунтъ». Полюдье давали съ отдѣльныхъ хозяйствъ то медомъ, то деньгами. Обращаютъ еще на себя вниманіе между всякими податками такіе, какъ poczerewczizna, или—по разъясненію рестра 1510 года—poczerewczizna, pobrzuchowszczyzna, jus primae noctis (право первой ночи); по люстраціи 1569 года—poczerewczizny gdy się kto zeni, gdy ktori czlowiek tak wiarę z wdową albo z driewką chczal myeskacz—безъ вѣнчанія; однимъ словомъ poczerewczizna есть та же подать, которая извѣстна въ другихъ русскихъ королевскихъ имѣніяхъ—«poiemszczyzna». Хозяйственною и податною единицею было дворище, подъ которымъ разумѣлись частію близкіе свояки, частію болѣе далекіе свояки или и совсѣмъ чужіе люди общевладѣльцы. Встрѣчаемъ и такое, что хозяинъ платитъ какъ одно-общественникъ извѣстнаго дворища, но въ то же время поддерживаетъ и другое дворище и за то дворище платитъ особо. Всѣ села пользовались русскимъ правомъ, измѣренія грунтовъ вовсе не было слышно, подати не нормировались какими-либо одинаковыми нормами и были различны для отдѣльныхъ хозяйствъ. Подати, вообще, очень разнообразныя и многочисленныя, мѣнялись для разныхъ селъ. Панщины регулярной, очевидно еще не было. Впрочемъ, инвентарь 1512 года говоритъ про ратенскую волость, что здѣшніе люди «мають зъорати и зробити (засѣять) поле и зибрати урожай до фильворку», и про ветельскую: «мають зъ усих замковихъ синожатей зибрати сіно до замку, ходити зъ пидводами куди треба буде, будоваты и поправляты замокъ

та звозыты дерево своимъ коштомъ». Но эти фольварочныя работы не должны были занимать много времени, судя по описямъ фольварочныхъ доходовъ; хозяйство въ нихъ велось небольшое, поэтому вся повинность крестьянъ для фольварковъ опредѣлялась въ нѣсколько дней въ году. Потомъ уже, въ 1556 году, напримѣръ, явился большій фольваркъ, требовавшій большихъ повинностей отъ крестьянъ. Ратенская волость въ 1500 году подверглась нападенію татаръ, и нѣсколько селъ въ ней сгорѣло. Въ заключеніе приведена и самая люстрація 1500 г. Цѣнность статьи г. Грушевскаго несомнѣнная.

Встрѣчаемъ далѣе въ «Записках Наук. Товариства імени Шевченка» археологическую замѣтку г. М. Грушевскаго *«Молотовське срібло»*. Здѣсь разсмотрѣна имъ находка на глубинѣ метра, на новомъ кладбищѣ въ Демидовѣ, составляющемъ филію с. Молотова, вблизи Николаева надъ Днѣпромъ. Находка эта состоитъ изъ браслета, пары наручниковъ большихъ, пары наручниковъ маленькихъ, пары сходныхъ, но не тождественныхъ колечекъ, пары одинаковыхъ колечекъ для привѣшиванія къ серьгамъ, изъ перстней и 65 чешскихъ монетъ Вячеслава II (1278—1305) и короля Ивана I Люксембургскаго (1311—1345). Г. Грушевскій находитъ очень интересными и самые предметы находки, и мѣсто ея, ибо вообще галицкія находки до сихъ поръ почти не входили въ кругъ изслѣдованій по русскому искусству, и, наконецъ то, что находка эта имѣетъ точную дату. Молотовская находка показываетъ, по свидѣтельству г. Грушевскаго, что искусство княжеской поры, носившее слѣды византійскаго вліянія и сосѣднихъ съ Русью народовъ, имѣетъ свои остатки и въ западной окраинѣ украинско-русской земли, и что это искусство процвѣтало въ Украинѣ еще въ XIV вѣкѣ и вѣроятно исчезло подъ новыми западными вліяніями, которыя принесли съ собою XIII и XIV вѣка. Замѣтка г. Грушевскаго очень обстоятельна и заслуживаетъ вниманія спеціалистовъ.

Г. Юліанъ Левицкій въ статьѣ подъ заглавіемъ *«1 и 2 падолиста 1848 р. у Львові»* приводитъ цѣлый рядъ брошюръ, откликовъ и прокламацій, относящихся къ 1848 году и дальнѣйшимъ. Всѣ приведенные имъ матеріалы покамѣстъ были не въ печатномъ видѣ, и представляютъ собою точный отчетъ по революціонной агитаціи Галиціи 1848 года и особенно по львовскимъ разрушеніямъ, имѣвшимъ мѣсто 1 и 2 ноября этого года. Отчетъ этотъ тѣмъ интереснѣе, что онъ составленъ тогдашнимъ министромъ юстиціи, барономъ Гольбергомъ. Результаты слѣдствія были достаточно мирными; оно про-

заводилось значительно позже событій и носитъ на себѣ дату 24 мая 1851 года. Въ приводимой рукописи нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія про русиновъ, про ихъ положеніе и участіе въ фактахъ 1848 года. Авторъ, торопясь познакомить читателей съ своими источниками, ограничивается только ихъ приведеніемъ въ точномъ печатномъ воспроизведеніи и отказывается отъ какихъ-либо своихъ высказываній.

Наконецъ, находимъ въ «Запискахъ еще статью г. *Л. Ч.*— «*Україна після 1654 року*». Статья эта является обзоромъ въ краткихъ, но ясныхъ чертахъ положенія Украины послѣ присоединенія ея къ Московскому Государству. Начиная съ 1654 г. и вплоть до расцвѣта политической системы Екатерининской эпохи, авторъ шагъ за шагомъ отмѣчаетъ возростающее несоотвѣтствіе между правительственными мѣрами и стремленіями украинскаго народа.

Когда украинскій народъ присоединялся къ Московскому государству, у него было четыре завѣтныхъ желанія: 1) полное обособленіе отъ Польши своей территоріи, 2) сохраненіе подъ протекціей Москвы автономія своего края,—хотя бы во внутреннихъ дѣлахъ, 3) уничтоженіе крѣпостничества и 4) сохраненіе церковнаго устройства въ томъ видѣ, въ какомъ оно было до тѣхъ поръ у нихъ.

Что касается перваго пункта, то время и послѣдующія событія показали, что горячія желанія Украинцевъ избавиться отъ польской власти подъ покровомъ единовѣрной державы не нашли сочувствія у послѣдней. Если сравнить границы Украины 1654 г., обнимавшей пространство по обѣ стороны Днѣпра отъ Горыни, Случи, Днѣстра и Ингула—съ одной стороны, отъ Припети, Десны, Сейма до Запорожской Сѣчи—съ другой, съ границами, напримѣръ, Андрусовскаго договора (1667) и трактатовъ—1681 и 1686 годовъ, по которымъ все правобережье отошло къ полякамъ, а огромное пространство отъ Кіева до Запорожья, фактически обращалось въ пустыню,—выводъ будетъ очевиденъ.

Если обратиться ко второму пункту, то и здѣсь прійдется констатировать постепенное ограниченіе автономіи малорусскаго народа. Исконное право избирать по собственному желанію гетмана сначала постепенно ограничивается вмѣшательствомъ Московскаго правительства, а затѣмъ и совершенно уничтожается; гетманская власть на время замѣнялась «Малороссійской коллегіей» (1722), «Малороссійскимъ правленіемъ» (1734), вторичной «Малороссійской коллегіей» (1764), которая уже служитъ предѣльнымъ срокомъ существованія

гетманской власти; да и самая власть гетмана подверглась огромнымъ стѣсненіямъ: она лишилась многихъ правъ и привилегій, издавна пріобрѣтенныхъ. Кромѣ того, реформы были произведены въ судебномъ устройствѣ. Запорожье же прекратило свое существованіе.

И третье желаніе,—избавиться отъ крѣпостничества—имѣло столь же печальную судьбу, какъ оба вышеуказанныя. Временная зависимость крестьянъ отъ державцевъ обратилась постепенно въ «послушенство» съ правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому, а затѣмъ и послѣднее право было у нихъ отнято, и указомъ 1783 г. была утверждена полная крѣпостная зависимость.

Переходя, наконецъ, къ послѣднему желанію украинскаго народа—сохраненію церковнаго устройства, мы видимъ, что и здѣсь произошли постепенно измѣненія и ограниченія въ церковной автономіи. Мало-по малу былъ уничтоженъ обычай избранія паствой какъ митрополитовъ, такъ и пастырей.

Въ общемъ, трудъ г. Л. Ч. хотя и написанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ теченіе которыхъ кое-какія детали въ разсматриваемую эпоху подверглись болѣе полному обслѣдованію, тѣмъ не менѣе, какъ общая характеристика судебъ Украины, онъ является полезнымъ вкладомъ если не въ историческую науку, то въ литературу, имѣющую въ виду распространеніе основательныхъ знаній по исторіи.

Въ заключеніе, нельзя не отмѣтить весьма богатаго отдѣла библіографій, составляемыхъ съ величайшей тщательностью по всѣмъ отраслямъ наукъ, по скольку онѣ касаются культурной жизни украинскаго народа.

Приведенный нами разборъ пяти книгъ «Записок наукового Товариства імени Шевченка», надѣемся, даетъ право намъ считать означенныя „Записки“ серіознымъ литературнымъ явленіемъ на малорусскомъ языкѣ.

А. М.

„Этнографічний збірник“. *Видае наукове товариство імени Шевченка. Т. т. I—III У Львові, 1895—97; т. т. IV—V—видае этнографічна комісcия науков. Товар. імени Шевченка у Львові, 1898 г.*

Съ момента *временнаго* прекращенія дѣйствій Юго-Западнаго Отдѣла И. Р. Географ. Общества, послѣдовавшаго еще въ 1876 году,

украинско-русская этнографическая наука не имѣла до послѣдняго времени ни спеціальныхъ учрежденій или обществъ, ни таковыхъ же изданій. Существующія спорадическія изданія собраній матеріаловъ обыкновенно обязаны своимъ появленіемъ энергіи отдѣльныхъ лицъ, между тѣмъ какъ богатый этнографическій матеріалъ нерѣдко въ огромномъ количествѣ не находилъ себѣ пристанища и то совершенно погибалъ, то появлялся цѣликомъ, или въ отрывкахъ, въ чужихъ изданіяхъ.

Имѣя въ виду всѣ эти неблагопріятныя условія, львовское «Наукове товариство імени Шевченка» рѣшило въ 1895 г. открыть серію изданій подъ названіемъ «Этнографічний збірник». Въ 1895 г. былъ изданъ I-ый томъ, а въ 1896—II-ой, подъ ред. профес. М. Грушевскаго. Въ слѣдующихъ годахъ, 1897 и 1898,—появились томы III, IV и V,—послѣдній подъ редакціей доктора Ів. Франка. Начиная съ IV тома, изданіе «Збірника» приняла на себя особая, учрежденная при «Науков. Товаристві», этнографическая коммиссія.

Что касается общаго характера матеріаловъ, помѣщаемыхъ въ выпускахъ «Збірника»,—то этотъ матеріалъ весьма разнообразенъ, въ виду того, что онъ собирался и записывался въ разнообразныхъ уголкахъ обширной территоріи, заселенной украинскимъ народомъ.

Обратимся къ обозрѣнію вышедшихъ уже томовъ «Этнографічного Збірника».

Т. I. Въ небольшой статьѣ *М. Крамаренка* «Різдвяні сьвятки в Станиці Павлівській Ейського оддилу, на Чорноморії» (стр. 1—24) даются свѣдѣнія о приготовленіяхъ въ упомянутой мѣстности къ рождественскимъ праздникамъ, къ богатой кутьѣ; о времяпрепровожденіи въ первый день Рождества (напр. коза, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—кобыла); здѣсь же приведено нѣсколько колядокъ и щедривокъ; гаданья подъ новый годъ, голодная кутя и крещеніе.

Гораздо больше мѣста удѣлено «Галицькім народнім казкам» (25 N N-овъ, стр. 1—120), записаннымъ въ Бродскомъ пов. г. Роздольскимъ и приведеннымъ въ систему, а также снабженнымъ параллелями докторомъ Ів. Франкомъ; послѣднія исполнены съ образцовой добросовѣстностью по многочисленнымъ сборникамъ сказокъ,—малорусскихъ, русскихъ, польскихъ, сербскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ. Сказки снабжены указателемъ сказочныхъ и иныхъ мотивовъ, встрѣчающихся въ приведенныхъ номерахъ сказокъ. Не безъинтересно будетъ отмѣтить раздѣленіе докторомъ Ів. Франкомъ устной народной

(прозаической) словесности на основаніи литературныхъ ея формъ, а не на основаніи содержанія,—въ предисловіи къ систематизированнымъ имъ сказкамъ. По его мысли, главными формами произведеній народной словесности (прозаической) слѣдуетъ считать: сказку, легенду, новеллу, фацецію (анекдотъ), миѳическіе разсказы, разсказы о людяхъ, событіяхъ и историческихъ мѣстностяхъ, сказки о животныхъ, притчи и «апологи».

Третьей статьей является «Українськї людські вигадки» (стр. 1—28)—анекдоты, собранные О. Шимченкомъ въ Украинѣ (по всему вѣроятію, въ Полтавщинѣ). Всѣхъ анекдотовъ собрано 29: «про руських» (великороссовъ), про жидів, про циганів, про панів, про москалів (солдатъ), про птахів і звірів.

Къ концу тома приложена «программа до збирання відомостей про українсько-руський край і народ», составленная членами «Наукового Товариства», нѣсколько напоминающая программу, изданную кіевскимъ предварительнымъ комитетомъ по устройству XI археологическаго съѣзда, только гораздо полнѣе, т. к., кромѣ свѣдѣній историческихъ, сюда вошли, въ большемъ объемѣ, вопросы по этнографіи (общія свѣдѣнія, антропологическія данныя, хата и дворъ, одежа, пища и питье, занятія, промыслы, семейные обычаи, повѣрья, народная литература), вопросы соціально-экономическіе и юридическіе (семейное и семейно-имущественное право, обязательства и наслѣдственное право, уголовное право).

Т. II. Значительную часть этого тома заполняютъ цѣнные этнографическіе матеріалы, собранные В. Гнатюкомъ въ Бучацкомъ повѣтѣ: «Лірники. Лірницькі пісні, молитви, слова, звістки і т. і про лірників повіту Бучацького (стр. 1—76). Собиратель имѣлъ въ виду представить репертуаръ галицкихъ лирниковъ, для чего и приводитъ не мало извѣстныхъ уже варіантовъ по другимъ этнографическимъ трудамъ и сборникамъ,—Вересая, Головацкаго, Чубинскаго, въ Богогласникѣ, въ Зап. Ю.-З. Отд. И. Р. Географ. Общ. и друг.). и нѣсколько польскихъ виршей, которыя поются галицкими лирниками. Статьѣ предпосланы интересныя данныя о жизни и привычкахъ лирниковъ, добытыя отъ послѣднихъ же, а въ заключеніи—словарь лирницкаго условнаго языка.

Далѣе слѣдуетъ статья—«Замітки этнографічні з Угорської Руси» (1—38)—матеріалъ, собранный угорскимъ священникомъ о. Юріемъ Жатковичемъ. Статья заключаетъ въ себѣ интересныя данныя о раз-

дѣленіи русиновъ (въ этнографич. смыслѣ), о народномъ календарѣ, свадьбѣ, рожденіи, болѣзняхъ, похоронахъ, одеждѣ, пищѣ, сельскомъ хозяйствѣ, иноплеменномъ элементѣ въ чертахъ Угорскихъ русиновъ.

Заключается томъ довольно большой статьей М. Дикарева «Чорноморські народні казки й анекдоти» (стр. 1—53),—въ количествѣ 39 номеровъ. Къ статьѣ приложенъ указатель предметовъ и мотивовъ, встрѣчающихся въ приводимомъ матеріалѣ, а также очень солидныя замѣчанія и параллели.

Т. т. III и IV исключительно посвящены этнографическимъ матеріаламъ изъ Угорской Руси, собраннымъ Владиміромъ Гнатюкомъ во время его путешествій по Угорской Руси въ 1895—96 г.г. Въ III-ій томъ вошли «легенди і новелі» (тѣхъ и другихъ 83 номера),—всѣ снабженныя многочисленными параллелями изъ болѣе чѣмъ полусотни печатныхъ источниковъ; въ IV—сказки, басни, разсказы объ историческихъ лицахъ и анекдоты (56 номеровъ) съ указателемъ мотивовъ содержимаго въ обоихъ томахъ, а также «словарцем угорско-руських місцевих виразів», безъ котораго пониманіе многихъ мѣстъ матеріаловъ III и IV томовъ является затруднительнымъ. Трудъ В. Гнатюка является тѣмъ болѣе цѣннымъ, что донынѣ, за исключеніемъ мелочей, не было ни одного сборника этнографическихъ матеріаловъ именно того характера, какой носятъ матеріалы В. Гнатюка.

V томъ заключаетъ въ себѣ весьма разносторонній матеріалъ. Любопытный матеріалъ помѣстилъ здѣсь М. Дикаревъ:—«Народня гутірка з поводу коронациі 1896 року» (стр. 1—24)—12 документовъ, въ основу которыхъ положены два мотива: представленіе особы «цара и цариці», и затѣмъ—надѣлъ крестьянъ панской землей. Документы представляютъ огромный интересъ.

Не менѣе интересны «Гуцульскі примівки» (стр. 41—72), 21 заговоръ отъ всевозможныхъ болѣзней и на разные случаи.

Ф. Колесса знакомитъ насъ съ «Людовими віруваннями на Пидгірью» (въ с. Ходовичахъ, Стрыйск. пов.) (стр. 76—95). Это есть проба систематическаго свода народныхъ вѣрованій въ одной мѣстности; снабжено докторомъ Ів. Франкомъ аналогіями и параллелями, взятыми изъ вѣрованій другихъ народовъ. Сюда вошли: народная метеорологія, вѣрованія о животныхъ, народная антропологія, явленія и предметы домашней и общественной жизни, народные праздники, миѳологія, чары. Собраніе Ф. Колессы, по словамъ д-ра Ів. Франка,—

не исчерпываетъ темы даже для одной данной мѣстности, тѣмъ не менѣе все же даетъ ясное понятіе о томъ комплексѣ вѣрованій, который живетъ въ душѣ нашего народа.

Въ такомъ же родѣ и матеріалы, собранные Ів. Франкомъ въ Дрогобыцкомъ, Коломыйск. и Стрыйскомъ повѣтахъ въ 1880—1882 г.г.: «Людові віровання на Підгірю» (стр. 160—228). Систематизація въ этомъ собраніи нѣсколько шире, чѣмъ въ собраніи Ф. Колессы, но послѣднее произошло благодаря только тому обстоятельству, что данный матеріалъ затрагиваетъ болѣе широкій кругъ народныхъ вѣрованій. Въ общемъ же планъ размѣщенія матеріала въ обоихъ статьяхъ одинаковъ.

Затѣмъ слѣдуютъ болѣе мелкіе матеріалы: М. Евдика — 10 отголосковъ эпохи крѣпостничества въ Галиціи, подъ общимъ заглавіемъ «Із народньоі памяти про панщину» (стр. 24—32); нѣсколько записей объ одномъ изъ послѣднихъ опришковъ,—гуцулѣ Миронѣ Штолѣ (стр. 32—40); «Пісня про Бразилію» (стр. 75—77), записанная М. Павликомъ; «Фолькльорні материяли»—изъ собранія этнографическихъ матеріаловъ проф. д-ра Р. Кайндля, автора «Die Ruthenen in der Bukowina» и «Die Huzulen» (стр. 141—159); «Примівка від усякоі слабости» (стр. 99—105), записанная въ Залучу надъ Збручемъ Л. Порубальскимъ; «Жебрацькі молитви» (стр. 106—110) въ с. Любши, Жыдачивск. пов., записанныя Ів. Франкомъ; «Пять легенд» (стр. 111—116): объ Адамѣ, Соломонѣ, о происхожденіи шляхты и медвѣдя, о ненасытности человѣка; «Три пісні з збірки О. Бодянського» (стр. 117—120),—присланныя еще покойнымъ М. Драгомановымъ въ редакцію «Жите и Слово», но понынѣ не появлявшіяся въ печати [1]);

---

[1]) Въ числѣ этихъ трехъ пѣсенъ находится и извѣстная пѣсня „На бережку у ставка", исправленный текстъ который помѣщенъ былъ въ „Кіевской Старинѣ" кн. VII, стр. 4 (отд. II) за тек. годъ. По сличеніи съ записью Бодянскаго оказалось, что текстъ, приведенный въ „Кіевской Старинѣ" поразительно близокъ къ первому; разница только оказалась въ слѣд. строкахъ (нумерація строчекъ по „Кіевской Старинѣ"):

Кіевская Старина.	У Бодянскаго.
4. Плескалась якъ рыбчина	Полоскалась рыбчина
42. Къ бережечку не збредешся	Къ бережечку не прибъешся
44. Якъ я тебе витягавъ	Що якъ тебе витягавъ
62 Пожартуй соби якъ хочешъ	Пожартуй зо мной якъ хочешъ.

«Селянські діти», (стр. 121—140) этнографическій очеркъ М. Дерлицы,—разсказывается объ уходѣ за новорожденными, приводятся колыбельныя пѣсни, дѣтскія забавы и игры; «Людові загадки з Каманецького повіту» (в с. Половимъ), записанныя Я. Миколаевичемъ; 110 номеровъ загадокъ, съ указаніемъ варіантовъ у Номиса и Чубинскаго (стр. 219—223); «Віршована фацеция про дурного Кузьмину (224—226),—(Запис. въ Дрогобицк. пов.), варіантъ о которомъ приведенъ въ этой же книжкѣ журнала.

Въ концѣ тома (стр. 244—261) приложенъ весьма цѣнный систематическій указатель темъ, упомянутыхъ въ обоихъ собраніяхъ вѣрованій (въ статьяхъ Ф. Колессы и Ів. Франка), съ нѣкоторыми дополненіями.

Таково содержаніе I—V томовъ «Этнографічн. Збірника», изобилующаго, какъ мы видѣли, весьма цѣнными, вновь добытыми по преимуществу, этнографическими матеріалами на пространствѣ всей Руси-Украины.

Отъ души желаемъ, чтобы это богатое, многообѣщающее изданіе пріобрѣло какъ можно больше симпатій со стороны лицъ, интересующихся этнографіей, и получало бы для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія ту духовную и матеріальную поддержку, безъ которой безсильно всякое общественное явленіе. Матеріалы, не стѣсняясь ни качествомъ, ни количествомъ, просятъ присылать по адресу «Наукового товариства» во Львовѣ, ул. Чарнецкого, 26.

В. Доманицкій.

Обзоръ украинско-русской литературы за 1898 годъ..

1898-й годъ далеко не принадлежитъ къ выдающимся въ отношенія продуктивности украинско-русской литературы: не принесъ онъ ни новыхъ талантливыхъ писателей, ни особенно выдающихся литературныхъ произведеній. Изъ украинскихъ писателей, умершихъ въ этомъ году, также никто не создалъ эпохи:—*Щоголевъ* въ (Харьковѣ)

Пѣсня взята изъ небольшой рукописной тетради, переданной вдовой Максимовича М. Драгоманову, съ надписью: „Малороссійскія пѣсни“ съ и приписной, русской Максимовича: „Г. Бодянского“. Тетрадь эта списана въ 30-хъ годахъ нын. столѣтія. (Этногр. Збірн., V, стр. 117).

давно уже отжилъ, а *Ковлевскій* (въ Галиціи), едва начавшій жить, оставилъ послѣ себя лишь небольшой сборникъ лирическихъ произведеній.—Тѣмъ не менѣе, 1898 годъ можетъ намъ дать характерный образецъ литературнаго движенія украинско-русскаго народа. Чтобы яснѣе себѣ представить послѣднее, слѣдуетъ, въ краткихъ чертахъ, упомянуть о развитіи украинской прессы въ Галиціи за послѣднія десять лѣтъ (1887—1896). Количество газетъ за это время возросло съ 15 до 24; число подписчиковъ, за одну четверть года, до 1890 года,—достигало лишь 5.422 чел., въ 1893 г. возросло до 10.946, въ 1894—11.215, а въ 1895—11.696.; всего оттисковъ изданій до 1890 г. было 628.092, въ 1893—2.092.100, потомъ въ 1894 г.—упало до 2.020.410, а въ 1895—до 1.982.880.; (Надо добавить, что сюда не причислены такія литературныя и литературно-научныя періодическія изданія, какъ «Зоря», «Жите и Слово», а также изданія въ Буковинѣ).

1898 годъ принесъ значительныя перемѣны. Первая, наболѣе крупная,—основаніе новаго ежемѣсячнаго журнала (не менѣе 12 листовъ печати) «Літературно-Наукового Вістника», вмѣсто прекратившихъ существованіе «Зори» и «Жите и Слово».—Съ его появленіемъ украинско-русская литература пріобрѣла литерат.-научный органъ, хотя не слишкомъ объемистый, но со столь широкой програмой, что можетъ удѣлять мѣсто и побуждать къ болѣе интенсивной литературной и научной работѣ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ.

Вторая перемѣна, принесенная 1898 годомъ,—основаніе во Львовѣ «Видавничої спілки», которая имѣетъ цѣлью увеличить продукцію издательской дѣятельности. Это общество начало функціонировать лишь съ сего 1899 года, почему о немъ и не будемъ теперь распространяться.

Среди литературныхъ произведеній, принесенныхъ 1898-мъ годомъ, найдется не мало такого, что заслуживаетъ глубокаго вниманія. На средства «Академичної громади» во Львовѣ изданъ сборникъ стихотворныхъ произведеній *Ів. Франка* «Мій Ізмарагд»; въ Вѣнѣ вышелъ альманахъ въ память 25-лѣтія Вѣнскаго общества «Січ»; затѣмъ еще во Львовѣ: альманахъ *«Привіт д-ру Франку*, по случаю 25-лѣтняго юбилея послѣдняго, «Дві долі» *Д. Мордовцева* (романъ) и повѣсть *Школьніченка* «На селі», Кобзарь, Шевченка ч. 4. (Содержаніе: Наймычка, Безщасный, Капитанша, Музыка, Княгыня, Варнакъ). Въ Черновцахъ роскошно из-

дано описаніе кругосвѣтнаго путешествія д-ра *Я. Окуневского* подъ загл. «Листи з чужини» и сборникъ разсказовъ Богдана Лепкого «З села»[1]). Кромѣ только что упомянутыхъ, русинская литература обогатилась такими крупными научными изданіями, какъ тт. XXI—XXV «*Записок Наукового Товариства*»; тт. IV и V «*Этнографічн. збірника*»; т. IV «*Жерела до історії України-Руси*»; т. I «*Збірника фільольоґічної секциї* Науков. тов. ім. Шевч.», заключающій въ себѣ большой трудъ—біографію Т. Г. Шевченка—А. Я. Кониսскаго; т. I «Збірника *історичнофільософичної* секциї», содержащій 1-ую часть крупнаго труда проф. М. Грушевскаго—«Історія України-Руси до XI віку».; т. XX-ый «Руской історичної бібліотеки», гдѣ помѣщенъ переводъ труда Я. Н. Шульгина—«Очеркъ Коліивщины»; тт. 3-ый и 4-ый «Збірника *математично-природописно-лікарської* секциї»; выпуски XXI—XXIX «Бібліотеки для рускої молодіжі»; учебники: ботаники—*Ростафинскаго*, минералогіи—*I. Верхратскаго*, ариѳметики—*Огоновскаго*; «Кобзар»—выборка произведеній для юношества; переводы—*Дрепера* «Історія боротьби між релігією и наукою», *Эдгара Поэ*—«Новелі»; *Гауптмана*—«Ткачі», *Марка-Твена*—«Американський претендент», *Сеньобоса*—Сучасна Англія».

50-тилѣтній юбилей уничтоженія крѣпостничества въ Галиціи вызвалъ цѣлую литературу: *Л. Селянского*—«У 50-ту річницю знесення панщини і відродження Галицької Руси»; *I. Франка*—«Про панщину і її знесення 1848 року»; неизв. автора—«Про знесення панщини і відродженне Русинів»; *Будзиновскаго*—«Панщина, її початокъ і скасованне». Празднованіе столѣтняго юбилея малорусской литературы также оставило замѣтные слѣды въ украинской литературѣ,—изданы: «Наталка-Полтавка»,—юбилейное изданіе; *Пачовского*—«Сотні роковини народнього письменства Руси-України»; перепечатка «Першого видання Энеіди Котляревського»; «Великі роковини» и «Соті роковини»—*Щурата*; «Столітне обновленне укр.-русск. літератури»; «Наше відродженне, драматична дума»—*Щурата*; «Значіне Котляревского в руській літературі» (Перемышль), «На великі роковини в память Ів. Котляревського» (тамъ-же), «Русько-українська література,—Ів. Франка» (въ Черновцахъ). Изъ драматическихъ произведеній появились слѣдующія: *Б. Гринченка*—«За батька», драма; *Цеглинского*—

[1]) Это наиболѣе крупныя литературныя изданія, вышедшія въ 1898 году въ Галиціи.

«Аргонавти», драма; *Лопатинскаго*—«До Бразилії», драма; «Капрал Тимко»—мелодрама (въ Коломыѣ); І. Тобилевича—«Чумаки», драма. Изъ болѣе мелкихъ беллетристическихъ и научно-популярныхъ произведеній отмѣтимъ слѣдующія: *В. Щурата*—«Мої листи», *Т. Морозa*—«Образ тьми і сьвітла», *Гецовъ*—«З побуту въ Карлсбаді», *Загірньої*—«Добра порада» (перепечатка черниговскаго изданія, подъ тѣмъ же заглавіемъ), «Гадки про потреби українців» (Черновцы), *Пачовского*—«Замітки до науки рускої мови в середній школі», «Тарас Шевченко»—рѣчь проф. Колессы въ 37-ю годовщину смерти Шевченка, «Богдан Хмельницкий», т. II (Событія1648 года),—составлено преимущественно по Костомарову, *Лебедевой*—«Гостинець для руских дітей», «Про обірник і інші навози»—*Данилевича*, «Иллюстриров. календарь «Просвіти» на 1899 г., указатель произведеній Ів. Франка за 25-тилѣтіе его литературной дѣятельности.

Въ Украинѣ книжная продукція за минувшій годъ стоитъ несравненно ниже. Въ теченіе 1898 года вышли слѣдующія книги и брошюры: въ Кіевѣ: «Богданъ Хмельницкій»—драма Старицкаго (оттискъ изъ „Кіев. Стар."), и «Шевченко»: Прычынна, Утоплена, Русалка, Черныця Марьяна—изданіе Кіев. Общ. Грамотности (реценз. на послѣдн. см. К. Стар. 1898, кн. V). Въ Черниговѣ: *Гринченко—Оповидання»* (Сестрыця Галя, Дядько Тымоха, Ксеня, Нелюбъ, Каторжна, Батько та дочка, Панько, Пидпалъ); *Добрый звиръ, Сирко, Вирный кинь; Чередныкъ та дивчына* (реценз. см. К. Стар. 1898, кн. V); *Веселый оповидачъ* (Двисти народникъ оповиданнивъ); *Колоскы*. Казкы та оповидання; медицинская брошюра *Маховскаго*—«*Про виспу*»; «*Батькове вищованне та инше*»; *Грабъ П.—Кобза, спивы и переспивы*; *Р. Б. Хома Балай*. Поэма; переиздана: *Шевченка*—Катерына.—Въ Черкассахъ: *І. Карпенка-Карого*: 1) Розумный та дурень и 2) Сто тысячъ (реценз. см. К. Стар. 1898, кн. 9); *Гаврышъ*. Пылыпъ Бандура. Рогатый сватъ и Голка (О. Стороженка). Въ Харьковѣ—крупное изданіе—«Слобожанщына» *Щоголева*; *Краснокутскій*. Обжынкы. Видьма та упырь. Ганчына паска; *Сластинъ*. Любышъ смородыну, любы и оскомыну—водевиль,—оба послѣднія ничего нестоющія произведеньица. Въ С.-Петербургѣ: перепечатано изъ Саратовскаго Сборника за 1859 годъ—«Козакы и море» *Д. Мордовцева*. Въ Одессѣ: «Двисти найкращыхъ писень». Въ Полтавѣ: Полное собр. сочиненій Котляревскаго. Въ Юрьевѣ—довольно объемистая книжка «Наши люде на сели» *Грыцька Грыгоренка* (рец. см. К. Ст. 1898, кн. 9).

Въ Херсонѣ—«Полещукъ. Сто карбованцавъ грошей, драма въ 3-хъ діяхъ». Въ Бердичевѣ—«Пый та дило розумій» *Острожинскаго*. Въ Кременчугѣ—«Лирни творы 1890—1897» *Д. Кулиды* (рец. см. К. Стар. 1898, кн. 8). Въ Бахмутѣ—«Донецьки сонеты» *М. Чернявскаго*. Вотъ и все, что намъ извѣстно изъ изданій въ 1898 году по украинской литературѣ.

Что касается укр.-русскихъ писателей, то *Панасъ Мырный*, авторъ весьма талантливыхъ произведеній, умолкъ; *А. Я. Конисскій* очень мало работалъ въ беллетристикѣ, но за то издалъ на малорусскомъ и великорусскомъ языкахъ обширное жизнеописаніе Шевченка; талантливый писатель *Иванъ Левицкій (Нечуй)* ничего не издалъ въ 1898 г.; *М. Старицкій*, кромѣ упомянутой выше драмы, написалъ еще историческую драму «Оборона Буши» и обширную историческую повѣсть на великорусскомъ языкѣ «Передъ бурею».

Наконецъ, остается еще упомянуть о малорусской прессѣ въ Америкѣ, гдѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Канадѣ, нынѣ находится до 300,000 русиновъ. Эмиграція туда изъ Галиціи началась болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Лѣтъ десять, положеніемъ переселенцевъ занялось духовенство, были основаны при церквахъ русинскія школы, основана типографія, стала издаваться газета подъ редакціей Волянскаго „Америка", а теперь, вотъ уже 7-й годъ, выходитъ подъ редакціей Стефана Макара, еженедѣльная газета „Свобода". Кромѣ текущихъ извѣстій, газета эта помѣщаетъ беллетристическія произведенія, отмѣчаетъ наиболѣе крупныя явленія въ галицкой и украинской литературѣ. Изъ мѣстныхъ, американскихъ, русиновъ, понынѣ, кромѣ Нестора Дмитрова, недурного наблюдателя народной жизни, на литературномъ поприщѣ никого замѣтнаго не явилось. Въ теченіе 1898 года редакціей „Свобода" были изданы: „Канадійська Русь. Подорожнû спомыны" *Н. Дмитрова* (въ Кармелѣ, въ Пенсильваніи), „Конституція Сполученыхъ Державъ Пôвнôчнои Америкы". *С. Макара* и „Де-що про права і суды въ Спол. Державахъ"—*Чупка*.

В. Д.

Обозрѣніе епархіальныхъ Вѣдомостей южныхъ епархій 1898 г.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости.

Прот. Н. *Трипольскій.* Документы, относящіеся къ древней исторіи православнаго Почаевскаго монастыря на Волыни [1]), №№. 1—2, 3 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11—12, 13.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Села *Староконстантиновскаго* и *Ковельскаго уу.* (№№ 1—35).

А. Малевичъ. Тригорскій Преображенскій монастырь (Жит. у. Волын. г.) (№№ 4—14) Историческій очеркъ: основаніе и просвѣтительная дѣятельность обители.—Школы.—Хозяйственная сторона—Тѣсная связь Тригорья съ другими монастырями. Приложенія (документы, касающіеся исторіи монастыря).

А. Левицкій. Церковно-приходская лѣтопись с. Глубочка (Жит. у.) (№№ 18—35).

Приходъ.—Приходской храмъ. Церковная утварь шитая.—Церковная библіотека.—Причтъ.—Прихожане (масса интересныхъ бытовыхъ чертъ народной жизни; богатый этнографическій матеріалъ).

Николай Теодоровичъ (№ 22). Заставная запись каштел. Волынскаго кн. Никол. Чарторыйскаго, данная дворянамъ Адаму и женѣ его Констанціи Клунскимъ на имѣнія сс. Рыдомль и Хотовицу въ обезпеченіе долга 60 тысячъ злотыхъ польскихъ, отъ 13 янв. 1645 года.

Онъ же. (№ 23). Заставная запись кн. Михаила—Юрія Чарторыйскаго, данная дворянамъ Өедору и Евѣ Домашевскимъ на с. Островецъ въ обезпеченіе долга въ 7000 зл. отъ 21 апр. 1648 г. и искъ къ нему Домашевскихъ отъ 14 ноября 1651 г.

Онъ же. (№ 27) Заставная запись двор. Өед. и Евы Домашевскихъ, данныя дворянину Ивану Решневецкому на часть с. Рыдомля въ обезпеченіе долга 800 злотыхъ отъ 18 февр. 1647 г. и актъ передачи этого села почаевскому монастырю отъ 23 окт. 1651 г.

Онъ же (№ 29). Завѣщаніе гражданина Өедора Домашевскаго Почаевскому монастырю отъ 1654 г.

---

[1]) См. ст. г. Волынца „Почаѳвская лѣтопись", К. Ст. 1898, № 4, стр. 87—106.

Екатеринославскія Епархіальныя Вѣдомости.

Обычай обхожденія крестнымъ ходомъ засѣянныхъ полей. (№ 25). Перепечатка изъ «Литовск. Епарх. Вѣд.». Сожалѣніе по поводу того, что этотъ обычай, не лишенный поэзіи и имѣющій въ то же время религіозно-нравственное значеніе, въ нѣкоторыхъ приходахъ выводится.

А. Дородницынъ. (№ 35, 36). Къ вопросу о возстановленіи церковно-обиходнаго пѣнія.

—

Кишиневскія Епарх. Вѣдомости.

В. Курдиновскій. Пасхальные обычаи въ Бессарабіи. (№ 8). Интересный этнографическій матеріалъ: обычай зажигать костры въ ночь передъ Пасхой («остатокъ языческаго культа»).—Обычаи, соединяемые съ 1-мъ днемъ Пасхи; пасхальныя игры; обычай поздравленія священника «агнямъ» и т. п.

Д. Щегловъ. Объ упраздненныхъ монастыряхъ Бессарабіи (№№ 16, 17). Причины упраздненія (внѣшнія и внутреннія). Скитъ Галица и скитъ Маня, Гиртанскій скитъ, скиты: Печешти, Поноуцы, Поянa. Мужскій Городищенскій монастырь.

Паисій Величковскій, его значеніе въ исторіи православнаго монашества (№№ 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24).

Первые годы жизни Паисія.—Постриженіе въ монашество; пребываніе въ Валахіи, на Аѳонѣ, въ Молдавіи. Литературные труды Паисія.—Кончина его.

Д. Щегловъ. Измаильскіе монастыри (№ 25).

Монастыри Успенскій и Никольскій. Краткая исторія ихъ до времени присоединенія Измаила къ Румыніи.

—

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости.

В. К. Село Сенчанскіе Юсковцы и святыня его храма (№ 2, 3).

Историко-статистическое описаніе Трехсвятительской церкви г. Зѣнькова. (№ 4).

Молитвенное воспоминаніе событія—8 января 1654 года въ Переяславскомъ Успенскомъ соборѣ, храмѣ—памятникѣ, 8 янв. 1898 г. (№ 5).

В. Курдиновскій. Замѣчательные памятники церковной старины въ с. Рымаровкѣ, Гадячскаго уѣзда, Полтавской епархіи (№ 10, 13). Требникъ, писанный полууставомъ, и евангеліе, писанное уставомъ. Опредѣленіе времени и мѣста написанія требника (во 2-ой половинѣ XVI в. въ Брацлавѣ. Описаніе евангелія. Опрдѣленіе времени написанія (1416 г). Особенности евангелія.

Святый преподобномученикъ Макарій, архимандритъ Овручскій, игуменъ Каневскій, Переяславскій Чудотворецъ (№ 14, 15, 16, 17).

Происхожденіе Макарія.—Дѣятельность его въ Купятицкомъ монастырѣ (Пинск. у.), Каменецкомъ (Брестскаго у.), въ Овручѣ, и наконецъ въ Каневѣ. Отношенія его къ Дорошенку.—Осада Канева.—Кончина преподобнаго.—Примѣчанія къ статьѣ.

А. Пясецкій. Полтавщина въ первой четверти XVII вѣка (№№ 26, 28). (Очеркъ колонизація края). Общія замѣчанія о мѣстахъ осѣдлости. Типы усадьбъ и поселковъ. Численность поселковъ; географическое ихъ положеніе: обводъ Кіевскій, Переяславскій, Миргородскій. Важнѣйшіе княжескіе и земскіе роды, которымъ принадлежали маетности въ Полтавщинѣ:—князья Половцы-Рожиновскіе Глинскіе, Домонты, Вишневецкіе; земяне: Дашкевичи, Олизары-Волковичи, Байбузы.—Цѣны имѣній.—Приложенія (алфавитный указатель городовъ, существовавшихъ въ первой четверти XVII).

Борьба съ суевѣріемъ (№ 30). О необходимости борьбы съ *«шептаньемъ»*; нѣсколько текстовъ послѣднихъ.

—

Кіевскія епархіальныя Вѣдомости.

Н. Шпачинскій. Историческая замѣтка о викаріатствѣ Кіевской Митрополіи въ XVIII столѣтіи. (№ 11). Арсеній Могилянскій и его докладъ о назначеніи «коадъютора». Номинальный Кіевскій викарій Гедеонъ Слонимскій. Преемники Арсенія: Гавріилъ Кременецкій, Самуилъ Миславскій; коадъюторъ кіевской митрополіи Викторъ Садковскій, епископъ Переяславскій. Самостоятельность кіевскаго и переяславскаго викаріевъ (съ 1799 г.).

А. М. Кіевскій храмъ св. апостола Андрея Первозваннаго (№ 12). Историческая справка о построеніи церковнаго зданія и позднѣйшихъ строительныхъ въ немъ работъ.

Состояніе штунды въ Кіевской епархіи въ настоящее время и борьба съ нею (№ 15). Отношеніе теперешнихъ штундистовъ къ церкви и обществу.—Внутреннее состояніе секты.—Состояніе миссіи.

Прот. Кл. Ѳоменко. Галицкая Русь и Галичане (№ 15). Путевая замѣтка. Сравненіе жизни народа и духовенства въ Галиціи съ таковой-же въ Украинѣ.

Во уши почитателей Веделя (№ 16). Напоминаніе о предстоящемъ столѣтіи со дня смерти талантливаго композитора духовной музыки, Артемія Лукьяновича Веделя (съ характеристикой произведеній его).

С. Голубевъ. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, какъ возобновитель Кіевскихъ храмовъ. (№№ 17, 18, 19, 20, 21).

Извлеченіе, съ небольшими измѣненіями, изъ II тома сочиненія того же автора: Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. См. Кіев. Ст. № 12 (за 1898 г.), стр. 85—92.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости.

Краткія статистическія свѣдѣнія о Подольской епархіи за 1896—97 годы (№ 2).

Пространство, населеніе; духовно-административное дѣленіе, духовно-учебныя заведенія.

О такъ называемомъ «выводѣ» новобрачной. (№ 15—16). Въ чемъ состоитъ этотъ обычай. Отношеніе церкви къ этому обычаю.—Обычай, исключительно существующій на югѣ Россіи.

М. Бачинскій. Основаніе подольской духовной семинаріи и первые годы ея существованія (№ 17).

Каменецкая православная Св.-Николаевская церковь, какъ древнѣйшая христіанская святыня въ Каменцѣ. (№ 18).

Свящ. П. Б. Обычай обхожденія крестнымъ ходомъ засѣянныхъ полей. (№ 18).

Свящ. К. С—чъ. Дикая забава «Дубокъ» (№ 19—29). Объясненіе этого суевѣрнаго обычая—игры. Попытки опредѣлить происхожденіе его. Сравненіе съ подобнымъ обычаемъ въ Галиціи („коты“).

А. Лотоцкій. Гдѣ обучалось Подольское духовенство до учрежденія Подольской духовной семинаріи? (№№ 37, 38, 39). См. обзоръ этой статьи Кіев. Стар. 1899, № 2.

В. Коренное православіе и пришлый католицизмъ въ Подоліи. (№ 44). Бездоказательные намеки на какія-то «таемницы»—тайныя польскія сборища, имѣющія цѣлью совращать православныхъ!

Подольскій народный Катихизисъ. (№№ 45, 46, 48). О немъ см. К. Ст. 1898 г. № 1, стр. 32.

Свящ. І. С—й. Рождественскія колядки (№ 51—52). См. Кіев. Стар. 1898 № 2.

Н. И. Колядники, какъ матеріалъ для образованія народно-церковныхъ хоровъ въ приходахъ (№ 51—52).

—

Ставропольскія Епархіальныя Вѣдомости.

П. Н. Крыжановскій. Открытіе исправительныхъ дѣтскихъ пріютовъ при Екатерино-Лебяжской Николаевской и женской Маріинской обителяхъ въ Кубанской области. (№ 24).

Мѣстоположеніе Лебяжскаго монастыря и основаніе его (въ 1794 г.) черноморскими козаками («старыми сѣчевиками»).—Заботы о немъ черноморскаго козачьяго войска.—Переходъ управленія монастыремъ въ руки духовенства (съ 1872 г.).

—

Херсонскія Епарх. Вѣдомости.

Свящ. Павелъ Чеховичъ. Що таке штунда? (№ 3). Призывъ штундистовъ къ покаянію,—въ стихахъ безъ риѳмы, на малорусскомъ языкѣ, болѣе чѣмъ сомнительнаго качества.

Кончина и погребеніе одесскаго каѳедральнаго протоіерея Арсенія Гавриловича Лебединцева. (№ 5).

Рѣчи, сказанныя при погребеніи каѳедральнаго протоіерея Арсенія Гавриловича Лебединцева. (№ 6).

Свящ. Іоаннъ Гордіевскій. Одесскій каѳедральный протоіерей Арсеній Гавриловичъ Лебединцевъ. (№ 16, 17). Біографическія данныя о покойномъ. Дѣятельность послѣдняго въ Одессѣ.

Свящ. Павелъ Колосовъ. Новогеоргіевскій единовѣрческій Воскресенскій приходъ. (Къ столѣтію его открытія 1798—1898) (№ 17). Краткій очеркъ исторіи.

Свящ. В. Флоровскій. Краткій историческій очеркъ о построеніи единовѣрческой Одесской Покровской церкви. (№ 21).

Свящ. Мелетій Шаравскій. Рѣчь съ краткими свѣдѣніями о священнослужителяхъ и благотворителяхъ Одесской Покровской церкви, (№ 22).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 11 «Русскаго Архива», въ воспоминаніяхъ Н. Д. Богатинова, между прочимъ встрѣчается слѣдующее интересное для характеристики мемуариста мѣсто: «Около того времени (1866 г.) въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появилась въ фельетонѣ статья, за подписью «Учитель», о переводѣ на малороссійскій языкъ учебниковъ для народныхъ училищъ Юго-Западнаго края, о введеніи мѣстнаго нарѣчія вообще въ преподаваніе по сельскимъ училищамъ. Хлопоманство, украинофильство не бросало своихъ затѣй и добивалось вторгнуться и въ школу, какъ удалось ему засѣсть въ мозгу своихъ тупоголовыхъ сторонниковъ. Обнаружилось, что статью эту писалъ учитель 2-й Кіевской гимназіи Др.... Я возмущенъ былъ наглымъ посягательствомъ на народную школу этихъ наѣздниковъ—степняковъ печенѣговъ, и рѣшился вступиться за школу: собралъ сборники народныхъ малороссійскихъ пѣсенъ и другія еще кое-какія замѣтки, и съ горячностью и энергіей обличителя вредныхъ затѣй и идей усѣлся писать статью; ночи преимущественно шли на эту мою работу, работалъ и днемъ... Эту статью я написалъ, все свое время ей отдавъ въ теченіе весеннихъ мѣсяцевъ 1866 года; тамъ нужно было переписать на-чисто. Все готово: „Кіевлянинъ“ потребовалъ, по своему обыкновенію, значительныхъ сокращеній; я отдалъ статью въ „Кіевскій телеграфъ“. Юнгъ охотно взялъ ее, и она пошла въ іюлѣ уже въ печать... Статья моя была озаглавлена: „Южно-русская школа, южно-русская поэзія, южно-русскій языкъ“; напечатана въ №№ 67—74 „Кіевскаго телеграфа“ за 1866 годъ. Князь Ш.-Шихматовъ [1]) сердечно

---

[1]) Попечитель округа.

благодарилъ меня за статью, за то несился на меня его помощникъ, М. А. Туловъ, по убѣжденіямъ близкій къ хохломанству, хотя, вѣроятно, только въ отношеніи къ языку, и едва ли серьезно имѣвшій что-либо общее съ безумными затѣями раздѣленности и обособленности, о чемъ, какъ во снѣ такъ и наяву грезила и теперь еще грезитъ хлопоманская *безтолочь*. Я предложилъ князю, не признаетъ ли онъ полезнымъ, разослать мою статью по всѣмъ училищамъ округа. Онъ одобрилъ мою мысль... Статья была разослана мною по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ края: въ университетъ—3 экземпляра, въ гимназіи—по 2, въ училища, дворянскія и уѣздныя, по одному экз. (цѣна 25 к.). Одинъ изъ смотрителей, а именно Овручскаго дворянскаго училища, И. А. Абрамовичъ, на препроводительной бумагѣ приписалъ, на сторонѣ: «*Великое спасибо за правду*».

Знакомые съ этой брошюркой знаютъ, конечно, насколько она основательна, а теперь узнаютъ и интересную исторію ея написанія.

Въ № 294 «Одесскаго Листка» профес. В. Модестовъ помѣстилъ письмо «Изъ Италіи», въ которомъ, выражая недовольство г. Мордовцевымъ, упрекнувшимъ его въ некомпетентности по вопросу о малорусскомъ языкѣ, по обыкновенію своему возмущается тѣмъ «жаргономъ, который губитъ всю прелесть народнаго малороссійскаго языка», который «представляетъ собою грубую искусственную мѣшанину изъ словъ малороссійскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и великорусскихъ», и который «*нѣкоторые* хотятъ возвести въ языкъ науки».

Авторъ высказывается категорически, въ томъ убѣжденіи, что противъ выставленнаго имъ положенія ни одинъ спокойно-мыслящій человѣкъ спорить не станетъ. Пусть авторъ думаетъ, какъ ему угодно, но жизнь ставитъ свои требованія, на которыя не такъ-то просто давать газетные категорическіе отвѣты.

Въ ноябрськой книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщены «Отрывки изъ моихъ воспоминаній» Льва Жемчужникова, относящіеся къ 50-мъ гг. и представляющіе нѣкоторый интересъ, такъ какъ въ нихъ авторъ упоминаетъ о семействѣ Кулиша, Гоголя, о Тарновскихъ, Марковичахъ, Галаганѣ.

Иллюстрированныя изданія для народа. Въ Петербургѣ, по словамъ „Нов.“, возникаетъ въ высшей степени симпатичное предпріятіе. Въ самое послѣднее время предпринято однимъ изъ петербургскихъ издателей обширное изданіе большихъ листовъ рисунковъ на разныя темы: въ нихъ будетъ русская исторія, географія и этнографія. Уже давно въ разныхъ художественныхъ кружкахъ поднимался вопросъ о необходимости замѣнить, такъ-называемыя, лубочныя картины настоящими художественными, напечатанными въ возможно меньшемъ количествѣ красокъ для наиболѣе дешевой продажи.

Оригиналъ одного изъ листковъ вышеупомянутаго новаго народнаго изданія представляетъ большую карту Европейской Россіи, на которой въ географическомъ порядкѣ расположены виды разныхъ мѣстностей и городовъ, исполненные акварелью и тушью, и между прочимъ Малороссія, Кіевъ, Донецкія степи, Новороссія, Одесса и Крымъ. Всего до 80 акварелей, исполненныхъ чрезвычайно тщательно и колоритно. Сообразно измѣненію климата, мѣняется и самый тонъ акварелей, начиная отъ холодно-сѣраго и синяго сѣвера и кончая видами юга, залитыми жгучими лучами солнца. Эта карта по художественности исполненія не оставляетъ желать ничего лучшаго. Скоро она начнется печатаніемъ въ одной изъ лучшихъ художественныхъ литографій.

Въ №№ 41 и 42 „Днѣпровской Молвы“ помѣщена статья нѣкоего *Г. Л.* подъ загл. „Малороссійская свадьба въ Екатеринославскомъ уѣздѣ“. Здѣсь разсказывается объ обрядовой сторонѣ свадьбы, но самаго важнаго, свадебныхъ пѣсенъ, совсѣмъ не приводится. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя черты, присущія спеціально данному району, представляютъ извѣстный интересъ.

По поводу 25-лѣтія со дня смерти талантливаго писателя Олексы Стороженка помѣщены были статьи, съ приведеніемъ довольно подробныхъ біографическихъ данныхъ и оцѣнкой литературной дѣятельности писателя, въ «Кіевскомъ Словѣ» (№ 4251), въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 304, статья Ф. М—каго) и, наиболѣе подробная, въ «Днѣпровской Молвѣ» (№ 44—Ф. Смѣляица).

Въ № 38 «Днѣпровской Молвы» помѣщена довольно обширная статья «посѣтившаго прикарпатскую Русь», подъ заглавіемъ: «*Къ вопросу* **объ австрійской Руси»**, въ которой почтенный авторъ, возражая противъ г. «Новаго Одессита», помѣстившаго въ № 217 «Одесск. Листка» статью „По славянскимъ землямъ", доказываетъ полнѣйшее невѣжество и безцеременность г. Новаго Одессита по вопросамъ галицкой общественной, политической и литературной жизни. Самъ авторъ приходитъ къ тѣмъ несомнѣннымъ выводамъ, что въ Австріи, во-первыхъ, если бы даже кто-либо и пожелалъ,— возведеніе великорусскаго языка на степень господствующаго не можетъ быть допущено Австрійск. правительствомъ и, во вторыхъ, если бы австрійскіе русины захотѣли отказаться отъ родного языка, отъ массы школъ съ преподаваніемъ на этомъ языкѣ, отъ связанной съ этимъ украинско-русской литературы, то пришлось бы воспринять литературный языкъ господствующей тамъ народности, т. е. польской или мадьярской, а это значитъ ополячиться и омадьяриться.

Общество им. Качковскаго во Львовѣ предпринимаетъ изданіе сочиненій Наумовича. Тамъ-же основывается „литературное общество им. Пушкина", задачею котораго будетъ изученіе и распространеніе русской литературы (Извѣстія кн. магаз. М. О. Вольфъ, годъ III, книга I).

Ежедневная галицкая газета «Дѣло» начала печатаніемъ въ литературномъ прибавленіи, новую историческую повѣсть Івана Нечуя-Левицкаго „Гетьманъ Иванъ Выговськый".

Въ № 250—251 «Дѣла» помѣщена статья *В. Черненцкаго* „Мѣсточко Зборôвъ". Кое-что сообщается объ исторіи Зборова, а больше— о родѣ Зборовскихъ.

Довольно обширную статью о Гребенкѣ помѣстилъ г. Лесевичъ въ еженедѣльной газетѣ „Днѣпровская молва", №№ 36, 37, и 38.

Въ редакцію поступили слѣдующія книги:

Я. Жарко. Оповидання. Полтава, 1889, 1—66. in 8⁰.

Б. Гринченко. Середъ крыжаного моря. Оповидання. № 42. У Чернигови, 1899, 1—56, in 8⁰.

У неволи. Оповидання. № 43. У Чернигови, 1899, 1—24, in 8⁰.

Етнографічний збірник. Видае етнографічна комисия науков. товарыства. Т. VI. Галицько-руські анекдоти. Зібрав Володимер Гнатюк. У Львові, 1899, II+XIV+III in 4⁰.

Памятки українсько руськоі мови і лїтератури! Видае археограф комісия тов. им. Шевченка. Т. II. Апокріфи новозавитні. А. Апокріфічні евангелия. Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко. У Львові, 1899, LXXVIII+443, in 8⁰.

Ласкаревъ. Геологическое изслѣдованіе водораздѣла верховьевъ рр. Горыни и Случи. Спб. 1899 стр. 1—34.

Степовыкъ О. Лихи потайни хлибоïды: хлибный комарыкъ, та шведська муха. Одесса, 1899, 1—16, in 8⁰, (съ рисунками).

А. Лазаревскій. Очерки, замѣтки, документы по исторіи Малороссіи. V (съ рисунками Т. Г. Шевченка). Кіевъ, 1899 г. 1—148, т. 8⁰

Ц . . . . батько О. Стародавня Украина въ драматычнихъ справахъ I. Чорный шляхъ, II. Козакъ Байда. Одесса, 1899. Тип. Ю. Р. Общ. печ. дѣла. 1—88—80, in 4⁰.

Русская земля Сборникъ для народнаго чтенія. Т. V. Очерки Малороссіи. (Приходская библіотека, издаваемая подъ ред. Шемякина). Спб. 1899, in 8⁰, 1—244.

Осадчій. Земля и земледѣльцы въ Ю. Зап. краѣ (Кіевск. и Подольск. губ.). Кіевъ, 1899.

Семенцовъ. Кіевъ и его святыни, древности и достопримѣчательности. Кіевъ, 1899 г.

Астафьевъ. У святынь Приднѣпровья. Спб. 1899.

Плбхинскій. М. М. Архивы Черниговской губерніи. М. 1899 г.

Слатинъ М. «Знайся кинь зъ конемъ, а вилъ зъ воломъ», Трагикомичный этюдъ въ двухъ картинахъ. Харьковъ 1899 г.

Райській П. П. и *Сластинъ М. Ф.* Сватъ Крысогонъ. Трагикомичный этюдъ въ 1 дѣйствіи. Харьковъ, 1896 г.

Спилка И. Козача помста. Оповидання. Харьковъ. 1899 г.

Археологическая лѣтопись.

Засѣданія обществъ.

Общество Нестора Лѣтописца при университетѣ св. Владиміра. 27 октября состоялось годичное собраніе общества, пріурочиваемое, согласно съ уставомъ общества, ко дню памяти отца русской исторіи—преп. Нестора Лѣтописца. Въ этомъ засѣданіи секретаремъ общества М. Н. Ясинскимъ былъ прочитанъ отчетъ о состояніи и дѣятельности общества съ 27 октября 1898 года по 28 октября 1899 года, т. е. въ 27-й годъ существованія общества. Изъ отчета видно, что къ 27 октября 1898 года общество состояло изъ 148 членовъ (20 почет., 127 дѣйств. и 1 корреспондентъ). Выбыло въ теченіе года за смертью 6 членовъ (2 почет. и 4 дѣйств.), обзору дѣятельности которыхъ отведена значительная часть отчета. Вновь избрано 3 дѣйствительныхъ члена и въ настоящее время общество состоитъ изъ 145 членовъ (18 почетн., 126 дѣйств. и 1 корреспондентъ). Бюро общества состоитъ изъ тѣхъ-же лицъ, что и въ предшествовавшее время, исключая должности предсѣдателя, которую въ настоящее время занимаетъ профессоръ Н. П. Дашкевичъ.

Библіотека общества состоитъ изъ 2074 названій въ 4694 томахъ и брошюрахъ (поступило 101 названіе въ 204 томахъ и брошюрахъ).

Въ кассѣ общества отъ прошлаго года оставалось 2278 р. 71 к. Поступило 1466 руб. 57 коп. Израсходовано 684 р. 94 к. Остается въ наличности 3061 р. 34 к. Главнымъ источникомъ прихода является правительственная субсидія и % сборъ съ публичныхъ лекцій. Ма-

лая-же сумма расхода объясняется тѣмъ, что новыя книги «Чтенія» не закончены печатаніемъ и не вполнѣ оплачены.

Дѣятельность общества Нестора Лѣтописца выразилась: 1) въ чтеніи и обсужденіи докладовъ членами въ очередныхъ засѣданіяхъ, 2) въ печатаніи XIII книги „Чтеній", 3) въ чтеніи членами публичныхъ лекцій и 4) въ подготовительныхъ работахъ по устройству XI археологическаго съѣзда въ г. Кіевѣ.

Всѣхъ засѣданій въ году было 11, изъ коихъ 2 административныхъ, одно годичное торжественное и 8 очередныхъ, въ которыхъ было прочитано 18 научныхъ сообщеній; изъ этихъ сообщеній къ археологіи относился одинъ рефератъ, къ древней русской исторіи 2, къ исторіи Юго-Западной Руси XVI и XVII вѣковъ 2, къ той-же исторіи XIX вѣка 1, къ изслѣдованію древнихъ памятниковъ письменностей и обозрѣнію историческихъ и историко-географическихъ матеріаловъ 7, къ исторіи литературы южныхъ славянъ 1, къ древней исторіи Востока 1, къ обзору дѣятельности XI археологическаго съѣзда 1 и къ обзору научныхъ работъ умершихъ членовъ общества 2.

Часть прочитанныхъ рефератовъ въ истекшемъ и предшествовавшемъ годахъ составитъ содержаніе XIII книги «Чтеній», которая въ настоящее время заканчивается печатаніемъ; въ этомъ-же году издана отдѣльной книгой историческая записка по случаю исполнившагося 25-лѣтія существованія общества Нестора Лѣтописца, составленная Н. П. Дашкевичемъ.

Чтеніе публичныхъ лекцій происходило подъ завѣдываніемъ проф. И. В. Лучицкаго; 9-ю членами общества лекціи читались по всеобщей исторіи—древней, средней и новой, по русской исторіи, по исторіи славянъ, по исторіи всеобщей и русской литературъ, по психологіи, по исторіи соціологическихъ теорій и по политической экономіи; на всѣ курсы подписалось около 250 слушателей, а на отдѣльные отъ 5 до 92 человѣкъ, а это служитъ вѣрнымъ показателемъ запроса въ обществѣ на высшія знанія.

Участіе общества Нестора въ подготовительныхъ работахъ по устройству XI археологическаго съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ этого года, выразилось: 1) въ работахъ предварительнаго комитета по устройству съѣзда; въ этомъ комитетѣ, состоявшемъ изъ 36 лицъ, членовъ общества было 30; комитетъ имѣлъ 12 засѣданій, 2) въ со-

ставленіи программы собиранія свѣдѣній о древностяхъ, 3) въ научныхъ экскурсіяхъ для производства раскопокъ и выбора предметовъ для выставки, 4) въ устройствѣ выставки по отдѣламъ: археологическому, иконографическому, церковныхъ древностей, рукописей, старопечатныхъ книгъ, картъ и плановъ; 5) въ приготовленіи къ съѣзду изданій: Ю. А. Кулаковскимъ: „Европейская Сарматія по Птоломею", И. М. Каманинымъ: „Палеографическій изборникъ—матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв.", В. А Кордтомъ: „Матеріалы по исторіи русской картографіи" и П. А. Лашкаревымъ: „Церковно-археологическіе очерки, 6) въ представленіи съѣзду рефератовъ и 7) въ обсужденіи рефератовъ, читанныхъ на съѣздѣ.

—

14-го ноября въ засѣданіи того-же общества было доложено письмо предсѣдателя Императ. Московскаго Археологическаго общества гр. П. С. Уваровой, въ которомъ гр. Уварова обратилась къ обществу по вопросамъ о выработкѣ мѣръ къ сохраненію памятниковъ старины и объ описаніи и изданіи снимковъ съ разныхъ предметовъ древности, которыхъ такъ много въ Юго-Западномъ краѣ и которые все болѣе и болѣе уничтожаются. По поводу этого предложенія обществомъ было рѣшено образовать изъ среды своихъ членовъ особую коммиссію, которой и поручить разработку данныхъ вопросовъ. *18-го ноября состоялось первое засѣданіе комиссіи.* Комиссія, относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли гр. Уваровой, нашла, что въ настоящее время общество Нестора Лѣтописца и по уставу своему, и по силѣ дѣйствующихъ узаконеній не имѣетъ возможности фактически проявить въ чемъ-либо свои заботы въ дѣлѣ охраненія отъ разоренія памятниковъ нашей старины. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію комиссіи, было-бы желательно, что-бы обществу Нестора Лѣтописца было предоставлено право ex officio ходатайствовать предъ подлежащими вѣдомствами и предъ частными собственниками о прекращеніи и предупрежденіи разрушенія или порчи вещественныхъ памятниковъ старины. Для этого внести въ этомъ смыслѣ предложеніе обществу Нестора Лѣтописца для дополненія устава его; при этомъ, по мнѣнію комиссіи, желательно было-бы внести также въ уставъ и дополненіе въ томъ смыслѣ, чтобы обществу было разрѣшено пріобрѣтать въ собственность всѣми, дозволенными закономъ

способами, отдѣльные участки земли, гдѣ находятся древности, подлежащія охранѣ.

Независимо сего, комиссія постановила предложить обществу Нестора просить Импер. Московск. Археологич. Общество ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ объ изданіи особаго распоряженія правительства, въ силу котораго всѣ собственники памятниковъ древности, будутъ-ли то частныя лица, или общественныя и правительственныя установленія, предварительно приступа къ передѣлкамъ, исправленію, уничтоженію и вообще ко всякимъ мѣрамъ, которыя сопряжены съ измѣненіемъ существующаго вида памятниковъ, обязаны были-бы сноситься съ ближайшимъ историческимъ или археологическимъ обществомъ. Въ этомъ отношеніи въ раіонъ Кіевскаго общества Нестора Лѣтописца желательно былобы включить всѣ губерніи Кіевскаго учебнаго округа.

Съ цѣлью поставить дѣло охраны памятниковъ древности на болѣе прочную почву, слѣдовало-бы также, по мнѣнію комиссіи, просить Московск. Археологич. Общество издать брошюру, въ которой были-бы сведены всѣ существующія по сему предмету указанія и распоряженія правительства.

По вопросу объ изданіи описанія и снимковъ памятниковъ мѣстной старины и историческихъ картъ, подготовленныхъ къ Кіевскому археологическому съѣзду нѣкоторыми членами общества Нестора Лѣтописца, комиссія постановила: 1) Просить циркулярно всѣхъ членовъ общества Нестора Лѣтописца сообщить имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о памятникахъ древности до конца XVIII вѣка: церквяхъ, замкахъ и старинныхъ зданіяхъ или объ ихъ остаткахъ; предметахъ утвари, оружія; частныхъ коллекціяхъ вещественныхъ памятниковъ древности и документовъ; старопечатныхъ книгахъ и рукописяхъ. 2) Просить ихъ-же указать свѣдущихъ лицъ, къ которымъ слѣдовало-бы обратиться за собираніемъ свѣдѣній объ упомянутыхъ памятникахъ. 3) Раздѣлить между членами комиссіи работу по составленію списковъ памятниковъ, какъ извѣстныхъ имъ лично, такъ и такихъ, свѣдѣнія о коихъ будутъ ими получены. Составленіе такихъ списковъ комиссія полагаетъ поручить слѣдующимъ лицамъ: 1) по 6-ти уѣздамъ восточной части Волынской губерніи—В. Б. Антоновичу, 2) по 6-ти уѣздамъ западной Волыни—О. И. Левицкому, 3) по Подольской губ.—Е. І. Сѣцинскому и Н. В. Молчановскому, 4) по Кіевской губ.—

В. И. Щербинѣ и И. М. Каманину, 5) по Черниговской губ.—А. М. Лазаревскому, Н. П. Василенко и Ѳ. М. Уманцу, 6) по Полтавской губ.—В. Г. Лянскоронскому, В. И. Василенко, А. В. Стороженко и О. И. Левицкому.

Послѣ утвержденія этихъ предположеній Обществомъ Нестора, Лѣтописца увѣдомить о настоящихъ постановленіяхъ гр. Уварову, добавивъ, что изданіе систематическаго описанія этихъ памятниковъ и рисунковъ будетъ зависѣть отъ средствъ, которыя на это могутъ быть ассигнованы, причемъ желательно было-бы для такого систематическаго описанія снарядить особую экспедицію.

—

Кіевское Общество Древностей и Искусствъ. 27-го октября, въ новомъ зданіи Музея, состоялось общее собраніе членовъ Общества. По поводу доклада вицепредсѣдателя Общества Б. И. Ханенко о необходимости изысканія средствъ на содержаніе музея и учрежденія штатовъ его, собраніемъ было постановлено уполномочить Правленіе Общества войти съ представленіемъ въ Думу для испрошенія субсидіи, а также на представленіе по сему предмету ходатайства предъ Правительствомъ и у почетнаго предсѣдателя Общества Великаго Князя Владиміра Александровича, и утвердить выработанный Правленіемъ проектъ положенія о Музеѣ. Въ этомъ-же засѣданіи былъ заслушанъ докладъ о назначеніи комиссіи для пріема зданія Музея и произведены выборы новыхъ членовъ Общества.

—

Физико-медицинское Общество при университетѣ св. Владиміра. 11 ноября проф. Я. Н. Якимовичемъ былъ сдѣланъ докладъ «*Объ окрашенныхъ* костякахъ, находимыхъ при археологическихъ раскопкахъ». Какъ извѣстно, вопросъ объ окрашенныхъ костякахъ представляетъ собой одинъ изъ самыхъ интересныхъ и въ то же время самыхъ спорныхъ вопросовъ въ области доисторической археологіи. На каждомъ изъ археологическихъ съѣздовъ вопросъ этотъ выдвигался на первый планъ, вызывая оживленные дебаты. На послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ августѣ въ Кіевѣ, этому вопросу былъ посвященъ докладъ проф. Ю. А. Кулаковскаго, который рѣшительно отвергалъ гипотезу извѣстнаго чешскаго ученаго Любора Нидерле. Послѣдній въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о жизни народовъ въ доисторическія времена вновь выдвинулъ старую гипотезу, полагая, что при погребеніи человѣка въ эпоху каменнаго

вѣка съ него первоначально снимались всѣ мягкія части, обнаженный скелетъ разбирался, кости тщательно окрашивались и затѣмъ вновь складывались въ скелетъ. Ю. А. Кулаковскій, доказывая въ своемъ докладѣ полную несостоятельность этой гипотезы, высказался въ томъ смыслѣ, что на трупъ покойника накладывался слой краски, которая, послѣ истлѣнія мягкихъ частей и одежды, переходила на кости. Съ мнѣніемъ докладчика тогда же согласился проф. В. Б. Антоновичъ. За то проф. Д. Н. Анучинъ, авторитетный переводчикъ книги проф. Нидерле, возражалъ Ю. А. Кулаковскому. Если не возможно обнажить скелетъ, разобрать его, окрасить и вновь составить, говорилъ онъ, то равнымъ образомъ представляется невозможнымъ, чтобы краска, положенная на тѣло, впослѣдствіи перешла на кости. Какъ на доказательство, онъ указывалъ на индѣйцевъ, которые, какъ это исторически извѣстно, окрашивали своихъ покойниковъ поверхъ кожи, и однако раскопки новѣйшаго времени не давали находокъ, гдѣ бы эта окраска переходила на кости. Проф. Н. И. Веселовскій, признавая этотъ вопросъ весьма спорнымъ, высказался въ томъ смыслѣ, что для рѣшенія его еще не пришло время. Проф. Я. Н. Якимовичъ занялся тѣмъ же вопросомъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, выясненіе способа окраски костяковъ. Разумѣется, методы его изслѣдованія, какъ гистолога, не имѣли ничего общаго съ методами, примѣняемыми археологами. Надо замѣтить, что окрашенные костяки встрѣчаются въ изобиліи на всемъ югѣ Россіи. Иногда они здѣсь попадаются цѣлыми массами. Сѣвернѣе Кіевской губерніи окрашенные костяки не встрѣчаются. Въ западной Европѣ такія же находки попадаются не рѣдко. При костякахъ находятъ орудія каменнаго и рѣдко бронзоваго вѣка. Окрашена бываетъ по преимуществу передняя поверхность скелета, главнымъ образомъ черепъ, лицо, ключицы и т. д. Иногда краска лежитъ въ могилѣ отдѣльными массами подлѣ трупа. Окраска производилась преимущественно въ красный цвѣтъ. Но краска эта бываетъ различной интенсивности. Изрѣдка можно встрѣтить окраску при помощи розовой, бурой, желтой и даже бѣлой краски. При своихъ изслѣдованіяхъ проф. Я. Н. Якимовичъ пользовался костями, добытыми при раскопкахъ проф. В. Б. Антоновича и проф. Ѳ. И. Кнауэра. Какъ-же производилась эта таинственная окраска? Несостоятельность гипотезы Л. Нидерле, по мнѣнію докладчика, очевидна. Это видно, хотя-бы изъ того, что, напримѣръ, изслѣдованная имъ головка лѣвой бедряной кости окраше-

на уже послѣ того, какъ весь связочный аппаратъ былъ уничтоженъ тлѣніемъ. Изслѣдованія подъ микроскопомъ привели докладчика къ тому несомнѣнному выводу, что окраска эта производилась именно такъ, какъ думаетъ проф. Ю. А. Кулаковскій. Подробно изложивъ тотъ методъ, какимъ проф. Я. Н. Якимовичъ пользовался при своемъ изслѣдованіи способа окраски костяковъ, онъ, на основаніи точныхъ данныхъ микроскопическаго изслѣдованія, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. 'Краска при погребеніи накладывалась на трупъ покойника. Съ теченіемъ времени мягкія части трупа и одежда тлѣли, и, такимъ образомъ, между слоемъ краски и костями скелета образовывался слой, состоящій изъ продуктовъ гніенія органическихъ веществъ. Мало-по-малу слой этотъ уносился при помощи почвенныхъ водъ, и, когда, наконецъ, всѣ продукты гніенія уходили въ сторону, краска ложилась непосредственно на кости. Но и краска, въ свою очередь, подвергалась вліянію почвенныхъ водъ: съ ней происходило выщелачиваніе, благодаря чему легкія частицы краски удалялись. Въ то-же время краска болѣе равномѣрно распредѣлялась на костякѣ. Такимъ образомъ, процессъ окрашиванія костяка есть процессъ вторичный, а не первичный. Онъ происходилъ въ теченіе тысячелѣтій, продолжаясь и въ настоящее время, и гипотеза проф. Ю. А. Кулаковскаго вѣрна. Ссылка проф. Д. Н. Анучина на примѣръ индѣйскихъ погребеній ничего не доказываетъ: тамъ могла употребляться другая краска, не допускающая такихъ процессовъ. Костяки юга Россіи окрашены охрой, состоящей изъ глины, окиси желѣза и разныхъ другихъ примѣсей. Но изслѣдованіе окрашенныхъ костей показываетъ, что теперь на нихъ остались только частицы окиси желѣза. Всѣ остальныя частицы, какъ болѣе легкія, удалены почвенными водами. Благодаря этому-же обстоятельству, цвѣтъ окраски костяковъ теперь гораздо интенсивнѣе, чѣмъ это было непосредственно послѣ погребенія. Обращаясь къ разсмотрѣнію значенія окраски, проф. Якимовичъ, прежде всего, указалъ на мнѣніе Ю. А. Кулаковскаго, который, придавая окраскѣ религіозное значеніе, видитъ въ ней пережитокъ прошлаго. Свое мнѣніе проф. Ю. А. Кулаковскій на археологическомъ съѣздѣ аргументировалъ ссылкой на свидѣтельство Плинія, изъ котораго видно, что римляне въ извѣстные дни окрашивали Юпитеру лицо красной краской, что то-же должны были дѣлать съ своимъ лицомъ тріумфаторы и т. д. Это даетъ право сдѣлать выводъ, что въ отдаленную эпоху представленіе римлянъ о бо-

жественномъ величіи, красотѣ, силѣ, славѣ и проч. ассоціировалось съ представленіемъ о красномъ цвѣтѣ. То же могло наблюдаться и у народа, жившаго на югѣ Россіи, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется явленіе окрашиванія покойниковъ. Докладчикъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что это окрашиваніе имѣло религіозное значеніе и что оно являлось переживаніемъ прошлаго. Но онъ идетъ далѣе этого. По его мнѣнію, окрашиваніе костяковъ эпохи каменнаго и бронзоваго вѣковъ происходило вслѣдствіе того, что у народовъ соотвѣтственныхъ эпохъ существовалъ обычай, въ силу котораго при погребеніи покойника на трупъ его, въ могилу, бросали охру. Если же не было охры, то бросали что нибудь другое, въ крайнемъ случаѣ, землю. Вотъ почему мы видимъ, съ одной стороны, разнообразіе цвѣта окраски, а съ другой стороны, неравномѣрность и неправильность распредѣленія краски въ могилѣ. Отсюда же, между прочимъ, ведетъ свое начало и нашъ обычай бросать въ могилу, на гробъ покойника, куски земли. Количество окрашенныхъ костяковъ идетъ рука объ руку съ количествомъ залежей охры въ данной мѣстности. Быть можетъ, и сѣвернѣе области нахожденія окрашенныхъ костяковъ существовалъ тотъ же обычай, но тамъ не было охры, и потому приходилось ограничиваться землей. По окончаніи доклада проф. Я. Н. Якимовича между присутствовавшими произошелъ довольно оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ, кромѣ членовъ физико-медицинскаго общества, приняли участіе присутствовавшіе въ засѣданіи археологи, профессора В. Б. Антоновичъ, Ю. А. Кулаковскій и Ѳ. И. Кнауэръ. Проф. Ю. А. Кулаковскій, указавъ на огромную важность для археологіи доклада Я. Н. Якимовича, который при помощи точнаго метода, какъ естествоиспытатель, окончательно доказалъ то, въ чемъ многіе археологи уже давно были убѣждены, замѣтилъ, что гипотеза о накладываніи краски на поверхность тѣла покойника принадлежитъ не ему. Гипотеза эта была предложена и обоснована проф. В. Б. Антоновичемъ. Онъ на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ выступилъ вновь въ защиту ея потому, что профессора Нидерле и Анучинъ печатно выступили въ защиту, казалось, уже оставленной гипотезы о сдираніи мягкихъ частей трупа. По мнѣнію проф. Ѳ. И. Кнауэра, объ искусственномъ способѣ окраски костяковъ не стоитъ много говорить, несмотря на то, что за этотъ способъ высказался не только Нидерле, но и Вирховъ. Въ пользу своего мнѣнія Ѳ. И. Кнауэръ привелъ слѣдующій фактъ. Лѣтомъ нынѣшняго года при

раскопкахъ на югѣ Россіи онъ нашелъ окрашенный скелетъ. Охра лежала густымъ слоемъ на лицѣ. При осмотрѣ же черепа оказалось, что внутри его имѣлась земляная глыба, смѣшанная съ охрой. Ясно, что искусственно туда нельзя было набросать охры, и это сдѣлали почвенныя воды („Кіевлян.", № 314).

—

Въ Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ организованы еженедѣльныя собранія для прочтенія рефератовъ. 4-го ноября, на такомъ собраніи, былъ доложенъ рефератъ *г. Эрдели—«О раскопкахъ кургановъ въ м. Мостовое, Херсонской губ.»*. Въ началѣ своего доклада референтъ замѣтилъ, что вообще по югу Россіи разсѣяны въ значительномъ числѣ курганы, съ раскопкой которыхъ, по его мнѣнію, надлежало бы поспѣшить: кромѣ необразованныхъ кладоискателей, жаждущихъ лишь легкой наживы и отыскивающихъ въ курганахъ драгоцѣнныя вещи, большимъ врагомъ кургановъ является и земледѣльческій плугъ, который въ пять—шесть лѣтъ совершенно стираетъ съ лица земли насыпи древнѣйшаго происхожденія. По характеру раскопанныхъ г. Эрдели кургановъ, они могутъ быть отнесены къ тремъ типамъ. Въ курганахъ перваго типа, болѣе древнихъ, были найдены въ материковомъ грунтѣ человѣческіе костяки, окрашенные въ красноватый цвѣтъ,—референтъ, для объясненія этого факта придерживается уже потерявшаго всякій кредитъ мнѣнія объ очисткѣ трупа отъ мягкихъ частей и окраскѣ костей. Курганы второго типа заключали въ наносномъ слоѣ неокрашенные человѣческіе костяки съ согнутыми колѣнями и руками, такъ что кости рукъ приходились близь черепа. Наконецъ, курганы третьяго типа, позднѣйшіе, принадлежали къ желѣзному вѣку; при ихъ раскопкахъ обнаружены человѣческіе костяки съ черепами лошадей, предметами конскаго снаряженія и различнымъ оружіемъ.

Изслѣдованія и раскопки.

Экскурсія отъ Городецкаго Музея Волынской губерніи барона Ѳ. Р. Штейнгель. Лѣтомъ настоящаго года Городецкій Музей снарядилъ небольшую экскурсію какъ для общаго ознакомленія съ краемъ, такъ и съ цѣлью собиранія различныхъ коллекцій для Музея. Въ экскурсіи, во главѣ которой находился владѣлецъ музея, приняло

участіе до 10-ти лицъ, распредѣлившихъ между собой занятія: одни собирала естественно-историческія коллекціи, другіе записывали народныя пѣсни, причемъ пущенъ былъ въ ходъ и фонографъ, снимали фотографіи видовъ, типовъ, построекъ, а также производили археологическія изслѣдованія и развѣдки. Экскурсіей была охвачена часть Ровенского и Луцкаго уу., какъ переходная къ Полѣсью, такъ и представляющая изъ себя глухое Полѣсье. Вотъ списокъ мѣстностей, черезъ которыя, подвигаясь изъ села къ селу, прошли экскурсанты: с. Пересопница, с. Бѣлевъ, с. Жуковъ, м. Клевань, м. Деражно, м. Степань, д. Коросте, с. Кречильскъ, с. Нѣмовичи, с. Городецъ, с. Большіе Цепцевичи, м. Бережница, д. Курашъ, д. Орваница, с. Берестъ, м. Домбровица, с. Селецъ, с. Лютинскъ, м. Высоцкъ, Рѣчица, Удрицкъ.

Ограничиваемся приведеніемъ краткихъ свѣдѣній о результатахъ экскурсіи по отношенію къ памятникамъ мѣстной старины. Какъ мы уже выше упомянули, въ распоряженіи экскурсантовъ были фотографическіе аппараты, которые и сослужили большую службу при съемкѣ различныхъ остатковъ старины, главнымъ образомъ старинныхъ построекъ. Затѣмъ, сняты планы городищъ при сс. Бѣлевѣ, Городцѣ, Кречильскѣ и м. Степани. На этихъ-же городищахъ произведены также и пробныя раскопки; особенно интереснымъ оказалось городище у. с. Кречильска, здѣсь найдены очень хорошіе образцы желѣзнаго наконечника копья и боевого топора княжеской эпохи, въ валу-же городища открыта масса погребеній.

Пробныя раскопки кургановъ произведены у. с. Пересопницы и д. Корости—Ровенскаго у. и у с. Городца и д. Теклюковки—Луцкаго у. Пересопницкіе курганы извѣстны по раскопкамъ г-жи Мельникъ, и погребальный типъ тамъ выясненъ. *Курганы у д. Корости* небольшой величены—около одного метра высоты и въ среднемъ 30 м. окружностью; скелеты обнаружены почти что на уровнѣ почвы, головой по большей части на западъ, скелеты плохой сохранности, такъ какъ курганы насыпаны изъ песку; у костяковъ найдены лишь незначительные желѣзные предметы. *Въ могильникѣ у с. Городца* высота кургановъ достигаетъ $1^1/_2$ мет., скелеты также на уровнѣ почвы, хоронились въ гробахъ; изъ найденыхъ предметовъ отмѣтимъ наборъ пояса, состоящій изъ бронзовыхъ орнаментированныхъ бляшекъ и пряжекъ. Въ одномъ курганѣ *у д. Теклюковки,* при скелетѣ, лежав-

шенъ въ такомъ-же положенiи, какъ и предыдущiе, найдены обручи и дужка отъ ведра.

Въ заключенiе упомянемъ, что экскурсантами на лѣвомъ берегу р. Горыни, между Лютинскомъ и Высоцкомъ, открыта стоянка каменнаго вѣка.

Экскурсiя настоящаго года была лишь пробой; проба оказалась удачной, и потому будущимъ лѣтомъ имѣется въ виду предпринять еще цѣлый рядъ новыхъ экскурсiй.

Случайныя находки.

Въ с. Жовнино, Золотоношскаго у., Полтавской губ. найденъ, скелетъ человѣка въ сидячемъ положенiи, причемъ одна нога его была перекинута на другую. Рядомъ со скелетомъ найдена золотая чашка, съ небольшимъ круглымъ отверстiемъ въ днѣ, наполненная металлическими наконечниками стрѣлъ, которыя въ изобилiи (болѣе 150) лежали и вокругъ чашки. Найдено также нѣсколько кусковъ желѣза, настолько изъѣденныхъ ржавчиной, что при одномъ прикосновенiи они разсыпаются. («Жизнь и Иск.»).

—

С. Воля-Адынка, Подольской губ. Въ долинѣ за селомъ, на толокѣ, стояла съ давнихъ временъ большая каменная плита. Ливнемъ плита эта снесена въ рѣчку, а на мѣстѣ ея образовалась большая яма. Въ ямѣ найденъ скелетъ, отличавшiйся по словамъ находчиковъ большими размѣрами. («Бессар.»).

—

Вблизи ст. Буды, Харьково-Никол. ж. д., крестьянинъ, при вспашкѣ поля, нашелъ кладъ мѣдныхъ монетъ; онѣ оказались русскими прошлаго столѣтiя, не представляющими интереса. Но, по словамъ корреспондента «Южн. Края», здѣсь находили золотыя и серебряныя монеты, а также разныя цѣнныя въ археологическомъ отношенiи вещи. Многiя изъ нихъ, къ сожалѣнiю, утаивались и сбывались на харьковскихъ базарахъ мелочнымъ торговцамъ. Въ мѣстности между Будами и Люботиномъ, на пространствѣ 4 верстъ, встрѣчается не мало кургановъ и разнаго рода искусственныхъ насыпей.

—

Кол. Старошведская, Херсонск. у. На пространствѣ всего участка, по направленію къ юго-зап., находится масса незначительныхъ возвышенностей и углубленій. При расчисткѣ этого мѣста мѣстными поселянами, найдено много костей и нѣсколько монетъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Во время работы на устраиваемыхъ поселянами виноградникахъ, одинъ изъ поселянъ натолкнулся на небольшую плиту. Разломавъ ее и расчистивъ вокругъ нея мѣсто, онъ нашелъ довольно хорошо уцѣлѣвшіе остатки русской печи, конечно, въ небольшомъ размѣрѣ. При устройствѣ этихъ углубленій и насыпей соблюдена извѣстная симметрія, которую и теперь еще не трудно открыть. Всѣ углубленія расположены въ нѣсколько рядовъ и находятся другъ отъ друга на почти равномъ разстояніи. Выше указанные признаки свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь, по всей вѣроятности, когда то былъ лагерь запорожскихъ козаковъ. Когда всѣ углубленія будутъ засыпаны и начнется работа по приготовленію канавъ для посадки весной виноградныхъ чубуковъ, есть надежда, что будутъ найдены еще и другія вещи. («Югъ»).

Разныя извѣстія.

Общество любителей изученія Кубанской области, по просьбѣ предсѣдателя Московск. Археолог. Общества гр. Уваровой, вознамѣрилось приступить къ точному *описанію церковныхъ предметовъ,* доставшихся Кубанскому войску изъ *Запорожья и Межигорскаго монастыря.* Въ этихъ видахъ оно обратилось къ Начальнику области съ просьбою сдѣлать распоряженіе о выдачѣ предсѣдателю правленія, В. М. Сысоеву, на нѣкоторое время „описи церковнымъ вещамъ Екатеринодарскаго войскового собора, предназначеннымъ къ вѣчному храненію“ и о разрѣшеніи тому же предсѣдателю и тѣмъ членамъ Общества, которымъ это будетъ поручено, доступа въ Екатеринодарскій войсковой соборъ, въ Лебяжій монастырь и въ другія церкви Кубанской области.

Просьба эта, въ той части, которая касается войскового собора, начальникомъ области удовлетворена, относительно-же другихъ церквей Обществу придется обратиться за разрѣшеніемъ къ духовному начальству. („Кубанск. Вѣд.“).

—

Въ Лубнахъ, по сообщенію мѣстнаго корреспондента „Кіевлянина“, *Д. И. Эварницкимъ*, „проѣздомъ черезъ городъ“, были прочтены *двѣ публичныя лекціи по археологіи*, привлекшія сравнительно много публики. Къ сожалѣнію, корреспондентъ не говоритъ о темѣ лекцій, но приводитъ замѣчаніе лектора, «что при ограниченности отпускаемыхъ казною на археологическія изслѣдованія средствъ, раскопки возможно производить въ имѣніяхъ очень богатыхъ землевладѣльцевъ и остается пожалѣть, что въ Лубенскомъ уѣздѣ нѣтъ такихъ условій, а, слѣдовательно, наши курганы не могутъ привлечь ученыхъ изслѣдователей».

—

Въ августовскомъ номерѣ «Журнала Минист. Народнаго Просвѣщенія» помѣщена статья *А. А. Спицына—Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ*, вышедшая и отдѣльнымъ оттискомъ. Статья эта представляетъ большой интересъ и должна занять исключительное мѣсто въ русской археологической литературѣ, очень бѣдной работами обобщающаго характера. Статья небольшая, но она потребовала массы подготовительной работы по собиранію и разработкѣ, матеріала въ большинствѣ случаевъ представляющаго изъ себя груды сырья. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, мы не можемъ остановиться подольше на этой работѣ извѣстнаго археолога и ограничиваемся указаніемъ лишь на общіе выводы. Прежде чѣмъ перейти къ основновной темѣ, авторъ останавливается на вопросѣ о разселеніи вообще славянъ въ древнѣйшую эпоху и указываетъ на поля погребальныхъ урнъ, могущія пролить свѣтъ на этотъ вопросъ. Погребенія въ урнахъ спорадически констатированы и въ Россіи, не говоря уже о Царствѣ Польскомъ, но на нихъ до сихъ поръ еще мало обращено вниманія, мало затронута и классификація ихъ. Поэтому намъ кажется немного преждевременнымъ мнѣніе автора, что находки г. Хвойки въ Кіевской губ. т. н. площадокъ съ сосудами, могутъ имѣть значеніе въ обще-славянской литературѣ—находки эти относятся къ переходной эпохѣ отъ каменнаго къ металлическому вѣку, и потому до славянства имъ еще далеко, да кромѣ того, если не ошибаемся, на площадкахъ до сихъ поръ не обнаружено погребеній въ урнахъ. Въ основу своихъ изслѣдованій о разселеніи древне-русскихъ племенъ авторъ кладетъ ту часть лѣтописи Нестора, которая касается этого вопроса, но прибавляетъ, что картина, нарисованная лѣтописцемъ страдаетъ отсутствіемъ историко-этнографической перспективы—

недостатокъ этотъ, по мнѣнію автора, и должна попытаться пополнить археологія, вмѣстѣ съ филологіей и антропологіей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ останавливается на различныхъ типахъ погребальнаго обряда и прослѣживаетъ ихъ по областямъ всѣхъ племенъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись. У автора, благодаря его громадной эрудиціи по данному вопросу, былъ въ распоряженіи довольно обширный матеріалъ, но въ виду той безсистемности, съ какой все еще ведутся въ Россіи раскопки, ему зачастую приходилось наталкиваться на совершенно пустыя мѣста, отчего страдала и общая картина. Древнѣйшіе памятники IX и X вв.—погребеніе сожженнаго праха въ урнахъ; какъ уже сказано, типъ этотъ мало прослѣженъ въ Россіи. Далѣе, въ X вѣкѣ, господствуетъ погребеніе сожженнаго трупа въ курганахъ, по мнѣнію автора наиболѣе распространенное въ странѣ сѣверныхъ русскихъ племенъ, хотя это положеніе, пожалуй, съ накопленіемъ большаго числа изслѣдованій, и придется измѣнить Не вполнѣ можно также согласиться съ мнѣніемъ высказаннымъ правда съ оговорками, что распространеніе обычая погребенія въ курганахъ шло у насъ съ сѣвера, а начало обычаю было положено норманнами, да и самъ авторъ, повидимому, не настаиваетъ на немъ, особенно по отношенію къ юго-западу Россіи. Въ эту эпоху, по археологическихъ даннымъ, древне-русскія племена являются соединенными въ 2 главныя группы: сѣверную—новгородцы и кривичи, и южную—дреговичи, древляне, поляне; внѣ этихъ группъ стоятъ отдѣльно бужане, сѣверяне и радимичи съ вятичами. Подъ вліяніемъ христіанства, обычай сожженія покойниковъ мало по малу уступаетъ мѣсто погребенію въ курганахъ, и въ XI в., наряду съ сожженіемъ, распространяется обычай погребать покойниковъ въ грунтовыхъ ямахъ; обычай этотъ, по мнѣнію автора, въ XII в. можно считать окончательно установившимся. Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ, идущимъ противъ общераспространеннаго, по которому погребеніе въ курганахъ непремѣнно связывалось съ язычествомъ. Быть можетъ это положеніе автора и можно измѣнить по отношенію къ отдѣльнымъ областямъ, но въ общемъ, основанное на выводахъ, добытыхъ путемъ сравненія культуры этого періода, оно, на нашъ взглядъ, имѣетъ подъ собой твердую почву. По археологическимъ даннымъ, относящимся къ этому времени, древне-русскія племена распадаются на три группы: сѣверную, юго-западную и восточную, причемъ въ

юго-зап. групу входятъ волыняне, поляне и древляне. Это распредѣленіе не вполнѣ сходится съ распредѣленіемъ, основаннымъ на филологическихъ даныхъ (статья акад. Шахматова); да и роль археологіи въ вопросѣ о соединеніи древне-русскихъ племенъ въ этнографическія группы менѣе значительна, чѣмъ въ вопросѣ о разселеніи ихъ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи, данныя археологіи вполнѣ соотвѣтствуютъ извѣстіямъ лѣтописи—таковъ общій выводъ работы А. Спицына.

РАЗСКАЗЫ

М. Т. СИМОНОВА

(НОМИСА).

Изданіе „Кіевской Старины“.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 24 ноября 1899 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе. I

Изъ дѣтскихъ и отроческихъ воспоминаній автора . . . III

I. Отрывки изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка:

1. Утро въ свѣтлый праздникъ 1

2. Каленикъ разсказываетъ про дьяка Ивана. 8

3. Отецъ разсказываетъ про хату дьяка Ивана и про людей, въ ней жившихъ. 12

4. Отецъ снова разсказываетъ про какого-то неизвѣстнаго силача. 25

5. Поступленіе Василія Петровича въ городское училище. . . . 33

6. Эпизодъ. 45

7. Первые дни въ школѣ и первая поѣздка домой. 66

8. Хорошо или худо. 123

II. Риздвяни святки:

1. Приготовленія къ риздвянымъ святкамъ 129

2. Багата кутя 145

3. Святый Вечиръ. 174

III. Дидъ Мына и баба Мыныха 195

IV. Титка Настя 226

V. Разсказъ о поѣздкѣ запорожцевъ въ Петербургъ . . . 239

Предисловіе.

Имя *Матвѣя Терентьевича Симонова* болѣе извѣстно въ нашей малорусской литературѣ подъ псевдонимомъ *Но́мисъ*, что̀ составляетъ обратное чтеніе его предковской фамиліи *Симонъ*. Литературная дѣятельность его не столько выдѣляется по количеству написаннаго имъ, сколько по качеству: онъ такой знатокъ народно-бытовой жизни своей родины, исполненъ такой любви къ ней, что все написанное имъ, главнымъ образомъ на страницахъ „Основы“ [1]), живо воспроизводитъ картины недавняго прошлаго нашей Украины. А между тѣмъ, всѣ разсказы, издаваемые теперь нами отдѣльной книгой, мало были доступны современнымъ читателямъ, изъ которыхъ одни, читая эти разсказы, унесутся воспоминаніями въ годы своего дѣтства и отрочества и оживятъ въ памяти то, чему они сами были свидѣтелями, а другіе получатъ возможность нарисовать въ своемъ воображеніи ту характерную обстановку малорусской жизни, которая за нѣсколько послѣднихъ десятковъ лѣтъ успѣла уже отойти въ область невозвратнаго прошлаго. Мы вполнѣ увѣрены, что и тѣ, и другіе изъ читателей одинаково скажутъ вмѣстѣ съ нами сердечное *спасибо* М. Т. Симонову за то, что онъ далъ согласіе напечатать свои разсказы съ ихъ нестарѣющей прелестью.

---

[1]) Мѣсто и время первоначальнаго напечатанія разсказовъ М. Т. С—ва указано въ примѣчаніяхъ при заглавіи каждаго изъ нихъ.

II

Какъ поясненіе къ исторіи издаваемыхъ разсказовъ М. Т. Симонова, помѣщаемъ здѣсь очеркъ его дѣтскихъ и отроческихъ воспоминаній, написанный имъ по нашей просьбѣ, вмѣсто авторскаго предисловія къ настоящей книжкѣ.

Ред.

ИЗЪ ДѢТСКИХЪ И ОТРОЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ АВТОРА.

Первоначальная родина моихъ предковъ (*Сымоны*, *Сыминъ*, *Сыминко*) была мѣстечко Оржица. Какъ видно изъ бумагъ, были они люди съ вѣсомъ: былъ, напр., одинъ изъ Сымонивъ Оржицкимъ атаманомъ—въ началѣ XVIII в.; это въ мѣстномъ колесѣ была не послѣдняя спица. О степени состоятельности ихъ можно судить изъ того факта, что, когда Оржичане положили увеличить свой выгонъ добровольнымъ пожертвованіемъ земли, то всѣ дали по одному *дню*, а кто и по *полъ-дня*, а одинъ изъ Сымонивъ далъ *два дня*. А что Сымоны были народъ *завзятый* —это прозвище сохранилось за ними до послѣдняго времени...

Что было причиною выселенія Сымонивъ изъ Оржицы—не знаю,—должно быть общая украинская черта—индивидуализмъ, наклонность къ обособленности, любовь къ хуторной жизни. Да и обстоятельства къ тому располагались благопріятныя: по степамъ становилось тише (меньше стало тамъ волочиться той *погани-татарвы*), стали по Оржицкимъ степамъ разсыпаться хутора́ Иржавскіе, Вершино-Иржавскіе, Слиньковскіе и т. д. Выселились и Сымоны, не всѣ, а лишь двѣ семьи братьевъ Сымонивъ (около тридцатыхъ годовъ XVIII в.); за ними впослѣдствіи и еще выселились нѣкоторые Сымоны. Но выселились Сымоны не въ глубь „Оржицкого Степу", а поселились надъ тѣмъ же берегомъ рѣчки Оржицы, гдѣ находилось и м. Оржица, только на противоположной сторонѣ того угла, *рога*, который дѣлаетъ этотъ берегъ въ степь: выселились значитъ за *ригъ*, гдѣ въ то время, по преданію, была одна лишь

какая то маленькая хатка (вѣроятно сторожка); зажили, значитъ, *за рогомъ* (*Зарігъ*). Мѣсто вышло для поселенія—удивительное: съ одной стороны роскошный степъ, а съ другой пышныя по косогору *стѣнки* 1), а за стѣнками очеретъ, болота невылазныя, *нетры*—гдѣ можно было прятаться и все прятать, если бы появилась татарва. Къ концу прошлаго столѣтія Сымонивъ размножилось въ Зарогѣ порядочно, такъ что значительнѣйшею его частію стала *Сымонивщина*, причемъ *нѣкоторые Сымоны* перемѣнили свое прозваніе *Сымоны* на *Симоновъ*, въ томъ числѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, подъ старость, и мой дѣдъ, а за дѣдомъ и его три сына... Однимъ словомъ, пошла писать губернія...

Родился я въ Зарогѣ 17 ноября 1823 года... Вспоминаетъ было впослѣдствіи покойница мать: „якъ папèро жъ ты родывся билый! А вже що велыкый, велыкый!.. Якъ обносывъ тебе о. Михаилъ по церкви (т. е. при вводинахъ) и положывъ передъ царськымы дверьмы, то ажъ рукамы стрипнувъ—отто, мовъ рукы пообтягавъ!..“ Недолго, однако, пришлось утѣшаться покойницѣ первымъ ея сыномъ! Скоро такая страшная оспа напала, что одно время сочли меня было умершимъ, снарядили на смерть и на столъ положили... А потомъ и глазъ мнѣ вышибли—двухъ мѣсяцевъ не было мнѣ отъ рожденія...

Тѣмъ не менѣе, раннее мое дѣтство, *до вченія*, представляется въ моемъ воспоминаніи очень свѣтлымъ. Довѣрчивость моя ко всѣмъ (покы хто не звирытся—о, тогда я истый украинецъ!), наивность, веселость, любовь ко всякимъ забавамъ дѣтскимъ располагали въ мою пользу окружающихъ: „Таке жъ воно втишне, оцей хлопець!..“. По всей вѣроятности, имѣли тутъ вліяніе на хорошія украинскія сердца, особенно женскія, та непривѣтливость, съ которой встрѣтила меня жизнь сейчасъ по моемъ явленіи на свѣтъ. Какъ бы то ни было, эта свѣтлость моего ранняго дѣтства, вѣроятно, была причиною того, что у меня сохранились и теперь воспоминанія

1) Участки, заросшіе лѣсомъ. *Ред.*

изъ такой глубины моего дѣтства, изъ какой вѣроятно рѣдко сохраняется у другихъ дѣтей. Напр., ранняя свѣтлая весна 1825 г. (слѣдовательно, мнѣ нѣтъ еще и полутора года отъ рожденія), свѣтлое утро; я изъ спальни перебрался черезъ *прыхожу* въ *пекарни*, переступилъ порогъ и—„Бабусю!»; а она, дорогая, за столомъ, шьетъ или вяжетъ, въ колпакѣ (такой головной уборъ былъ иногда въ то время у женщинъ), освѣщенная съ тылу въ окно взошедшимъ уже солнцемъ... „Ахъ ты мій парубче!.. ты, мій соколе!.. Бросаетъ она работу, *пидтюпцемъ* ко мнѣ спѣшитъ, хватаетъ на руки... Или: воспоминанія о массѣ *кроливъ*, бывшихъ у отца во дворѣ въ особой хатѣ, которыхъ я любилъ очень посѣщать. Эти воспоминанія относятся тоже къ 1825 г., а можетъ быть и къ 1824 г., потому что въ 1826 г. кролиное царство уже было раскассировано, хата разобрана, и въ 1827 г. уже стоялъ тамъ новый домъ, такъ называемыя *мали хаты*. Или: отецъ купилъ гдѣ-то на ярмаркѣ точеную изъ дерева, съ крышкою, красную *мыльнычку*; мнѣ дали поиграться, но мыльничка мнѣ такъ понравилась, что моя нянька, Орышка Нештапка, чтобы снова добыть въ свои руки мыльничку, у меня ее украла. Спохватившись, что нѣтъ мыльнички, я поднялъ плачъ, исканіе... Чтобы меня успокоить, Нештапка такой фокусъ употребила: поставила меня на столикѣ передъ зеркаломъ: „Дывысь“, говоритъ, „туда“! Я взглянулъ въ зеркало: какая-то круглолицая краснощокая фигура (единственное отраженіе въ зекралѣ, сохранившееся въ памяти у меня отъ молодыхъ лѣтъ), а изъ-за шеи фигуры выглядываетъ въ зеркалѣ мыльничка... Я бросился къ зеркалу, цапнулъ рукою за мыльничку, мыльничка исчезла... Я снова въ слёзы; заглядывалъ въ зеркало—пропала мыльничка... И много у меня такихъ воспоминаній осталось...

Но вотъ отецъ въ одно прекрасное утро, въ 1826 г., вѣроятно въ сентябрѣ, объявляетъ мнѣ, что сегодня, дескать, возьмемся за *грама́тку*... Счастливый, я бросился въ спальню надѣть новенькіе *чобиткы* вмѣсто старыхъ, въ чаяніи, что меня повезутъ учиться граматкѣ въ школу; но сестры меня разувѣрили,

что ни въ какую школу меня не повезутъ, а будемъ учиться всѣ дома:—одинъ изъ старшихъ братьевъ, Федоръ, будетъ учить Я, какъ говорится, *осиися* и отложилъ въ сторону новые чоботки.

Здѣсь, на время, считаю нужнымъ пріостановиться и, прежде всего, замѣтить, что для меня неясна моя радость при мысли объ ученьи въ школѣ. Трудно предположить, чтобы въ то время не было извѣстно мнѣ, какъ горекъ былъ у насъ въ школахъ корень ученія. Одно только правдоподобное объясненіе моей радости можно допустить то, что тѣ интеллектуальныя утѣхи, которыя доставляла намъ *книга* въ нашемъ разношерстномъ домашнемъ кружкѣ, заслонила для меня на тотъ разъ корень ученія. У насъ въ домѣ былъ обычай въ праздничные ненастные дни собираться всѣмъ чадамъ и домочадцамъ въ нашей огромной пекарнѣ, у большого стола, и тамъ разсматривать всякіе *кунштыки* въ грамматкѣ, часословцѣ, псалтыри... Обыкновенно дѣло начиналось съ разсматриванія заставныхъ буквъ въ псалтыри—при чемъ бывшіе грамотные изъ домочадцевъ (говорю *бывшіе*, потому что большая часть ихъ, хотя и много между ними училось грамотѣ, съ теченіемъ времени грамоту забывали), поднимали дебаты—то утверждаетъ, что это *и*, другое, что *покой* и т. д. и т. д. Шумно, весело! Такимъ образомъ еще до начала ученья я былъ знакомъ съ формою нѣкоторыхъ буквъ, особенно заставныхъ. Но верхъ радости былъ для всѣхъ, когда принимались за настоящіе *кунштыки*: *всевидящее око*, *духъ въ видѣ голубинѣ* и т. д. и еще болѣе—*царь Давидъ*, *играющій на гуслях*, а особенно *фараоны гибнувшіе въ Черномъ морѣ*... „Такъ тимъ фараонамъ и треба"!—Во вторыхъ, для меня не совсѣмъ понятно и то, почему отецъ меня не отдалъ въ школу, [1]), а оставилъ учиться дома, тѣмъ болѣе, что школа всегда пользо-

[1]) А школъ въ то время въ Зарогѣ было штукъ пять. Даже теперь помню школы Дитняка, Шемины и Грузина. Школа Дитняка при отцѣ его, корнетѣ Дитнякѣ, какъ мнѣ разсказывалъ лѣтъ сорокъ назадъ одинъ изъ Кременчугскихъ купцовъ Слиньковъ во время ихъ ученія въ ней, имѣла отъ сорока до пятидесяти школярей.

валась его аттенціей. Конечно, въ состоятельныхъ семьяхъ у насъ, часто неграмотные члены ихъ грамотились грамотными; но старикъ былъ не такой человѣкъ, чтобы руководствоваться подобными примѣрами безъ особаго резона. Должно быть, порѣшивъ грамотить и дочерей, онъ счелъ болѣе обезпеченнымъ достиженіе своей цѣли при домашнемъ обученіи, подъ личнымъ наблюденіемъ, чѣмъ при посредствѣ школы.

Какъ бы то ни было, подъ руководствомъ брата Федора машина была пущена въ ходъ: „азъ, буки, вѣди, глаголь, добро... буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва... бла, вла, гла... гдѣ, кто, чту, мню.... азъ, ангелъ, архангелъ... оксія, исо, вара, камора, краткая, звательˮ... Фу ты, Боже мой! И все это дѣлалось не какія либо 7000 лѣтъ назадъ, а лишь съ чѣмъ то семьдесятъ!! Сколько на это потрачено времени, силъ!.. И однако, если сказать по правдѣ, то все это не настолько надоѣдало и не столько было безмѣрно скучно, какъ тѣ правила для учащихся, которыя заставляли послѣ насъ учить наизусть въ приходскомъ училищѣ!.. Руководительство брата Федора продолжалось до Пасхи 1827 г. (въ Полтаву уѣхалъ); отъ Пасхи до Филипповокъ у насъ дѣйствовало начало самопомощи (сестры *промовлялы* пройденное, а я шелъ дальше подъ ихъ руководствомъ). И нельзя сказать, чтобы у насъ шло дѣло совсѣмъ плохо: по крайней мѣрѣ, повѣшенный отцомъ на гвоздикѣ въ нашей классной комнатѣ кнутикъ оставался все время безучастнымъ зрителемъ. Отъ Филипповки до масляной 1828 г. мы пробыли въ ученьи у дядька (брата матери) Михаила, въ с. Онушкахъ, бездѣтнаго и добрѣйшаго человѣка, и большого моего баловника. Тутъ самопомощь была совершенно въ отсутствіи: нѣтъ дядька Михайла дома—шабашъ учиться, такъ-какъ сестры съ наймычкой работаютъ и ведутъ бесѣду, а я—по наружному хозяйству съ наймитомъ, большей частію у него на спинѣ сидя и опершись ногой, какъ въ стремя, въ петлю *налыгача*, переброшеннаго имъ себѣ черезъ плечо. А былъ дядько Михайло дома, что случалось далеко непостоянно, т. к. онъ былъ церковнымъ старостой—и безбожный о. Авель, царство ему небесное, помавая предъ лу-

ховнымъ взоромъ дядька Михайла впереди похвальнымъ листомъ отъ кого слѣдуетъ, а можетъ быть даже и серебряною медалью, *турявъ* его вездѣ за разными надобностями иногда и церковными, но главнымъ образомъ своими собственными. Такъ, говорю, когда былъ дядько Михайло дома, тогда ученье шло довольно старательно, и онъ частенько насъ награждалъ за то роздыхомъ, всегда впрочемъ сопровождая такой актъ своей благости насупленною миною и словами: „а я пиду навію гречкы про запасъ, щобъ було чимъ васъ черезъ гречку перегонять"...

Не мудрено послѣ этого, что мнѣ легко могла представиться возможность однажды разбить стекло въ *напичнимъ окни* и пролить по этому поводу цѣлые потоки слезъ. Но объ этомъ, можетъ быть, послѣ. Отъ масляной до Пасхи 1828 г. мы учились у мужа старшей дочери отца, Яцыны, съ тремя его дѣтьми (двумя мальчиками и одной дѣвочкой) и уже учились у настоящаго *шпехтаря*, какого-то Чеберяка, должно быть уроженца хуторовъ с. Денисовки, но почему то долго жившаго, вѣрно, въ низовскихъ губерніяхъ, что-ли. Крайне непріятный онъ былъ человѣкъ, и особенно не сошелся съ нашими дѣвицами. Отъ Пасхи 1828 до начала генваря 1832 мы учились уже постоянно дома, сначала съ дѣтьми Яцыны, а съ весны 1829 года безъ нихъ, и сначала подъ шпектарствомъ же Чеберяка, а потомъ, съ начала 1829 г. до холеры (весна 1831 г.), подъ шпектарствомъ какого-то Волошина, *богослова*, какъ его величали, но богословія вѣроятно никогда и издали не видавшаго, за то семинарствомъ, дѣйствительно, порядочно пропитаннаго. Это была совершенная противоположность Чеберяку: добрый, мягкой души, любимый своими ученицами, но пьяница... Отецъ долго терпѣлъ, наконецъ поставилъ Волошину вопросъ ребромъ: или—или... Волошинъ избралъ среднее: далъ отцу письменное обязательство, что если онъ еще разъ окажется пьянымъ, то отецъ воленъ ему дать 30 батоговъ... Ей, Богу, правда. Еще бывши студентомъ въ университетѣ, я находилъ эту росписку въ бумагахъ отца, и крайне жалѣю, что тогда не взялъ себѣ этого *антика*,—а послѣ онъ куда-то исчезъ... Росписка нѣкоторое время удерживала Воло-

шина, но въ концѣ концовъ не сдержала... Отецъ было его разсчиталъ, но не устоялъ предъ ходатайствами сестеръ и всякихъ заступниковъ... По окончаніи холеры 1831 г., отецъ послалъ въ Лубны прошеніе объ опредѣленіи меня въ Лубенское училище; но опредѣленіе тогда не состоялось: я проболѣлъ всю осень, возили меня по разнымъ шептухамъ и знахарямъ переполохъ выливать и т. д. Поступилъ я въ училище, да и то въ меньшее отдѣленіе приходскаго класса, въ генварѣ (кажется 10 числа) 1832 г.

Изъ случаевъ и обстоятельствъ, интересныхъ въ какомъ нибудь отношеніи за этотъ пятилѣтній періодъ времени, вспоминаю слѣдующія происшествія: передъ Пасхою 1827 г. (еще за шпектарство брата Федора) у насъ появился откуда то *Бова-Королевичъ*—первая на русскомъ языкѣ книга, какую намъ приходилось видѣть. Это было цѣлое событіе въ нашей средѣ чадъ и домочадцевъ. Въ свободное время на свѣтлыхъ праздникахъ, которая-нибудь изъ сестеръ садится въ пекарнѣ за столомъ читать Бову, а мы, вся туча, наваливаемся на столъ, одно другому на спину лѣзетъ, чтобы слышать... Положительно Бова взялъ верхъ надъ всѣми героями *насъкыхъ* казокъ, и тѣмъ болѣе, что то, что въ нашихъ казкахъ разсказывается, то можетъ быть еще и *брехня*, а это вѣдь изъ печатной книги читается. Вотъ и поди ты, толкуй о народной психологіи. А вотъ другой случай. Я выше упомянулъ о пролитыхъ мною слезахъ по поводу разбитаго стекла въ *напичнимъ* окнѣ. Дѣло было передъ Рождествомъ 1827 г.; дядька и дядыны не было дома (кажется куда-то на базаръ уѣхали); я утромъ сижу за столомъ и читаю пятую каѳизму изъ псалтыри (именно *пятую*, а не иную, твердо помню это: какъ видите, я далеко шагнулъ за годъ). Только пріѣзжаетъ отецъ, велитъ мнѣ продолжать дальше, а самъ начинаетъ ходить по хатѣ, обогрѣваться (морозы стояли лютые). Я читаю, тѣшусь, что такъ *голосно* и *добре* читаю (т. е. собственно *промовляю*, читаю выученное). Только замѣчаю, что отецъ какъ дойдетъ до противоположнаго конца хаты, то и заглянетъ за печку, гдѣ выбитое стекло; дойдетъ, то и заглянетъ..

У меня голосъ постепенно падаетъ, начинаю путаться въ чтеніи („вѣрно догадался, что я окно разбилъ“)... Наконецъ я совсѣмъ сталъ!.. „Читай дальше“!.. Молчу... „Читай, кажу“!.. Молчу... Затѣмъ слезы, потомъ рыданія... Пріѣхали дядько съ дядыною; взяли отецъ съ дядькомъ на допросъ меня въ свитлыцю,—ничего не добились; съ тѣмъ отецъ и уѣхалъ домой: слезы, слезы—и больше ничего!.. Взяли насъ на Рождество домой; слезы забыты. Но тутъ повредила мнѣ моя глупая откровенность. Какъ то при отцѣ мать начинаетъ меня разспрашивать, чѣмъ мы занимаемся въ Онушкахъ, когда дядька и дядыны нѣтъ дома. Я и началъ разсказывать про свои похожденія съ наймытомъ. „А дивчата (т. е. сестры)“?..—Шыють зъ наймычкой, прядуть, спивають!..—„Та не все жъ шыють и прядуть та спивають—може жъ и ще що роблять“?—„Балакають“.—Про що жъ воны балакають?—„А хто ихъ зна про що! Воны тыхо соби балакають“. Отецъ насторожилъ уши, а когда пришлось снова отвозить насъ въ Онушки, мы поснидалы и вошли въ свитлыцю прощаться; отецъ сидитъ на стулѣ, а возлѣ въ углу три дубца, аки свѣтильники... „А про що вы шепоты ведете зъ наймычкою“? и не пускаясь въ дальнѣйшія объясненія и не ожидая отвѣтовъ, отпустилъ каждой изъ сестеръ по пяти ударовъ по шубейкѣ... „А ты чого тоди плакавъ“? и тѣмъ же порядкомъ отпустилъ и мнѣ пять ударовъ по кожушку[1])... Значитъ, человѣкъ исполнилъ свой долгъ!.. Когда мы спустились внизъ съ горы на болото, возница, поворотившись къ намъ, спросилъ: „А що жъ всимъ трёмъ була хлоста“? Отвѣтъ былъ дружный—*всимъ*... А якъ же—по одежи тилькы?..—„По одежи“! еще дружнѣе отвѣтили мы всѣ. Поганяйло одобрительно кивнулъ головой и обратился къ своимъ обязанностямъ.

Припоминается мнѣ и еще одинъ эпизодъ. Это было у Яцыны въ 1828 г. Подъ вліяніемъ разсказовъ Яцыны, бывшаго

[1]) Къ чести благоразумія отца надобно сказать, что онъ рѣдко наказывалъ насъ, а особенно меня. Да меня и въ учебныхъ заведеніяхъ, ни одного разу тѣлесно не наказывали: безъ обѣда часто случалось быть въ уѣздномъ училищѣ, а ужъ что били по ладонямъ линейками за мое сквернописаніе—то и счету не было! ну и что же? сквернописаніе, какъ видите, оттуда линейками не изгнали.

въ 1812 г. въ ополченіи, мы втроемъ, мальчики, сочинили игру у—*хранцузъ*: старшій Яцына начальникъ, младшій—*хранцузъ*, а я *русъкый*: кто кого одолѣетъ. Я такъ стремительно налетѣлъ на хранцуза, что вырвалъ и отбросилъ его ружье (палку), и въ догонку уходящему хранцузу далъ порядочнаго тычка штыкомъ въ спину... Хранцузъ побѣжалъ къ отцу жаловаться; позвали меня къ отвѣту, и старому Яцынѣ большого труда стоило нѣсколько прохладить меня и увѣрить, что не все слѣдуетъ принимать на вѣру. Другой случай былъ тоже у Яцыны. Какъ то вечеромъ, предъ ужиномъ, всѣ были въ сборѣ и, въ ожиданіи вечери, про разное вели бесѣду. Только старый Яцына и разсказываетъ случай, что какой то панъ любилъ читать много и столько читалъ, что наконецъ *зачытáвся* и тронувся ума. Я и говорю ему (и сколько и теперь могу судить, должно быть—безъ всякой задней мысли): „Вотъ видите“ говорю, „а вы все меня подгоняете—*читай* да *читай*: такъ и я могу *зачитаться* и *тронуться* ума“! Послѣдовалъ гомерическій смѣхъ, и послѣ долго меня шпиняли: „ты, молъ, смотри, не зачитайся, а то ума тронешься“!

Школа наша не любила шпехтаря Чеберяка, особенно дивчата, и нерасположеніе наше до того разрослось, что однажды, увидѣвши сѣрую смушевую шапку (онъ носилъ такую шапку), осенью въ праздничный день, въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, побѣжали въ *стинкы*, наламали прутьевъ и начали *тюжить* несчастную шапку (Чеберякъ куда то ушелъ гулять); оббили почти совсѣмъ на шапкѣ волосъ, подѣлали дырья, пыль подняли страшную и, разгоряченные и раскраснѣвшіеся, выскочили наконецъ на крыльцо, чтобы перевести духъ... Но, о ужасъ! идетъ Чеберякъ и на немъ его сивая шапка, цѣлая и невредимая! А это мы изволили такъ обработать сивую шапку брата Федора, нашего любимца всеобщаго!

Мое обученіе началось собственно съ начала 1829 г., т. е. съ учителя Волошина; да онъ и началъ съ *азовъ*, т. е. съ *промовляння* всего пройденнаго (граматки и проч.), какъ это впрочемъ дѣлалось и прежде каждымъ новымъ учителемъ, начиная

съ дядька Михайла. Этимъ значительно затягивалась наша наука; къ тому же, при Волошинѣ прибавилось и предметовъ для обученія: а) сначала *полýставецъ* (чему мы тамъ учились—теперь рѣшительно не помню), а потомъ и толстый лаврскій молитвословъ, гдѣ мы изучали чинъ разнаго богослуженія, ирмосы и проч. б) пѣніе (съ голоса, безъ нотъ): пѣли наши народныя пѣсни, учились пѣть церковныя пѣсни, пѣли и такія, какъ: „охъ ты птычка, жовтобока, не клады гнизда звысока", „звукъ унылый хвортепьяна выражай тоску мою, я люблю, хотя тирана" (или по редакціи Полтавской мѣщанки, слышанной мною послѣ, въ 1840 г.: „Жукъ унилий, ку-ва пьяна, виряжаечку мою, я люблю хотя тараню, обычаечку мою"); в) *цифиру-счисленія* мы не учили и никакихъ дѣйствій ариѳметики, да едва ли что въ этомъ тямилъ и самъ богословъ Волошинъ; а просто долгою практикой повыучивались писать и читать ряды чиселъ съ сотнями тысячъ правильно. За сотнями тысячъ тутъ для насъ былъ уже *конецъ свита, зъ дошаными небомъ,* на которомъ *жинкы праныки ховалы, якъ сорочкы пралы,* и г) гражданская грамотность. Тутъ Волошинъ особенно отличился передъ отцомъ, хорошо выучивъ насъ по-граждански читать и писать, довольно правильно писать подъ *диктуру,* а сестру Маню и—довольно грязно—составлять небольшія письма. За то же не проходило ни одной поѣздки у отца на ярмарку, чтобы онъ не привозилъ намъ разныхъ книжечокъ съ картинками, которыя мы съ жадностію читали, иногда даже заучивали наизусть и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ подходящій моментъ произносили ихъ передъ гостями, къ великой утѣхѣ отцовскаго сердца и къ великой злобѣ сердецъ иныхъ *кгльзкихъ калистраторовъ,* не могшихъ прощать отцу, что онъ школитъ своихъ дѣтей, а ихъ—*де царь* казною не жалуетъ...

Въ Лубнахъ въ училищѣ я пробылъ съ генваря 1832 г. до каникулъ 1835 г. Какими побужденіями отецъ руководился, отдавая меня туда, и были ли у него тогда на мой счетъ какіе либо планы—не знаю. Очень можетъ быть, что онъ поступилъ такъ по внушенію другого брата матери, дядька Васыля, очень

дѣльнаго человѣка: Говорю это въ виду того, что помню, во время бытности моей въ Лубнахъ, дядя Василь не одинъ разъ мнѣ говорилъ: „учысь-учысь, Махтейку, *по Лицеи* пидешъ", т. е. въ лицей (Нѣжинскій) поступишь, хотя тогда ни о какой лицеи я и понятія не имѣлъ. Учился я въ Лубнахъ не блестяще, но переводили меня изъ класса въ классъ охотно, а при переводѣ въ 3-й классъ въ 1835 г. меня назначили отвѣчать изъ географіи на публичномъ экзаменѣ.

Въ Переяславѣ въ духовномъ училищѣ и, по его окончаніи, въ семинаріи я пробылъ съ каникулъ 1835 г. до начала 1840 г. Очень Лубенскій смотритель не совѣтовалъ отцу брать меня въ Переяславъ, а совѣтовалъ дать мнѣ окончить училище, потомъ везти въ Полтаву въ гимназію, или, если уже и взять меня изъ училища, то все таки везти въ Полтаву въ гимназію. Но у отца на этотъ разъ уже былъ свой планъ: сдѣлать меня медикомъ, а медикомъ въ тѣ времена дѣлались черезъ семинарію. Къ тому же старшіе мои два брата, готовившіеся держать экзаменъ на уѣздныхъ учителей, раньше меня поѣхали въ Переяславъ для почерпанія знаній изъ тамошняго кладезя премудрости. Переяславу я обязанъ привитіемъ мнѣ усидчивости въ трудѣ, такъ что, при переводѣ меня въ семинарію, меня наградили даже книгою.

Начало 1840 г., до каникулъ, я прожилъ въ Пирятинѣ съ братомъ, учителемъ математики тамошняго училища, приготовляясь у него изъ математики для экзамена въ пятый классъ гимназіи (поступилъ, впрочемъ, лишь въ четвертый классъ: сказали, что не дадутъ аттестата, если поступлю мимо четвертаго класса). Въ гимназіи я пробылъ съ каникулъ 1840 г. по каникулы 1844 г., а въ университетѣ съ каникулъ 1844 г. по каникулы 1848 г., и сейчасъ же по окончаніи университета посланъ на службу въ Нѣжинъ.

О дальнѣйшей моей жизни можно получить свѣдѣнія въ моихъ *Замѣткахъ на юбилейную записку Лубенской гимназіи* [1].

[1]) Авторъ разумѣетъ изданную имъ брошюру—*Замѣтки къ юбилейной по случаю двадцати-пятилѣтія Лубенской гимназіи запискѣ. М. Симонова. (Перваго директора Лубенской гимназіи). Кіевъ, 1898. 8°. 39 стр.* Ред.

Скажу еще, что отецъ не хотѣлъ меня пускать въ университетъ, представляя тотъ резонъ, что онъ дряхлѣетъ и требуетъ помочи въ хозяйствѣ, да и средства его значительно сокращаются, такъ какъ главный источникъ его доходовъ, конскій заводъ, приходитъ въ упадокъ, а между тѣмъ у меня имѣется еще одна сестра незамужняя и братъ въ четвертомъ классѣ Полтавской гимназіи, которыхъ надобно тоже довести *до пуття*. Кромѣ того, невысказанными резонами были, какъ онъ послѣ сознавался, неосуществленіе его мечты послать меня въ Петербургскую медицинскую академію и страхъ пустить меня въ Кіевъ *мижъ ляхивъ и ниивськихъ хлёрокъ*, какъ онъ выражался. Въ концѣ концовъ было то, что я поступилъ въ университетъ на казенный счетъ, о чемъ послѣ отецъ горько плакалъ, пріѣхавши туда вслѣдъ за моимъ поступленіемъ въ университетъ и узнавши, что я уже *йимъ казенный хлибъ*: „Не сподивався я для себе“ говорилъ, „такого николы“...

Я упустилъ тамъ, выше, сказать еще, что причина бѣгства моего отъ медицины и перехода изъ семинаріи въ гимназію было выработавшееся у меня убѣжденіе въ Переяславѣ, что медицинская наука не пойдетъ мнѣ въ прокъ. Этому неизбѣжно должна была помѣшать моя непреоборимая гидливость — не великорусская *гадливость*, что-то въ значительной степени зависящее отъ воли и разсужденія, а наша *гидливость*, что-то пассивное, никому и ничему неподчиняющееся, мгновенно разражающееся рвотами, головокруженіями, обмороками и т. п.

Что касается до генезиса моихъ писаній, то дѣло вышло какъ то совершенно случайно и непроизвольно [1]). Надобно сказать, что авторство никогда меня не прельщало и даже не интересовало вовсе. Въ гимназіи у насъ въ ходу было кропаніе стиховъ, но я никогда не согрѣшилъ ни однимъ стишкомъ: дѣло какъ будто вовсе меня не касается. Въ университетѣ на первомъ же году, возникло было, кажется по идеѣ адъюнкта Костыря, изданіе студентскихъ сочиненій и переводовъ. Указано было даже нѣ-

[1]) Здѣсь авторъ отвѣчаетъ на вопросъ *редакціи*.

сколько иностранныхъ сочиненій, которыя желательно имѣть въ русскомъ переводѣ. Я взялся за Гётевого Гёца, быстро перевелъ его, Костырь очень одобрилъ переводъ—и на томъ дѣло кончилось. Бывши учителемъ въ Нѣжинѣ, я перевелъ для одной дамы Гётевого же Вильгельма Мейстера, даже переписалъ и подарилъ по принадлежности, а остальное какъ то такъ и осталось. Даже на службѣ въ Контролѣ и Управѣ Благочинія составленіе точныхъ записокъ, докладовъ и т. д. не увлекло меня. Увлекла меня глазная болѣзнь въ 1847—8 г. Читать и писать нельзя; скука, вспоминаешь Малороссію, давніе годы, разсказы разные. Рѣшительный толчокъ сдѣлало въ этомъ отношеніи расширеніе зрачка, сдѣланное Фребеліусомъ каплями. Лежишь, какъ пень, какіе-то кружки скачутъ передъ глазами—тоска! Я и вздумалъ карандашомъ записывать понемногу разное, что вспоминалось... На Пасху, предъ поѣздкою въ Малороссію, кое-что перевелъ на русскій языкъ и отправилъ въ Русскую Бесѣду. Осенью, когда я нѣсколько мѣсяцевъ оставался безъ службы и получилъ отъ Аксакова увѣдомленіе о напечатаніи отрывковъ, я пустился писать воспоминанія Бѣлокопытенка уже запоемъ... Вотъ вамъ и весь генезисъ!

Весна 1899 г. М. С.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 67-го:

октябрь, ноябрь, декабрь 1899.

Книга первая—октябрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. **П. Житецкаго** . . . . 1—30

II. МАЛОРУССКОЕ СЛОВО „ПАЛЯНЫЦЯ“ И ГРЕЧЕСКОЕ ΠΈΛΑΝΟΣ **М. Дикарева** . . . . 31—49

III. „ОСТАННЯ НИЧЪ“. Историчяя драма въ двохъ картынахъ. **М. Старицкаго** . . . . 50—92

IV. ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ. *(Окончаніе)*. **Е. К.** . . . . 93—106

V. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. **Н. Бѣляшевскаго** . . . . 107—120

VI. ВЛАДИМІРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЯСТРЕБОВЪ. (*Некрологъ*). 121—126

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Замѣчательный кладъ. **В. Антоновича**; б) Замыслъ на попа по рукописи 1798 г. Сообщ. **В. Науменко**; в) Письмо Т. Г. Шевченка къ В. И. Григоровичу. **В. Науменка**; г) Порфирій Корецкій—забытый малорусскій писатель. Сообщ. **В. Науменко**; д) Истребленіе древняго замка на Подоліи. **Ор. Левицкаго**; е) Богданъ Залѣскій и Гоголь; ж) Н. И. Гулакъ

(некрологъ); з) Объ изданіи перепечатки И. И. Срезневскаго; и) Поправка . . . . 1—19
Текущія извѣстія . . . . 19—28

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв. **В. Щербины**; б) К. Болсуновскій. 1) Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Запад. края. 2) Свинцовыя пластинки (пломбы) съ условными знаками церковныхъ праздниковъ, 3) Каталогъ предметовъ, выставленныхъ въ университетѣ св. Владиміра во время XI-го русскаго археолог. съѣзда въ Кіевѣ. **И. Каманина**; в) С. Л. Пташицкій. Князья Пузыны. Историко-генеалогическіе матеріалы. **И. Каманина**; г) Обозрѣніе журналовъ 1-й половины 1899 года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. 29—42
Археологическая лѣтопись . . . . 43—58

III. ПРИЛОЖЕНІЯ 1) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 12-й и 13-й.

Книга вторая—ноябрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. *(Продолженіе)*. **П. Житецкаго** . . . . . 127—166
II. ВОСПОМИНАНІЯ О ПРИВОРОТСКОМЪ ДУХОВН. УЧИЛИЩѢ 50-ХЪ ГОДОВЪ. **М. Трублаевича** . . . . . . 167—184
III. МАРУСЯ БОГУСЛАВКА. Побытово-историчня драма въ 2-хъ картынахъ. **М. Старицкаго** . . . . 185—227
IV. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА Г. П. ГАЛАГАНА за 1845 годъ. . . . . 228—242
V. ПАМЯТИ А. С. ЛАШКЕВИЧА. (Къ 10-лѣтію со дня его кончины). **Е. Кивлицкаго**. . . . . 243—248
VI. ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ЛѢТЪ А. С. ЛАШКЕВИЧА. **В. Беренштама**. . . . . 249—269
VII. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. *(Продолженіе)*. **Н. Бѣляшевскаго**. . . . . 270—286

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Греко-уніатскій монастырь въ Курскѣ. **А. Танкова**; б) Письмо Ѳеофана Прокоповича къ Кіево-Печерскому архимандриту Іоаннникію Сенютовичу. Сообщ. **О. Л.**; в) Эпитафіонъ вознаго Андрея Чечеля, 1765 г. Сообщ. **А. Л.**; г) Сатирическія вирши 1786 года. Сообщ. **О. Сластіонъ**; д) Подписка на памятникъ И II. Котляревскому въ Полтавѣ. . . . . 59—74

Текущія извѣстія . . . . 75—79

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Иванъ Левицкій. Повисти и оповидання. Т. I. **J. S.**; б) Извѣстія Общества любителей изученія Кубанской области. Вып. I, подъ ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. **Е. К.**; в) Щорсовская библіотека графа Литовра-Хребтовича. Краткія свѣдѣнія о собраніи рукописей. Сообщ. С. Л Пташицкій. **И. Каманина**; г) Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ. Древніе памятники искусства: Кіево-Софійскій, Златоверхо-Михайловскій и Кирилловскій монастыри. **В. Щербины**; д) Корыстни звирятка. Кажанъ, йижакъ и зинське щеня (критъ). Напысавъ О. Степовыкъ. **С. Н.**; е) Обозрѣніе журналовъ 1-й половины 1899 года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 80—102

Археологическая лѣтопись . . . . 103—120

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 14-й, 15-й и 1/4 16-аго.

Книга третья—декабрь.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (*Продолженіе*). **П. Житецкаго**. . . . . . 277—300

II. ПИКИНЕРІЯ. **Д. Миллера**. . . . . 301—322

III. МАРУСЯ БОГУСЛАВКА. Побытово-историчня драма въ пяты одминахъ. (*Окончаніе*). **М. Старицкаго** . . . . . 323—380

IV. КЪ ИСТОРІИ ТОРГОВЛИ КОЛЬЦАМИ СВ. ВАРВАРЫ ВЪ КІЕВѢ. **Л. Орельскаго** . . . . 381—389

V. ВЗГЛЯДЪ НА РЕМЕСЛО ПАЛАЧА ВЪ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. Ор. Левицкаго . . . . 390—398

VI. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. (*Окончаніе*). Н. Бѣляшевскаго . . . . 399—412

VII. КЪ ПОРТРЕТУ И. Ѳ. ТИМКОВСКАГО. Н. Ш. . . . 413—415

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Памяти Алексѣя Петровича Стороженка. (По поводу 25-лѣтія со дня его смерти). В. Н.; б) Письмо къ редактору Кіевской Старины о стих. „Славянамъ“ профес. Н. Стороженка; в) Гетманскій рецептъ отъ кашля; г) Варіантъ пѣсни про дурня; д) Дополненіе къ тексту интермедіи «Замыслъ на попа»; е) Заботы о брачныхъ союзахъ юношей духовнаго званія . 121—130

Текущія извѣстія . . . . 131—137

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Записки Наукового товариства імени Шевченка. А. М.; б) «Этнографічний збірник». В. Доманицкаго; в) Обзоръ украинско-русской литературы за 1898-й годъ. В. Д.; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 138—167

Археологическая лѣтопись. . . . . 168—182

III. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Разсказы М. Т. Симонова. (Номиса).
2) Портретъ И. Ѳ. Тимковскаго.

„НИВА“

Подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ 1899 г.

52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

12 ТОМОВЪ полнаго собранія сочиненій Н. В. ГОГОЛЯ, которое будетъ весьма значительно дополнено матеріаломъ, не помѣщеннымъ въ послѣднихъ изданіяхъ соч. Гоголя, и будетъ отпечатано на хорошей бѣлой глазированной бумагѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Біографическій очеркъ, В. И. Шенрока.—ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ. Повѣсти: Сорочинская ярмарка. Вечеръ накануне Ивана Купала. Майская ночь, или утопленница. Пропавшая грамота. Ночь передъ Рождествомъ. Страшная месть. Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка. Заколдованное мѣсто. Томъ II. МИРГОРОДЪ. Повѣсти: Старосвѣтскіе помѣщики. Тарасъ Бульба Вій. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Томъ III. ПОВѢСТИ: Носъ. Портретъ. Шинель. Коляска. Римъ — КОМЕДІИ. Ревизоръ. ТОМЪ IV. КОМЕДІИ: Приложенія къ комедіи „Ревизоръ“.—Женитьба.—ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ и ОТДѢЛЬНЫЯ СЦЕНЫ: Игроки. Утро дѣлового человѣка. Тяжба. Лакейская. Отрывокъ. Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи. Томъ V. Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Томъ первый. Томъ VI. Приложеніе къ первому тому „Мертвыхъ Душъ“.—Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. Томъ второй. Томъ VII. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Томъ VIII. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями (продолженіе) Томъ IX. Юношескіе опыты.—Арабески Часть I. Томъ X. Арабески. Часть II. Томъ XI. Произведенія, не вошедшія въ первое изданіе „Сочиненій Гоголя“. Томъ XII. Сочиненія, относящіяся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ, изданныя послѣ смерти автора.—ПРИЛОЖЕНІЯ: Сганарель, Дядька въ затруднительномъ положеніи.

ДАЕТЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ **одного 1900 года** своимъ подписчикамъ

БЕЗПЛАТНО

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ.

Съ портретомъ, факсимиле и автографомъ.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕР. ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „Парижскихъ модъ“ (до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).

12 №№ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и выкроекъ въ натуральную величину, (около 600 рисунк. и чертеж.)

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1900 г., печатан. красками.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается безплатно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложеніями:

Безъ доставки въ СПБ. 5 р. 50 к.

Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Печковской—6 р. 25 к.; 2) Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. (Образованіе)—6 р. 50 к.

Съ доставкою въ СПБ. 6 р. 50 к.

Съ перес. во всѣ города и мѣсти. Россіи . . . 7 р.

За границу—10 р. Разсрочка платежа въ 2 и 3 ср.

Требованія адресовать въ Главную Контору журн. „НИВА“. С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

хозяйственнымъ запросамъ. Поэтому только въ «Югѣ» печатается множество сообщеній изъ разныхъ уголковъ Херсон. и смежныхъ губерніи: за $1^1/_2$ года изданія въ «Югѣ» напечатано болѣе трехъ тысячъ корреспонденцій.

Благодаря такому изобилію свѣдѣній, необходимыхъ для всего населенія Херсонской и смежныхъ губерній, «Югъ» получилъ широкое распространеніе, проникнувъ даже въ такіе «медвѣжьи углы», куда никакія газеты до сихъ поръ еще не заходили.

Отчасти этому способствовали: дешевая подписная цѣна на «Югъ» и льготы въ уплатѣ денегъ, какія въ другихъ газетахъ не допускаются.

Газета «Югъ» выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ. Праздничные нумера снабжены прибавленіями.

Подписная цѣна для гг. иногороднихъ на годъ 8 руб., причемъ деньги могутъ быть уплочены въ разсрочку. Желающіе получать «Югъ» въ разсрочку благоволятъ заявить о томъ письменно въ Главную Контору газеты, препроводивъ

ОДИНЪ РУБЛЬ,

а остальные семь рублей высылать ежемѣсячно: по одному рублю, по два, по три — какъ кто можетъ.

Учрежденія, оффиціальныя и вообще извѣстныя лица могутъ выписать «Югъ» на годъ

ВЪ КРЕДИТЪ.

Желающіе выписать «Югъ» въ кредитъ только посылаютъ въ контору газеты хотя-бы открытое письмо съ указаніемъ своего адреса, срока, съ котораго слѣдуетъ высылать имъ «Югъ» на годъ и времени, когда будутъ присланы подписныя деньги.

Подписываться на годъ можно не только съ 1 января, какъ подписываются на другія газеты, а съ 1 числа каждаго мѣсяца — 1 число того-же мѣсяца слѣдующаго года.

Адресъ Главной Конторы газеты «Югъ»: Херсонъ, Греческая ул., домъ № 14,

Редакція газеты «Югъ» весьма интересуется жизнью деревни и ея насущными нуждами, а потому проситъ гг. читателей присылать ей свои сообщенія для помѣщенія ихъ на столбцахъ «Юга». Имена гг. корреспондентовъ составляютъ тайну редакціи. Редакція проситъ гг. корреспондентовъ писать четко и притомъ на одной только сторонѣ бумаги, — такъ удобнѣе для наборщиковъ.

———

1—3

Открыта подписка на 1900 годъ. (11-й годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Въ теченіе 1899 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Очерки современнаго состоянія начальнаго народ. образованія въ Зап. Европѣ. М. И. Страховой; 2) Очерки по исторіи русской школы. Э. В.; 3) Возрожденіе воскресныхъ школъ. Я. В. Абрамова; 4) Начальная школа Минист. Народ. Просвѣщенія. В. И. Фармаковскаго; 5) На зарѣ земской школы. (Изъ воспоминаній стараго педагога). С. А. Бобровскаго; 6) Вопросы народнаго образованія въ земскихъ собраніяхъ сессіи 1898 года. И. П. Бѣлоконскаго. 7) Мѣры борьбы съ алкоголизмомъ путемъ школы. А. С. Виреніуса; 8) Характеръ, способы его изученія и классификація его типовъ. Л. Е. Оболенскаго; 9) Мысли о воспитаніи и обученіи. К. П. Яновскаго; 10) Новое воспитаніе. Н. Ѳ. Ареньева; 11) Къ психологіи нашихъ подростающихъ поколѣній. Н. П. П., 12) Учительскій вопросъ въ народной школѣ. И. П. Бѣлоконскаго; 13) Наиболѣе доступные способы приготовленія кандидатовъ на учительскія должности народныхъ училищъ. А. П. Раменскаго; 14) Желательныя измѣненія въ организаціи временныхъ педагогическихъ курсовъ. В. Г. Зимницкаго; 15) О педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Рядъ статей: М. А. Миропіева, А. И. Анастасіева, А. И. Кирпичникова, А. С. Виреніуса и Я. Г. Гуревича; 16) Къ вопросу о реформѣ системы средняго образованія. Я. Г. Гуревича; 17) Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени. В. П. Вахтерова; 18) Обученіе выразительному чтенію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. В. Г. Зимницкаго; 19) О значеніи генетическаго принципа въ методикѣ начальной ариѳметики. Кл. Тихомирова; 20) Нѣмецкая и русская методика ариѳметики въ текущее столѣтіе. М. И. Успенскаго; 21) О чтеніи псалмовъ въ начальной школѣ. А. Ѳ. Соколова; 22) Рутина въ преподаваніи географіи. Ѳ. Г. Шубина; 23) О курсѣ исторіи въ начальной школѣ. Е. Чебышевой-Дмитріевой; 24) О преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Н. И. Карѣева; 25) Къ вопросу о постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. А. П. Флерова; 26) О постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. П. Нечаева; 27) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій. П. А. Селиванова; 28) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ, В. В. Бирюковича и друг.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла Критики и библіографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ. Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкою 7 руб. 50 коп.; для иногороднихъ съ пересылкою—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ

повѣсть К. Случевскаго; „Нежданно-Негаданно“ романъ Вас. И. Немировича-Данченко; „На склонѣ вѣка“ романъ К. В. Назарьевой; „Сто лѣтъ назадъ“ историч. романъ Е. Раппа и мн. др. *Главная Контора „Биржевыхъ Вѣдомостей“ Спб. Невскій, 28.*

Подписная цѣна: второго изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей“ вмѣстѣ съ журналами и съ пересылкою: на годъ 4 р., на 6 мѣс.—2 р., на 3 мѣс.—1 р., на 1 мѣсяцъ—35 копѣекъ.

Въ 1899 году болѣе 70,000 подписчиковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

НОВЫЙ МІРЪ

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакціею

П. М. Ольхина.

За четырнадцать рублей,

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „Новаго міра“ получатъ въ теченіе 1900 года, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія пять изданій:

1) Журналъ „Новый Міръ“ съ „Современной Лѣтописью“. 24 выпуска въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.

2) Иллюстрированный журналъ прикладныхъ знаній „Мозаика Новаго Міра“ (24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) Журналъ „Литературные Вечера Новаго Міра“. 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

4) 12 переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „Библіотека русскихъ и иностранныхъ писателей“, въ составъ котораго войдутъ: а) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій *Ив. Ив. Лажечникова* (т.т. 7—12); б) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій *Генриха Гейне* (т.т. 7—12).

5) Двѣ роскошно переплетенныя книги, ежемѣсячнаго иллюстрированнаго изданія „Живописная Россія“, посвященныя описанію Южнаго Поволжья и Уральской области.

Лица, желающія получить въ 1900 году при „Новомъ Мірѣ“, „Мозаикѣ“ и „Литературныхъ Вечерахъ“ за этотъ годъ всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій Ив. Ив. Лажечникова, всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій Генриха Гейне и, вмѣсто 2-хъ, четыре изящно переплетенныя книги „Живописной Россіи“, посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестепного пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, уплачиваютъ за годовое изданіе „Новаго Міра“ со всѣми вышеперечисленными приложеніями, вмѣсто 14-ти руб.,— 26 рублей (заграничные подписчики 36 рублей).

Кромѣ подписки на журналъ съ приложеніями за два года, редакція „Новаго Міра“, по примѣру прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложеній прошлогодними, а именно, взамѣнъ второй половины соч. Лажечникова и Гейне, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ писателей; вмѣсто же двухъ книгъ „Живописной Россіи“ за 1900 годъ,—двѣ книги того-же изданія, выпущенныя въ 1899 году, т. е. посвященныя описанію Внутренняго Нестепного пространства и Донско-Каспійской области.

Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, взамѣнъ объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе по возможности на отдѣльномъ листкѣ бумаги.

Годовая подписная цѣна „НОВОМУ МІРУ“ со всѣми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи—14 р. Роскошное изданіе—18 рублей. За границу—24 руб., роскошное изданіе—28 рублей.

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальныя же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку безплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка на „НОВЫЙ МІРЪ“ и объявленія принимается въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, № 12, а также въ редакціи „Новаго Міра“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собственный домъ, №№ 5—7.